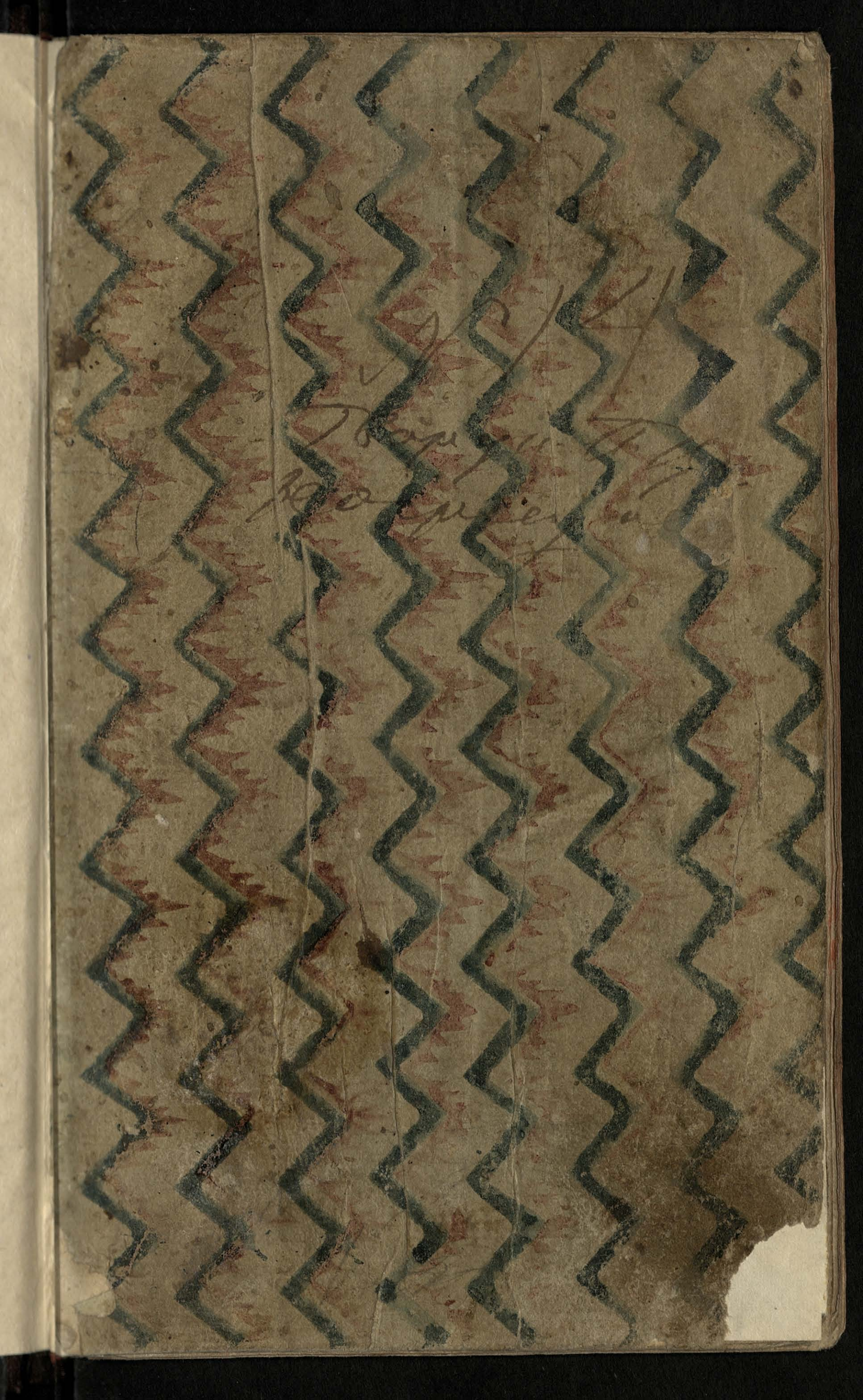


МК

27

23

23

ДВЕНАТЦАТЬ

истинныхъ нравоучительныхъ

ПОВѢСТВОВАНІЙ,

Которыхъ происшествія случились въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Греціи и Китаѣ.

Переведены съ Нѣмецкаго на Россійской языкъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи у В. Окорокова 1791 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу подъ заглавіемъ: Двенатцать истинныхъ нравоучительныхъ повѣствованій и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о расматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Его Благородію

Милостивому государю моему!

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ
ГОЛИКОВУ.

Усерднѣйшее приношеніе.

Милостивый Государь мой!

Никто сомнѣваться не можетъ. что выпущенное въ свѣтъ драгоцѣнное изданіе исторіи блаженныя памяти и вѣчной славы достойнаго Императора Петра Великаго, послужитъ всѣмъ усерднымъ сынамъ отечества всегдашнимъ памятникомъ къ похвалѣ имени Вашего.— Но позвольте и мнѣ объяснить мои къ вамъ чувствованія, коими исполнена душа моя, увеселяющаяся симъ неоцѣненнымъ собраніемъ достопамятностей. —Читая, съ толикою ревностію, тщаніемъ и усердіемъ собранныя вами дѣянія Великаго Героя, возъимѣлъ я къ Вамъ толикое почтеніе, что нетерпѣливо желалъ узнать Васъ персонально; къ щастію желаніе мое исполнилось; я имѣю

честь

честь не только Васъ лично знать, но пользуюсь благосклоннымъ Вашимъ обхожденіемъ и пріязнію. Сей самый случай подаетъ мнѣ смѣлость исполнить давно уже принятое мною намѣреніе. Я посвящая Имени Вашему сей слабый опытъ труда моего, нижайше прошу принять его въ знакъ искреннѣйшей къ Вамъ моей признательности и почтенія, съ каковымъ имѣю честь быть Вашимъ

Милостивый Государь мой!

Покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Белявскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

* ———— *

рисовалъ рисунокъ
крестьянинъ Павелъ
[illegible] Ивановъ

I.

МУДРЫЙ СТЫДЯЩІЙСЯ БЫТЬ ТАКОВЫМЪ.

Сколь несноснымъ становится для меня шумъ міра сего, говорилъ самъ себѣ господинъ Фонъ Линденавъ; сколь несносны для меня начинаютъ быть веселыя *собранія, игры* и *пиршества*! наскучило уже мнѣ показывать собою примѣръ къ подражанію; дѣлать совмѣстно тѣ распутства, которыя сердце мое презираетъ; болтать замысловатыя рѣчи, коихъ ни одинъ разумный человѣкъ неразумѣетъ; выдумывать новыя моды и вымышлять новыя изреченія; однимъ словомъ, быть для всякаго такимъ, какимъ онъ желаетъ, а для себя самаго

ничѣмъ! Ни кто еще столь много о пріобрѣтеніи имени достопочтеннаго мужа нестарался, сколько я стараюсь заслужить названіе суемудраго глупца. Не стану болѣе играть той роли, которая мнѣ такъ щасшливо удалась. Она мнѣ не прилична; кончу лучше мнѣ свойственную.

Такъ размышлялъ Линденавъ, мужъ хотя нынѣшняго свѣта, однакожъ внутренно стыдился быть шоковымъ. Сія мысль изображала настоящій его характеръ. Онъ какъ только достигъ тритцатилѣтняго возраста, то началъ раскаеваться, что потерялъ двенатцать лѣтъ, проживъ ихъ въ развращенной жизни. Онъ имѣлъ способность погрѣшность сію опять загладить. Онъ одаренъ былъ разумомъ и блестящею остротою; разсуждалъ правильно; имѣлъ чувствительное но склонное и къ другимъ предметамъ сердце. Двенатцать лѣтъ въ развращеніи про-

проведенныя не могли истребить щастливыхъ его природныхъ дарованій. Линденавъ ничего болѣе нежелалъ, какъ показать себя таковымъ, какимъ избрала его природа.

Одно только затрудненіе ему было препятствіемъ; то есть, какимъ бы образомъ можно ему было перемѣнить такъ скоро свою ролю... Повѣрятъ ли сему превращенію?... Да какая мнѣ въ томъ нужда! повѣрятъ ли оному, или будутъ сумнѣваться объ ономъ? Такъ разсуждалъ Линденавъ. Я положилъ уже однажды, чтобъ жить впредь для себя самаго. Безъ сумнѣнія почтутъ роль мою смѣшною. Средства къ отмщенію зависятъ только отъ меня.

Разсудивъ обо всѣмъ здраво, думалъ онъ однакожъ, что надобно еще притворяться, чтобъ не примѣтили въ его поступкахъ ни въ рѣчахъ нималѣйшей перемѣны. Но принужденіе сіе не могло долго продол-

жаться. Линденавъ искалъ случая сїю неудачу исправить; оной и открылся самъ собою.

Онъ имѣлъ съ Барономъ Фонъ Шрамъ, который былъ нѣсколько моложе его, дружественное знакомство. Шрамъ гордился тѣмъ, что чрезъ него вошелъ въ свѣтъ и пользовался его наставленїемъ; ибо не ложно, что никакой учитель неимѣлъ послушнѣйшаго ученика и никакой ученикъ сильнѣйшаго побужденїя къ такому опредѣленїю. Шрамъ отъ природы былъ таковъ, каковымъ Линденавъ казался по одной только принятой системѣ.

Что наконецъ изъ тебя будетъ? сказалъ ему однажды, усердный его ученикъ. Нельзя тебя нигдѣ сыскать, а всего удивительнѣе, что ты всегда сидишь дома. Ничего болѣе тебѣ не недостаетъ, какъ только чтобъ поучиться у философа Платона. Знаешь ли ты, что я скоро уже не буду болѣе называться твоимъ ученикомъ?

Кто

Кто бы могъ подумать, что Линденавъ отъ сей рѣчи находился въ замѣшательствѣ? Онъ вмѣсто, чтобъ послѣдовать разуму, взялъ прибѣжище къ пустому остроумїю. Не ужели не позволяется мнѣ нѣсколько дней успокоиться? Сказалъ онъ; мнѣ никакъ не возможно во всемъ управиться. Законоискусники имѣютъ свой отдыхъ; то для чегожъ и намъ не имѣть своего?

Очень хорошо отвѣчалъ Шрамъ; но что скажетъ на сїе нѣжная D**** та, которая столь вѣрно желаетъ быть любимою? Она къ тому привыкнетъ, такъ какъ многїя ей подобныя.— А бодрая Е*** которая никогда дождаться не могла.— Пожелаешь ли ты потерять на всегда спесивую А***; спесивая не может терпѣть, чтобъ нерадѣли объ ней.— Она должна учиться быть равнодушною. —Сколь часто влюбленная Ф*** будетъ напрасно выглядывать изъ окошка въ отсутствїи твоемъ!—Она избавитъ за

то меня отъ убытку.— Однакожъ надобно тебѣ, продолжалъ Шрамъ, завтре уединенїе свое оставить.—Да для чегожъ завтре.—Для того, что я далъ твое слово, и обѣщалъ привести тебя къ Графинѣ —Я знаю, что ты у нее какъ въ своемъ домѣ; то не хочешьли и меня помѣстить тамъ; — — Для чегожь и не такъ? только прошу тебя, старайся сколько возможно; я жъ съ своей стороны обѣщаю тебѣ все дѣлать къ споспѣшествованїю твоему — Только признайся мнѣ, любезный другъ, что подъ симъ скрывается много корыстолюбїя, или еще больше самолюбїя? Не въ совершенномъ ли вы другъ съ другомъ согласїи, Графиня и ты?— Я такъ думалъ, а равно и вы, но мы обманулись. Это удивительное дѣло, со взаимною опасностїю нашею. — Ты въ опасности? — Истинно такъ, да и какъ бы иначе было? что сказать такой женщинѣ, которой уже все сказано, и которая

рая сама болѣе незнаетъ, что ей отвѣчать? — — А! теперь то я понимаю тебя, ты хочешь опасность свою свалить на меня; но, естьли ты теперь ее умножишь? — Нѣтъ она имѣетъ къ тебѣ отмѣнное почтенiе. Я тебѣ даже признаюсь, что я сначала для того только ей понравился, что имѣлъ честь быть ученикомъ твоимъ. — Хорошо! размышлялъ внутренно Линденавъ, я вижу, что должно мнѣ теперь мое доброе имя у нее удержать; вотъ что называется довольно худо произведенъ я планъ моего уединенiя. — Это еще не все, продолжалъ Шрамъ, намъ должно еще ѣхать завтре въ ее деревню; она дѣлаетъ тамъ всякiя приготовленiя къ великолѣпному празднованiю, а ты будешь героемъ онаго. — Празднованiе? Да для когожъ? — Для ея мужа. — Какъ? Развѣ они опять помирились? — Какъ бы не такъ? да развѣ мужья съ женами мирятся? — Графиня, какъ

какъ женщина разумная, позволяетъ пріѣжжать мужу своему, въ годъ однажды, дабы онъ думалъ, что въ домѣ своемъ, что нибудь значитъ. Онъ съ своей стороны такъ скроменъ, что позвленія сего неупотребляетъ во зло.

Линденавъ дѣлалъ, къ толь скорому отъѣзду нѣкоторыя отговорки; однакожь не имѣлъ довольно силы устоять на томъ. Хочешь ли, сказалъ Шрамъ, оставить Графиню у супруга ея между четырьмя глазами? Онъ подумаетъ, что одержалъ влюбленную побѣду.—

Имъ оставалось, только восѣмъ часовъ до графинина замка. Проѣхали уже половину дороги, каждой въ своей коляскѣ, которыя были отмѣнно великолѣпны. Одна повозка особливаго вида, и другая простая деревенская телѣга, въ коей запряжены были два вола, привлекли вдругъ на себя вниманіе обоихъ путешественниковъ. Въ телѣгѣ на копнахъ недавно

сжа-

сжатаго хлѣба, сидѣла прекрасная дѣвица въ бѣлой одеждѣ, украшенная цвѣтами: Въ одной рукѣ держала она искусно украшенный цвѣтами Серпъ, а въ другой разноцвѣтными лѣнтами обвитой пучокъ соломяныхъ связокъ; такимъ же образомъ возвышались подъ нею на подобіе престола вмѣстѣ связанныя снопы. Такъ точно явилась нѣкогда Церера, когда не была еще матерью Прозерпины, или такъ сказать Прозерпина, до разлученія съ матерью своею.

Во кругъ сей телѣги послѣдовала толпа молодыхъ людей обоего пола. Звукъ нѣкоторыхъ побольшей части деревенскихъ инструментовъ, увеселялъ ихъ шествіе, и всѣ по онымъ въ тактъ маршировали. Нѣсколько поотдаль видвидны были, сихъ молодыхъ людей идущіе отцы. Все сіе представлялось нѣсколько мечтательнымъ и страннымъ позорищемъ. Шрамъ нѣсколько порядокъ

ихъ потревожилъ, проѣхавъ столь близко коляскою своею мимо телѣги молодой красавицы. Дѣвица достойная обоженія! вскричалъ онъ такимъ голосомъ, и взоромъ, что она отъ того испугалась. Подлинно! обоженія достойная дѣвица! Тѣ цвѣты, которые ты держишь, промѣнять надобно на драгоцѣнные камни, а деревенскую телѣжку на прекрасный и легкій фаетонъ. Телега неостанавливаясь ѣхала потихоньку впередъ, что и воспрепятствовало Шраму о семъ болѣе говорить. Чтожъ касается до Линденава, то онъ приказалъ людямъ своимъ съ дороги своротить и остановиться. Онъ смотрѣлъ на явленіе сіе съ изумленіемъ и еще болѣе того съ чувствительностію. Онъ вспомнилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было обыкновеніе, такимъ образомъ заключать жатву и прекраснѣйшую изъ всей деревни дѣвицу выбирать въ королеву жатвы. Лучшаго выбиру не могло

ло здѣсь быть, думалъ онъ самъ въ себѣ. Какое сокровище хранится въ одной можетъ быть бѣдной деревенской избушкѣ! оно достойно быть украшенїемъ великолѣпнѣйшаго зданїя. Взоры его безпрерывно устремлялись на сельскую Королеву сїю; они умножили ея замѣшательство, что и придало ей только тѣмъ болѣе красоты. Линденавъ могъ почти примѣчать, что этотъ образъ безпокойствїя съ прежнимъ имѣлъ различїе, то есть съ тѣмъ, которое причинилось поселянкѣ проѣздомъ Шрама. Мысль сїя здѣлала въ немъ впечатлѣнїе, по которому онъ изумился, однакожъ она неудивитъ тѣхъ, кои знаютъ, что деревенская дѣвушка, такъ какъ и Принцесса владѣетъ тѣми же правилами красоты. Глаза, кои еще ничего несказали бываютъ очень краснорѣчивы естьли они отваживаются изъяснить себя. Линденавъ продолжалъ путь свой не охотно. Онъ нашелъ Шрама занявшагося распрашиванїемъ одного

го изъ тѣхъ, кои заключали деревенскую церемонїю. Этотъ человѣкъ былъ одѣтъ нѣсколько получше простаго мужика, но впрочемъ означалъ голосомъ таковуюжъ простоту. Что значитъ отмѣнная сїя церемонїя? спрашивалъ его Шрамъ.—Жатва наша кончена, отвѣчалъ крестьянинъ.—Я не зналъ, что окончанїе оной такъ торжественно провождается.—Множество есть и кромѣ васъ, которые сего не знаютъ. Это древнїй обычай, который я опять уставляю. Онъ забавляетъ сихъ молодыхъ людей, а всякая забава есть утѣшенїе.—Служитъ ли и то также, къ утѣшенїю, что прекрасная дѣвица оная избрана тобою?—Не я, но другїе ея избрали.—Былиль при семъ выборѣ и другїя дѣвушки? были.—Естьли такъ, то надобно пойти и запастись этимъ товаромъ.—Вы можетъ быть этимъ товаромъ небудете довольны; наши сельскїе дѣвушки слишкомъ просты.—Таковыми только

ихъ

ихъ изображаютъ. Я сдѣлаю, на примѣръ, что прекрасное дѣтя сїе, которое теперь везутъ гулять, еще до трехъ недѣль потеряетъ стыдливость свою.—Я вамъ въ томъ порукою, что она и чрезъ шесть мѣсяцей еще стыдиться не престанетъ.—Развѣ въ томъ тебѣ нужда, чтобъ она привычку сїю удержала?—Это сбыточное дѣло. Я витъ у нее нѣсколько и въ уваженїи.—Другъ мой, уваженїе къ тебѣ у ней, думаю, не много значитъ; неможно ли тебѣ уваженїя своего употребить къ пользѣ моей?—у нея?—Да у нея.—Ну! это слишкомъ хороша коммисїя! О! я увѣряю васъ, что въ этомъ случаѣ непремѣнно долгъ свой исполню.—Мнѣ кажется, другъ мой, будто ты шутить хочешъ?—Ни какъ нѣтъ; я такъ справедливо говорю, какъ вы сами—Я думаю, что ты имѣешь столько разума понимать, что люди моего состоянїя, не даютъ надъ собою шутить.—Ахъ! судырь, перервалъ его рѣчь крестьянинъ, не имѣетель

вы

вы можетъ быть нещастія быть дворяниномъ?—Да, я дворянинъ. Что ты разумѣешъ чрезъ слово нещастіе!—Можетъ статься вы и при дворѣ въ хорошемъ почтеніи?—Такъ, какъ лучше быть неможетъ.—Ахъ! тѣмъ хуже! я объ закладъ бьюсь, что вы и во всѣхъ веселыхъ компаніяхъ пріятны?—И въ томъ ласкаю себя.—Истинно вы очень жалки. Я также примѣчаю, что вы конечно мало находили женщинъ, которыябъ вамъ противились.—Да развѣ есть такія; я ни одной еще не примѣтилъ.—Милостивый государь! неходите въ сіе село, въ немъ вы нѣкоторыхъ сыщете.—Какъ?—Вотъ та самая маленькая Каролина, которую вы такъ скромною видите.—Ну?—Вотъ что! чѣмъ миловиднѣе, какой знатной господинъ, тѣмъ болѣе пужается она его. —Однакожъ она по смирнѣе будетъ.—Сумнѣваюсь. Къ такому случаю сдѣлали ее чрезмѣрно упрямою.—Видно этому научилъ

училъ ее какой нибудь деревенской болванъ.—Собственный ея отецъ.—Его надобно исправить. Деревенская философія противъ истинныхъ основаній не легко устоять можетъ.—Онъ слишкомъ несклонный человѣкъ, это я вамъ впередъ говорю.—О! несклонные обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ подобны бываютъ!—Таковъ онъ во всемъ. Вы узнаете его изъ двухъ моихъ словъ. Онъ всему селу проповѣдуетъ, что щастливы бываютъ только въ низкомъ состояніи а не знатные. Онъ говоритъ, что онъ и самъ имѣлъ нещастіе сначала, гоняться за знатными людьми, но наконецъ былъ столько щастливъ, что ихъ убѣгалъ, и теперь убѣгаетъ отъ нихъ.—Конечно, перервалъ его рѣчь Шрамъ, этотъ человѣкъ какой нибудь коварный управитель и врагъ человѣческаго рода?—Всего менѣе; онъ очень веселаго духа, и что еще удивительнѣе, никогда неувидишъ его печаль-

нымъ

нымъ.—Чтожъ онъ дѣлаетъ въ этомъ селѣ?—Онъ старается о пользѣ вотчины своей.—Доходналь его вотчина—Нѣтъ, однакожъ ему кажется достаточна.—Чѣмъ же занимается Каролина.—Такою работою, которая нетягостна, для такой молодой дѣвушки.—Этому я радъ, отвѣчалъ Шрамъ, что сберегли живой цвѣтъ лица ея.—О! что касается до сего, то отецъ ея самъ неусыпно о томъ старается. Онъ говоритъ, хто когда какая женщина красавица, то всѣ способы употреблять должна, таковою быть на всегда.—Онъ неошибся. Право! я его за то поблагодарю.—Напрасно отвѣчалъ ему съ улыбкою незнакомый; и вдругъ ушелъ отъ него, чему Шрамъ не мало въ первой разъ въ жизни своей удивлялся.

Линденавъ могъ только услышать одну часть сего разговора однакожъ прочее можно было ему легко отгадать. Этотъ человѣкъ думалъ онъ, есть ни-

что иное какъ крестьянинъ; онъ игралъ дноу только роль, которой нельзя лучше представить, хотя бы и съ умыслу. Я самъ помышляю объ одной роли, которая также моглабъ показаться странною, какъ и его.

Шрамъ съ своей стороны сдѣлалъ равнымъ образомъ свое предпріятіе. Человѣка онаго должно мнѣ пріучить, думалъ онъ, или избрать другія средства и дороги, чтобъ оное милое дитя освободить отъ ига невольничества. Что скажешъ объ этомъ собраніи? сказалъ онъ Лиоденаву, который взглянулъ на него съ усмѣшкою.—Я скажу, отвѣчалъ онъ, что также легко быть можетъ на телѣгѣ волами везомой красивая, какъ и подъ деревенскимъ платьемъ смысленная и разумная особа. Однакожъ ты долженъ мнѣ признаться, отвѣчалъ Шрамъ, что этой смысленной и разумной особѣ нужно просвѣщеніе. Отецъ сей Каролины хочетъ въ

селѣ своемъ положить ее во гробъ живую; а она сотворена къ лучшему концу. Я ей означаю мѣсто Машеньки моей.

Машенька сія была Шрамова любовница. Сравненіе сіе не показалось Линденаву, который хотѣлъ ему доказать, несправедливость онаго; но Шрамъ путь свой продолжалъ, чему и совмѣстникъ его долженъ былъ послѣдовать. Впрочемъ сіе явно показывало, что онъ желаетъ быть защитникомъ благоразумія, слабость же мудреца сего состояла въ томъ, что онъ неотваживался таковымъ казаться.

Между тѣмъ, видъ Каролины невыходилъ изъ мыслей его. Они прибыли въ замокъ. А! — это Линденавъ, кричала Графиня, которую онъ еще неуспѣлъ увидѣть; это Линденавъ! теперь то небудетъ намъ скучно; ибо нестанемъ заниматься педантическими вздорами. Рѣчь сія привела Линденава въ замѣшательство. Ну! думалъ онъ, опять новое при-

нужденіе! видно надобно мнѣ будетъ здѣсь играть прежнюю роль свою; но не смотря на все оное, я могу думать, что захочу. Онъ и устоялъ въ томъ подлинно.

Шрамъ былъ опасный его соревнователь, который не щадилъ трудовъ въ изобрѣтеніи предъ нимъ преимущества. Роль же сія отъ природы была ему свойственна. Повѣрите ль вы, сказалъ онъ Графинѣ, что Линденавъ день отъ дня становится важнѣе? онъ сидитъ въ гнѣздѣ своемъ безвыходно, и чтобъ вытащить его изъ зачетырехъ стѣнъ, должно употребить имя ваше.

Преимущество сіе сколько для меня лестно, отвѣчала Графиня, столько же и ужасно; это очень скорая перемѣна — Милостивая государыня! сказалъ Линденавъ съ откровеннымъ духомъ, я пребываю твердъ въ моихъ положеніяхъ; однакожъ признаюсь, что нѣкоторыя собранія бываютъ для меня иногда столь

 скуч-

скучны— КакЪ? ГосподинЪ ФонЪ Линденавъ, возможно ли, чтобЪ вы могли имѣть скуку?—Милостивая государыня! я не имѣюизключительнаго права, быть всегда безЪ куки. Оное имѣю я, перервала его рѣчь Графиня, и легко оное употреблять могу. ВоперьыхЪ для меня все прїятно. И для меня также, прибавилЪ ШрамЪ.— ОднакожЪ милоставая Государыня, все неможетЪ быть прїятнымЪ, сказалЪ ЛинденавЪ.— Извините меня отвѣчала Графиня, для насЪ все это быть можетЪ; сїе зависитЪ отЪ воображенїя, которымЪ мы всякую вещь понимаемЪ. Предметы принимаютЪ вЪ глазахЪ нашихЪ свойство души нашей. Смутна ли она; то и они равнымЪ образомЪ мрачны; естьли же весела, то и все мрачное облако изчезнетЪ. Мы не должны ничего разсматривать сЪ важной стороны, то и не приближится никогда кЪ намЪ скучное время. Я видалЪ людей, сказалЪ напротивЪ того

Лин-

Линденавъ, кои важны были, но не имѣли однакожъ никакой скуки.— Это по тому, говорила Графиня, что такїе люди находили въ томъ удовольствїе, чтобъ казаться важными. Что касается до васъ, Господинъ Линденавъ, то опасаюсь я что Шрамъ сказалъ правду. Вы сдѣлаетесь въ самомъ дѣлѣ важнымъ.— Этому я не вѣрю; но хотябы и такъ, чтожъ бы изъ того воспослѣдовало? Тысячи насмѣшекъ. Есть многїе, которымъ вы досаждали и на щетъ ихъ веселились; они будутъ вамъ отмщевать за то. Прежде боялись васъ, а теперь начнутъ васъ вызывать и надъ вами смѣяться. Перемѣну вашу приписывать будутъ не столько самопроизвольному избранїю новой роли, сколько болѣе неспособности, принятую прежде сего, продолжать.— О! что касается до сего, милостивая Государыня, то я уже довольные примѣры показалъ.— Вамъ надобно оные повто-

 рить,

рить, Государь мой — Сїе то теперь и нужно. Я имѣю къ тому еще довольно средствъ. Но вы милостивая Государыня, какїе имѣете здѣсь источники пособїя, къ которымъ можете имѣть прибѣжище свое? Въ деревенской жизни оныхъ мало. — Очень много, напротивъ того! Господинъ фонъ Ланденавъ, очень много. Конечно нестолько сумозбродства, какъ въ великихъ городахъ, однакожъ все еще его довильно. Я имѣю напримѣръ въ сосѣдствѣ одну баронессу, которая зачинаетъ числить дворянство свое съ перваго перїода послѣ потопа и почитаетъ всѣхъ старинныхъ дворянъ полубожками. Она живетъ безпрестанно въ одномъ замкѣ, выстроенномъ однимъ изъ прародителей ея, который будучи Кавалеромъ, носилъ въ день ристанїя латы. Звѣринецъ и голубятна ея составляютъ два главнѣйшїя предмета имущества, на которыя она ничего нещадитъ. Въ воскресный день не от-

отлучается она никогда изъ дому, чтобъ неопустить параднаго своего явленія въ церкви. Но какъ бы то нибыло, она служитъ намъ къ хорошему увеселенію. Впрочемъ я имѣю подданныхъ, на которыхъ не налагаю тяжелыхъ податей и работъ, а стараюсь только просвѣтить ихъ грубие души; и тутъ то попадается кое чего много. Я примѣчаю, что здѣсь самая натура не чрезъ чуръ проста. Похитрѣе изъ нихъ, смѣются надъ другими; сіе правило видно у всѣхъ людей въ употребленіи. Однакожъ о грубыхъ людяхъ говоря, хорошо предсказывать имъ, что честь пріуготовляемаго мною празденства принадлежитъ подданнымъ моимъ.—Конечно, перервалъ Шрамъ, чтобъ при празденствѣ, для мужа приготовляемомъ было все отлично. Я очень знаю, отвѣчала Графиня, какъ близко граничитъ сіе къ насмѣшкѣ, однако я подвергаю себя опасности сей съ

охотою. Можно болѣе здѣлать для мужа, который столько ласкавымъ кажется, что онъ никогда больше требовать не захочетъ? Онъ прелюбезный мужъ; съ самаго того времени, какъ перестали мы другъ друга любить, сдѣлались лучшими въ свѣшѣ друзьями.

Я сїе совершенно поминаю, сказалъ Шрамъ; но поелику вы ограничиваете насъ на одной только роли зрителей, то изберите покрайней мѣрѣ хорошую актрису. Сколько мнѣ возможно будетъ, сказала Графиня. Одна изъ нихъ и самая знатнѣйшая, стоила мнѣ небобѣе одного шага, и я ни мало несумнѣваюсь, что мужъ мой будетъ тѣмъ очень доволенъ.

Слѣдовательно она хороша? спросолъ Шрамъ. Нѣсколько, отвѣчала Графиня.— Итакъ она покрайней мѣрѣ хороша размышлялъ Линденавъ, и вдругъ вспомнилъ Каролину.

На другой означенный для празднованїя день, пришолъ Графъ. Государи

мой

мои, сказалъ онъ Ланденаву и Шраму, вы будите свидѣтелями взаимнаго угожденія. Супруга моя сего дни желаетъ оказать мнѣ честь, дабы и самой въ ней участвовать. Но чтобы это значило, что здѣсь кажется мнѣ, такъ тихо и спокойно?— Я умерла бы съ досады сказала Графиня; мнѣ хотѣлось представить вамъ маленькое зрѣлище. Но на этотъ часъ отлучились люди мои.— Жаль сказалъ Графъ; безъ зрѣлища некажется мнѣ никакое празденство пріятнымъ: да какую бишъ надпись имѣетъ ваша игра?— *Добрый Господинъ*— это не очень хорошо избранная надпись, сказалъ Ланденавъ; я уже видалъ...— Ну чтожъ! перервала рѣчь его Графаня, такъ будемъ мы довольствоваться театромъ натуры; онъ заслуживаетъ часть большаго уваженія, нежели многіе другіе.

Они пошли въ садъ, который былъ очень великъ и хорошо украшенъ, и что

еще всего рѣже случается, въ которомъ царствовало со вкусомъ расположенное многоразличіе. Они пришли къ цвѣтникамъ, въ срединѣ которыхъ находилась одна статуя, представляющая флору. Она держала въ рукѣ пучокъ благовонныхъ цвѣтовъ, и окружена была другими статуями, кои, выключая двухъ, другъ съ дружкой держались за сплетенные изъ цвѣтковъ вѣнки; и такимъ образомъ составляли кругъ, въ который въ одномъ только мѣстѣ можно было войти. Вы удивляетесь сказала Графиня своему мужу, что видите окрашенныя статуи. Меня увѣряли, что древнѣйшія въ Греціи были такіяжъ, и что хотятъ обычай сей ввести опять и между нами. Я захотѣла посвятить вамъ оныя, первая.— Тутъ повела она его до самой Флоры, которая тотъ же часъ переставъ быть статуей, подавала Графу свой пукетъ, съ такою непринужденною пріятностію,

что

чтю всѢ зрители даже до изумленія тронуты были. Но удивленіе Линденава и Шрама было столькожЪ велико, сколько ихЪ изумленіе. ВЪ ФрорѢ сей, нашли они опять ту молодую Цереру, которую на дорогѢ видѢли, или лучше сказать, Флора и Церера была никто иной какЪ Каролина.

СЪ сего часа ЛинденавЪ и ШрамЪ ненаходили во всѢхЪ частяхЪ празденства ничето болѢе прелестнаго. Первый притворялся сколько возможно было; но ШрамЪ не могЪ возделжаться. ОнЪ подошелЪ кЪ ФлорѢ ближе. КакЪ? ты еще до сихЪ порЪ богиня? подлинно роль сія вамЪ весьма прилична, но и та, которая вамЪ дана отЪ Природы могла бы вамЪ столькоже приличествовать: Я ее опять приму отвѢчала Каролина, да и никогда нежелала другой.— Не уже ли вы ее знаете? спросила его Графиня.— ТутЪ расказалЪ онЪ ей исторію вчерашняго собранія

бранія обстоятельно.— А вы Линденавъ? спросила опять Графиня, примѣтилиль ее? это бы прекрасно было, когдабъ она здѣлала обоихъ васъ совмѣстниками.

Линденавъ намѣренъ былъ, отвѣчать такимъ образомъ, который бы спрашивающей не показался; однакожъ удержался. Онъ даже не осмѣлился важнаго дать отвѣта. Удобный насмѣшливый голосъ, послужилъ ему къ сокрытію того, что чувствовалъ. И естьлибъ принялъ онъ другой голосъ, то подвергнулъ бы себя насмѣшкамъ; въ опасность же сію не хотѣлъ онъ еще пуститься.

Но сколь великое было смущеніе его и удивленіе! Каролина нимало не внимающая Шрамовой рѣчи, казалась быть отъ того, что онъ сказалъ, печальною. Она опустила глаза; но онъ думалъ, что примѣтилъ во взорахъ ея гнѣвъ и замѣшательство. Какъ размышлялъ онъ, я люблю ее, и могъ на то рѣшиться, чтобъ

ее

ее укротить! на то ли она сотворена? Прелести служатъ женскому полу вмѣсто всѣхъ преимуществъ дворянства; въ слѣдствіежъ сего нѣтъ ни одной женщины благороднѣе Каролины. Однакожъ явить ее за равную почиталъ съ подругами ея. Сколь сїе несправедливо! можетъ быть закрылъ я теперь сердце ея для меня самаго на вѣки. Отъ сихъ мыслей пришелъ онъ внѣ себя. Онъ хотѣлъ упасть передъ ногами Каролины, и просить въ такой несправедливости прощенія, дабы опять ее загладить.

Продолжавшїяся увеселенїя, подали ему наконецъ случай передъ нею неприметно изъясниться. Сдѣлайте милость, сказалъ онъ ей, позабудьте на всегда тотъ отвѣтъ, который принужденъ я былъ дать Графинѣ. Намѣренїе мое было единственно, чтобъ привести ее въ другїя мысли. Истинное признанїе того, что я къ вамъ чувствую, должно обьявить

только

шолько вамъ. Я пользуюсь пріятнѣйшею минутою, оное вамъ открыть; я употреблю всѣ средства, изъявить вамъ о томъ доказательства. Позволите ли мнѣ любезнѣйшая Каролина?—

Милостивый государь! сказала она ему, я дѣвица, а по сему не могу вамъ ни въ чемъ позволить — Покрайней мѣрѣ, незапрещайте мнѣ сего, продолжалъ Линденавъ.— Состояніе ваше столько превышаетъ мое, сказала на сіе Каролина, что я столько же мало вамъ могу въ чемъ запретить. Но отецъ мой такъ возмущенъ, противъ знатныхъ особъ, что неповѣритъ ничему, что бы они ни вздумали ему сказать; да и мнѣ запретилъ тому вѣрить. Невѣрьте ему самому; я знаю какъ вывести его изъ сего заблужденія.— это невозможное дѣло.— Да развѣ онъ непозволилъ вамъ притти къ Графу?— Онъ нашъ господинъ; а впрочемъ господинъ Графъ однн

только

только изъ всѣхъ знатныхъ, котораго онъ почитаетъ.— Онъ и меня будетъ почитать, въ томъ увѣряю васъ.— Какъ вы это здѣлаете.— Я имѣю вѣрное къ тому средство; но согласитесь ли вы на то, чтобъ я онсе употребилъ?— Хорошо, отвѣчала Каролина, я соглашаюсь на все, что доставить вамъ можетъ почитанїе отъ отца моего.

Послѣднїя слова Каролины здѣлали Линденава внѣ себя отъ радости. Онъ повторялъ оныя нѣсколько разъ въ восхитительномъ удовольствїи. Хорошо, я соглашаюсь на все, что доставить можетъ вамъ почитанїе отъ отца моего. Какое щастливое обращенїе выраженїя! размышлялъ онъ. Бѣдная ли крестьянка говорила сїе? Впрочемъ голосъ ея предвѣщаетъ еще болѣе того что она разумѣла въ выговоренныхъ словахъ. Неможетъ быть, чтобъ Каролина была изъ низкаго состоянїя. Съ намѣренїемъ надѣтое на

нее

нее платье, скрываетъ отъ насъ ея рожденіе. Платье сіе надобно на ней перемѣнить. Но естьлижъ я и въ самомъ дѣлѣ ошибусь, то долженъ однакожъ ее любить, какого бы она роду ни была.

Громкой смѣхъ, прервалъ глубокую его задумчивость. Оной произошелъ отъ Графини и Шрама, которые услышали окончаніе его разговора, и безмѣрное постоянство, въ каковомъ находился Линденавъ. Вотъ геройской поступокъ! сказалъ Шрамъ; покрайней мѣрѣ это пастушескій голосъ. Въ скоромъ времени не нужно будетъ ему ничего больше имѣть, какъ только пастушій посохъ, дабы быть совершеннымъ Дамономъ.— Я ему одинъ подарю, и сама его украшу, сказала Графиня. Кажется мнѣ, что онъ читалъ Астрею; теперь не недостаетъ больше ничего, какъ чтобъ онъ сравнилъ меня съ нимфою, которою онъ жертвуетъ пастушкѣ своей!

Однако-

Однакожъ продолжала Графиня, вы видно столько же мало презрилибъ прекрасную Астрею?— Я ничего непрезираю, что хорошо, отвѣчалъ Линденавъ.—это не худо сказалъ на сіе Шрамъ; онъ еще не совсѣмъ заблудился; можно его опять привести на доброй путь; трудъ же сей остается для васъ, милостивая государыня.—Для меня?—Да, для васъ.—Есть ли онъ, полагая въ буквальномъ смыслѣ долженъ быть перешедшимъ бѣглецомъ, то сіе, признайтесь только сами, здѣлалобъ вамъ мало чести.— Я клянусь вамъ, Господинъ Баронъ, что непредусматриваю, въ чѣмъ бы могла претерпѣвать притомъ честь моя.— Да вить это очень видно и ясно, милостивая Государыня. Я вижу, что Линденавъ готовъ перемѣнить все свое прежнее поведеніе. Онъ уйдетъ отъ насъ, но въ какое время! въ то самое, когда одинъ только взглядъ вашъ могъ бы связать его. этотъ Тріумфъ тѣмъ

менѣе для васъ; въ извѣстныхъ же обстоятельствахъ неполучить побѣды, значитъ— Значитъ, тоже самое, что и побѣждену быть? неправда ли? перервала рѣчь Графиня. Но ктожъ это вамъ сказалъ, что я такимъ образомъ побѣждать намѣрена? Впрочемъ не принуждаютъ людей насильно; и естьли господинъ Фонъ Линденавъ твердо рѣшился предпріять перемѣну, имъ за лучшую почитаемую, то я непротивлюсь его намѣренію.

Званіе мое не перемѣнилось, милостивая Государыня, отвѣлалъ Линденавъ; ибо насмѣшки сіи приводятъ въ большее замѣшательство и того, который поступилъ бы по плану своему; не трудно будетъ судить о томъ вамъ самимъ. Нѣтъ! нѣтъ! я ни во что не вхожу, вскричала Графиня, но впрочемъ не удивитесь ли вы способу договора, коимъ мы занимаемся? Жаль что нейдетъ мужъ

мой, чтобъ опредѣлилъ ему самъ онаго статьи! Ахъ! Милостивая Государыня! сказалъ Шрамъ, да развѣ нельзя заниматься мужу вашему такимъ же образомъ? Посмотрите на супруга вашего; кажется что онъ имѣетъ нужду равнымъ образомъ и другїя еще статьи приводить въ порядокъ. Почемужъ бы такъ? спросила съ усмѣшкою Графиня; Кажется, какъ будто бы онъ имѣетъ важный разговоръ съ Каролиною! вы послѣ увидите, что прелестная Флора сїя, соберетъ около себя болѣе зефира.— Я думаю, Сказалъ Шрамъ, что Графъ захочетъ испытать, точно ли оживотворена для него сїя Статуя. Такїя статуи, отвѣчала Графиня, оживаютъ всегда безъ всякихъ чудесъ.

На всѣ замысловатыя рѣчи сїи, не сказалъ Линденавъ ничего. Онъ видѣлъ, что Графъ точно находился съ Каролиною въ важныхъ разговорахъ. Неужели

буду я имѣть его соперникомъ своимъ? разсуждалъ онъ самъ съ собою. Каролина говорила мнѣ объ немъ какъ объ одномъ только знатномъ Господинѣ, котораго почитаетъ отецъ ея. Такъ почему узнать можно, не пойдетъ ли она еще и далѣе нежеби отецъ ея? Съ другой же стороны почитанїе Графа, могло бы имѣть совсѣмъ различныя причины; но могло также значить, что Каролина рождена въ вышшемъ родѣ, нежели въ какомъ она кажется, и что тайна сїя была Графу извѣстна. Мысль сїя согласовалась слишкомъ со склонностїю его, нежели, чтобъ недать ему преимущества.

Онъ жилъ въ замкѣ Графининомъ цѣлую недѣлю; однакожъ незанимался почти ничемъ другимъ, какъ только Каролиною, и изобрѣталъ средства, чтобъ получше узнать ея состоянїе. Онъ поручилъ любопытство сїе одному изъ слу-

жите-

жителей своихъ, къ которому особливую имѣлъ довѣренность, и который къ такимъ случаямъ очень былъ способенъ. Къ достиженїю же цѣли своей, казалось быть ему лучшимъ средствомъ, чтобъ переодѣть себя. Ливрея его сдѣлалабъ его подозрительнымъ. Онъ обьявилъ себя человѣкомъ, который хочетъ покупать въ этомъ селѣ хлѣбъ для запасу. Видъ сей, привелъ его въ состоянїе, вывѣдать все отъ жителей очень способно. Онъ узналъ, что Дибнеръ (такъ назывался Каролининъ отецъ) былъ нетамошнїй уроженецъ, но только нездавныхъ временъ въ этомъ селѣ живетъ; и что купилъ онъ тутъ себѣ деревню могущую пропитать семейство его; что главнѣйшее увеселенїе его, состоитъ въ томъ чтобъ обработывать самому землю свою.—

Естьли у него дѣти, спросилъ лукавый посланникъ.— Онъ имѣетъ одну только дочь, сказано ему въ отвѣтъ; но

 она

она сущій даръ Небесный. Не сыскать подобной и въ цѣлой нашей округѣ. Она совершенная красота, самая кротость и самая добродѣтель; сказать можно по справедливости, что она при всѣхъ совершенствахъ, не показываетъ и виду, чтобъ думать о томъ. Очень примѣтно, что Природа ея знатнѣе, нежели нашихъ дѣвушекъ, однакожъ она одѣвается, почти также, какъ и онѣ; отецъ же ея не много лучше нашего. Онъ бываетъ на всѣхъ потѣхахъ нашихъ и дочь его не имѣетъ ни какой другой, кромѣ въ собраніи съ нашими дочерьми.

Это чудо! сказалъ на сіе спрашиватель; но нельзяли узнать какой онъ человѣкъ? — Все, что мы тебѣ сказали, а болѣе ничего объ немъ незнаемъ, отвѣчали крестьяне; а только сказываютъ, что господинъ Графъ его весьма почитаетъ и ему очень доброжелательствуетъ. — Но можетъ быть господинъ Графъ доброже-

латель

лательствуетъ ему для его дочери? — Право, милость его къ ней, отвѣчалъ одинъ крестьянинъ, происходитъ только издали; ибо онъ въ годъ не болѣе какъ однажды здѣсь бываетъ.

Сыщику сему легко можно было посѣтить и самаго Дибнера; однакожъ онъ зналъ, что и онъ самъ неболѣе ему, или еще и менѣе скажетъ о семъ дѣлѣ, нежели, сколько сказали ему крестьяне; для того и возвратился онъ къ своему господину, и повторилъ ему то, что слышалъ. Извѣстіе сіе обрадовало и успокоило Линденава. Онъ размышлалъ о средствахъ, какъ бы принятой имъ планъ, произвести чрезъ нѣсколько дней въ дѣйство. Предпріятіе нѣсколько романическое, однакожъ надѣялся онъ привести оное къ щастливому окончанію.

Щастливый случай казалось въ томъ ему благопріятствуетъ. Баронесса, которая была Графинею такъ сатирически

описана, не находилась при семъ празднованіи; она въ то время была нездорова и болѣзнь сія съ того времени всегда больше умножалась. Она скончалась въ самый тотъ день, какъ Линденавъ хотѣлъ уѣхать. Но услышавъ о семъ, началъ онъ помышлять, чтобъ купить тотъ старой замокъ, который съ селомъ, гдѣ жила Каролина былъ смѣженъ.

Къ щастію его, наслѣдникъ Баронессы небылъ вовся зараженъ, какъ она владѣніемъ наслѣдственнаго имѣнія своего. Онъ не дѣлалъ отговорокъ и великаго затрудненія, и Линденавъ принялъ твердое намѣреніе на все согласиться. Наконецъ получилъ онъ имѣніе сіе въ свое владѣніе съ большею радостію, нежели какъ бы сдѣлался владѣтельнымъ Княземъ.

Линденавъ содержалъ все дѣло сіе сколько возможно въ тайнѣ. Ни графиня, ни Шрамъ не могли о томъ ничего узнать,

нать; поведенїе же, которое предпринялъ онъ, увѣряло его, что онъ соблюдать сїе можетъ долго отъ нихъ въ неизвѣстности. Графинино сосѣдство не безпокоило его; она рѣдко прїѣжжала въ сїю отчину. Наступило время, которое привело его въ величайшую опасность, чтобъ обмануть какъ ее такъ и Шрама и многихъ другихъ особъ въ городѣ. Онъ не могъ еще на то рѣшиться, чтобъ быть во вся строгимъ Философомъ. Онъ еще болѣе былъ увѣренъ, что перемѣна сїя, естьли вездѣ разнесется, то можетъ влюбленнымъ намѣренїямъ его сдѣлать препятствїе. Можетъ быть онъ въ мнѣнїи своемъ и не ошибался, но хотябъ и ошибся, то могъ бы на томъ же основанїи утверждаться.

Итакъ принялъ онъ намѣренї езаняться упражненїемъ, которое удалило его на нѣсколько времени отъ города, въ новомъ помѣстьѣ своемъ, какъ простой уединенный

ный человѣкъ, что и нужно было для него, дабы Каролининъ отецъ непочелъ его за высокомѣрнаго и гордаго человѣка. Права знатности, коими Баронесса столь много величалась, почиталъ онъ очень маловажными. Онъ отмѣнивъ почти всѣ преимущества, оставилъ только самыя необходимѣйшія. Подданные его небыли подвержены ни налогамъ ни другимъ какимъ рабскимъ услугамъ; однакожъ онъ хотѣлъ всѣхъ ихъ узнать; и единственно для того только, чтобъ сдѣлать помощь тѣмъ, которые въ томъ, нужду имѣли. Онъ распрашивалъ о самыхъ мѣлкихъ вещахъ, и обо всемъ имѣлъ попеченіе.

Первое стараніе его было, чтобъ сламать старыя башеньки, и отмѣнить все, что только подавало замку его видъ крѣпости. Въ разсужденіи времени и мѣста казались ему такія украшенія крайне смѣшными; особливо же были онѣ для него противны. Я хочу, сказалъ онъ одному

ному изъ поданныхъ своихъ, которые около него стояли, чтобы все къ тому служило, что меня въ ближайшее съ вами сравненіе привести можетъ. Я больше хочу быть другомъ вашимъ, нежели господиномъ. Мы будемъ дѣлать другъ другу взаимныя вспоможенія; и въ семъ то состоятъ всѣ тѣ должности, кои я на васъ налагаю. Сіи добрые люди, слушая разговоры его отъ радости плакали. Ахъ! сказалъ ему одинъ посѣдѣлый почтенный старикъ, вмѣстѣ съ прочими плачущій; когдабъ всѣ господа такъ думали и поступали, какъ вы, то очень бы легко было тѣмъ утѣшать себя, чтобъ быть подданными; имъ надобно имѣть рабовъ. Они думаютъ, что тотъ, кто не имѣетъ ни замка ни гончихъ сабакъ не есть человѣкъ. Вы ихъ примѣру неподражаете и потому останетесь въ выйграшѣ; всѣ мы любимъ васъ; а сіе кажется мнѣ самое чучшее награжденіе.

Кин-

Линденавъ позналъ истинну онаго въ сію минуту. Спокойствіе сихъ бѣдныхъ людей причинило ему всякое удовольствіе, которое было для него столькоже восхитительно, какъ и самая любовь, ознаменующая съ начала образъ его предпріятія; а человѣколюбіе и великодушіе руководствовали его къ произведенію онаго въ дѣйство. Сіе для новаго мудреца было одно изъ тѣхъ радостей, которыя обѣщевала ему любовь и совсѣмъ не зависимое утѣшеніе.

Однакожъ мудрецъ сей не отказывался и отъ оной. Всегда занимался онъ Каролининымъ видомъ и средствами къ ближайшему съ Дибнеромъ знакомству. Сдѣлавъ ему посѣщеніе безъ всякаго явнаго вида, могъ бы онъ чрезъ то подвергнуться опасности худаго угощенія; а сіе произвело бы впередъ непріятныя для него слѣдствія. Съ другой же стороны ласкался бы онъ тщетною надеждою ожидать

дать прежде отъ Линденава доброволь-
наго посѣщенія. Итакъ Линденавъ рѣ-
шился на первое, сыскавъ при томъ из-
рядную причину, которая къ предпріятому шагу пріуготовляла ему дорогу. При
разсматриваніи нѣкоторыхъ бумагъ, на-
шелъ онъ, что умершая Баронесса имѣ-
ла съ Дибнеромъ судебный споръ, кото-
раго владѣніе частію принадлежало къ ея
округѣ. Чрезъ покупку же сего владѣнія,
купилъ онъ вмѣстѣ и искъ, а сіе самое
было для него въ дѣлѣ семъ милѣе всего.
Онъ нетерпѣливо желалъ, чтобъ Диб-
неръ въ дѣлѣ семъ былъ неправъ, дабы
пожертвовать ему своими правами. Но
напротивъ того, оказалось, что Дибнеръ
былъ правъ; о чемъ соперникъ его очень
сожалѣлъ. Какуюжъ онъ будетъ имѣть
ко мнѣ благодарность за этотъ приступъ
мой? Такъ разсуждалъ Линденавъ; онъ
будетъ думать, что одна только тру-
сость, чтобъ непотерять иска, къ сему
при-

приступить меня принудила. Но как бы то нибыло, я должен сїе сдѣлать, по-крайней мѣрѣ для того, чтоб увидѣть Каролину, а сего уже и довольно для меня.

Он спѣшил притти к Дибнеру. Дом, в котором он жил, был от других отдѣлен и нѣсколько лучше других: Чѣм ближе Линденав подходил к оному, тѣм большїй чувствовал в сердцѣ жар. Однакож думал он, что бы значило, что маленькое жилище сїе, кажется мнѣ столько почтенїя достойным! смотря на него, чувствую я то, чего нечувствовал никогда, видя великолѣпныя палаты. В оныя входил я равнодушно и без всякой предосторожности; а здѣсь сопровождает очарованныя шаги мои почтенїе. Итак не ложно, что любовь над честолюбїем гордости смѣется; она возвышает и унижает попеременно. Думают быть тѣм,

чѣм

чѣмъ быть желаютъ; смотрятъ на предметы такъ, какъ оныя узрѣть желаютъ. Деревенскій домикъ сей въ глазахъ моихъ важнѣе палатъ; любви достойная Каролина, которая въ немъ живетъ, владѣетъ всѣми преимуществами, которыя понаружности прельщаютъ.

Углубясь въ размышленіяхъ сихъ, пришелъ онъ къ дверямъ Дибнерова дома; дверь была отворена; долго ни кто не являлся, кого бы онъ могъ спросить. Онъ бродилъ по великому двору вокругъ и видѣлъ что всѣ прочіе двери заперты, кромѣ садовыхъ. Онъ вошелъ туда; нѣкоторые пріятные звуки поразили слухъ его; это былъ гласъ самой Природы, искуство въ томъ неимѣло никакого участія. Чтожъ для Линденава было всего важнѣе, пѣла Каролина. Избраніе голоса и словъ обнаруживало нѣжно тронутую душу. Каролина въ то время занималась собираніемъ плодовъ, которые клала въ корзину.

Сколь

Сколь прелестны моловажнѣйшїя ея поступки! размышлялъ Линденавъ. Онъ сожалѣлъ, что помѣшалъ ей, и нерѣшимо приближался, однакожъ подошелъ къ ней. Каролина примѣтила его. Наружный видъ его, могъ бы сдѣлать непримѣтнымъ, однакожъ Каролина узнала его. Принужденный крикъ, въ которомъ слышалось выраженїе радости, показывалъ ея изумленїе. Какъ? это вы, сказала она дрожащимъ голосомъ. Какой нечаянной случай....— Нечаянный случай приводитъ меня сюда бюбезная Каролина, отвѣчалъ Линденавъ; одно только желанїе видѣть васъ, есть причина моего прихода; желанїе мое было, чтобъ доказать вамъ что расположенїя мои всегда тѣже самыя; любовь, любовь, говорю всѣмъ моимъ движенїемъ руководствуетъ. Однакожъ милостивый государь, сказала Каролина...— Ничего, милостивый государь!...— Я пришелъ сюда, перервалъ ея рѣчь Линденавъ,

навъ, объявить, что купилъ не въ дальномъ отъ сюда разстоянiи деревню, чтобъ быть къ вамъ по ближе, и сдѣлаться въ глазахъ вашихъ сноснѣйшимъ. — Ахъ! сказала на сiе Каролина, вы дворянинъ, а сего уже и довольно. — Деревни мои очень невелики. Одно только сельцо составляетъ все мое владѣнiе. — Какъ? сказала Каролина съ удивленiемъ, не уже ли вы новый господинъ села сего. — Такъ любезнѣйшая Каролина! — И такъ, вы тотъ господнъ, котораго милость и благодѣянiя весьма похваляютъ? То, что намъ отомъ сказывали, обрадовало отца моего чрезвычайно, а меня до слезъ тронуло. — Боже мой! и такъ это награда добродѣтели! сколь она достойна сего! однакожъ Каролина, вся заслуга того, есть ваше дѣло. — Мое дѣло? — Да, ваше. Слонность моя внушила мнѣ принять другую жизнь; но обыкновенiе получило бы побѣду надъ склонностiю моею. Гласъ

радости вѣщалъ сильнѣе гласа разума. Наконецъ увидѣлъ я, что тотъ родъ людей, въ какомъ живете вы, заслуживаетъ почтенїе предъ всѣми людьми.

Каролина находилась въ великомъ замѣшательствѣ, чтобъ дать ему отвѣтъ; видно вспомнила она, что отецъ ея недалече отъ нея былъ. Она сказала о томъ Линденаву, который и самъ позабылъ, причину посѣщенїя своего. Онъ открылъ оную своей любезной, и она подтвердила, что сїе весьма къ стати. Но нѣкоторое пустое воображенїе потревожило вдругъ Каролинину радсть; должно ли ей противъ отца своего притворяться? Линденавъ утаевалъ часть преимуществъ чина своего; должно ли ей лукавство его подтверждать. Всѣ основанїя сїи были ему возражены, и онъ оспорывалъ оныя сколько ему возможно было.— Признайтесь только сказалъ онъ ей, что предразсужденїе Дибнера не справедливо;

я надѣюсь его въ томъ увѣрить и послѣ открыть ему себя. Ахъ! сказала на сїе Каролина, трудно бодетъ вамъ его увѣрить. Я въ дѣлѣ своемъ увѣренъ, отвѣчалъ Линденавъ. Дай Богъ! сказала Каролина; такого искреннѣйшаго желанїя никогда она не имѣла.

Дибнеръ былъ на самомъ краю своего сада. Онъ увидѣлъ дочь свою приближающуюся къ нему съ незнакомымъ; ибо при первомъ собранїи не совсѣмъ примѣтилъ онъ Линденава, а въ прочемъ великое различїе платья довольно уже служило къ тому. что онъ былъ ему не примѣтенъ. Дибнеръ спросилъ его о причинѣ сдѣланной ему чести посѣщенїемъ. Я пришелъ, отвѣчалъ Линденавъ для прекращенїя нѣкоторой извѣстной вамъ тяжбы которую имѣла съ вами умершая Баронесса. Права ея достались мнѣ; однакожъ никогда не имѣлъ я намѣренїя, вразсужденїи несправедливости быть на ея мѣстѣ.

стѣ.—Милотивой Государь, сказалъ Дибнеръ, такъ это точно правда, что къ похвалѣ вашей говорятъ? Какъ? вы имѣете подданныхъ, и ие угнѣтаете ихъ? Вы столь снисходительны, что они могутъ имѣть право?---— Я еще болѣе дѣлаю, отвѣчалъ Линденавъ, я съ охотою признаюсь, что сами они всегда почти имѣютъ право; однакожъ, признайтесь и вы, что васъ противъ всѣхъ помѣщиковъ слишкомъ много потревожили?— Я этому не вѣрю; а въ прочемъ поступаю я только по долговременному опыту. — Какъ? вы по этому поставляете всѣхъ ихъ въ тойже самой степени?— Одно только изъ онаго я изключаю:— Да можеть быть вы другой.—Напротивъ того могу я вамъ оныхъ болѣе назвать. Нѣтъ! нѣтъ! останемся при сихъ двухъ, есть ли угодно; такой потачки уже довольно.

Во время ихъ разговора, Каролина хотѣла было отъ нихъ удалиться, но

сїе по намѣренїю ея несдѣлалось. Она бѣгала въ саду по всѣмъ мѣстамъ, такъ, что во многихъ въ одно время быть казалась. Сїе для Линденава всякую минуту служило новымъ увеселенїемъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ большимъ еще вниманїемъ, чрезъ которое старался опровергнуть Дибнеровы выраженїя. Дибнеръ сдѣлалъ ему предложенїе отдохнуть въ бесѣдкѣ, обѣщая подчивать деревенскими закусками. Люди мои занялись всѣ въ полѣ; сказалъ Дибнеръ, однакожъ осталась Каролина; она умѣетъ въ нуждѣ все сдѣлать. Вы увидите, что мы и безъ прочихъ не хуже будемъ угощены. Повѣрю, отвѣчалъ Линденавъ, однакожъ я недопущу....— Для чегожъ нетакъ, перервалъ его рѣчь Дибнеръ; можетъ быть для того, что она не слишкомъ дурна?— Не слишкомъ дурна? вскричалъ Линденавъ, скажите лучше несказанно хороша.— Какъ вамъ угодно, сказалъ на

сїе Дибнеръ; однакожъ кажется мнѣ, что сїе угощенїю не помѣшаетъ. Такъ какъ вы ее видите, составитъ она щастїе какого нибудь крестьянина.— Она сдѣлаетъ всякаго, кто бы то нибылъ щастливымъ, перервалъ рѣчь его Линденавъ.— Нѣтъ! я хочу, чтобъ онъ жилъ въ деревнѣ; онъ долженъ быть таковъ, какъ я, не болѣе и не менѣе. При сихъ словахъ Линденавъ опять испугался. И такъ я, думалъ онъ напрасно оставилъ великой свѣтъ, и сдѣлался однимъ только деревенскимъ господиномъ; по чину моему онъ будетъ почитать меня знатнымъ. Можетъ быть и Дибнеръ знатнѣйшаго рода, нежели каковымъ оказываетъ себя. Различныя черты не подаютъ никакого знака; да и доказательствъ не вижу я никакихъ.

Дибнеръ позвалъ дочь свою, которая недалече отъ нихъ находилась; вотъ сказалъ онъ ей, это тотъ милостивой госпо-

сподинъ, который по милости своей желаетъ покушать нѣкоторыхъ закусокъ; я велю тебѣ хорошенько его угостить. Каролина весьма покраснѣла, а Линденавъ находился въ великомъ изумленіи. Недовольно того, что онъ Каролину видѣлъ и съ нею разговаривалъ, но долженъ былъ даже и угощаемъ быть сею. Онъ почиталъ полдникъ сей за самый лучшій обѣдъ.

Какъ скоро поставили на столъ, то Каролина казалась весьма робкою; руки у ней дрожали.— Присутствіе ваше дѣлаетъ ее робкою, сказалъ Дибнеръ Линденаву. Вы первый знатнѣйшій по господинѣ села сего, котораго она здѣсь видала. Линденавъ притворясь, будто господина сего незнаетъ, спросилъ, кто онъ таковъ? Графъ фонъ О***, отвѣчалъ Дибнеръ. Такъ этотъ то и сыскаалъ отъ васъ милость? продолжалъ Линденавъ; милость же сія простирается да-

леко, ибо Графъ фонъ О*** очень знатный господинъ. Сего онъ никогда мнѣ не оказывалъ, прибавилъ къ сему Философъ деревенскій; мы живемъ съ нимъ какъ пріятели, и посѣщаемъ другъ друга такъ рѣдко, что знакомство наше не много значитъ.

Они живутъ между собою какъ пріятели! думалъ Линденавъ. Слова сіи подкрѣпили догадку его; онъ сѣлъ за каменный столъ, который у самаго полукружія бесѣдки не подвижно стоялъ; а Днбнеръ послѣдовалъ ему. Положеніе сіе показалось Линденаву страннымъ, сколько онъ ни влюбленъ былъ. Онъ противъ желанія своего помышлялъ о насмѣшкахъ, къ коимъ моглобъ подать поводъ Графинѣ и Шраму, естьлибъ они могли быть свидѣтелями онаго. Хотя то и справедливо, что Линденавъ не сдѣлалъ бы примѣчанія сего, естьлибъ Каролина сама сидѣла за симъ столомъ;

однако

однако нельзя было ему испросить у Дибнера сей милости. Но тотъ предупредилъ его. Я вижу, сказалъ онъ ему, что трудъ той, которая васъ угощаетъ, вамъ несноснымъ кажется. Я чувствую мою къ вамъ благодарность за соболѣзнованіе ваше, ибо всегда надобно помнить за все благодарность къ тѣмъ, кои нежелаютъ иногда одолженными быть ничѣмъ. Каролина, садись съ нами; ты небудешъ для сего господина противна.

Симъ приказаніемъ Линденавъ былъ слишкомъ доволенъ. Произшедшая отъ того радость его едва было не обнаружилась. Съ какою горячностію услуживалъ онъ Каролинѣ! но Дибнеръ, не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія, привелъ его еще въ способнѣйшее противъ прежняго положеніе. Онъ хотѣлъ напротивъ, чтобъ Каролина ему услуживала. Легко можно вообразить себѣ, что для него было все то вкусно, что она подавала. Онъ попро-

силъ плодовъ. Ему она подала тѣ самыя которые срывала своими руками. Линденавъ не очищая ихъ началъ ѣсть.— Однакожъ, сказалъ Дибнеръ, груша гораздо бы вкуснѣе была, естьлибъ ея очистить.— Она для меня не столько была бы хороша, отвѣчалъ Линденавъ, какъ въ натуральномъ ея положенiи.

Слушай Каролина, сказалъ Дибнеръ, не прiучай себя ни когда жить съ господами.— Для чего? спросилъ Линденавъ, съ крайнимъ изумленiемъ.— Для того, что она опредѣлена жить съ подобными себѣ.— Не принадлежу ли и я къ сему числу?— Изъ онаго еще можно нѣчто выключить. Не много недоставало того, что мы должны были вамъ подать.— Вы знаете, употребляю ли я во зло противъ кого нибудь представляемое право сiе.— Но оно находится въ вашей власти.— Я оное имѣю для того только, чтобъ объ немъ недумать.— Лучшебъ было естьли

его

его не имѣть вовся.— Нравоученіе ваше не множко строго. Да не читалиль вы разсужденія объ одномъ Философѣ?— Можетъ статься; я иногда препровождалъ время въ чтеніи. Да о какомъ разсужденіи говорите вы?— Я право не помню теперь заглавія; Только знаю еще то, что оное обращаетъ людей къ щастливому состоянію самой Природы, то есть питаться травою и тому подобное.—Да, да! о неравенствѣ состояній, не такъ ли?— Такъ точно.— Я оное когда то читалъ, продолжалъ Дибнеръ, и опасаясь, чтобъ онаго незабыть, несталъ больше его читать.— это значитъ, что вы такихъ же почти мыслей, какъ и сочинитель.— Нѣтъ; сочинитель былъ въ такомъ случаѣ, такихъ же мыслей какъ и я, только разумѣется при томъ, что я нехочу ѣсть ни кого.

Линденавъ имѣлъ великое желаніе говорить съ нимъ основательно и красно-

рѣчиво,

рѣчиво, чтобъ доказать пользу подчиненности. Однакожъ онъ думалъ, что такая рѣчь, не увѣритъ такого человѣка ни въ чемъ. Лучше буду я стараться, думалъ онъ заслужить отъ него почтенїе, чрезъ похвальныя поступки, которыя докажутъ гораздо больше, нежели глубокїя ученыя мнѣнїя; и такъ окончавъ съ нимъ начатой Баронессою искъ вышелъ онъ отъ Дибнера. Справедливый поступокъ сей произвелъ въ душѣ Дибнеровой великое впечатлѣнїе. Чтожъ касается до Каролины; то отъ части извѣстна ей была побудительная причина онаго; и дѣйствїе оной тѣмъ болѣе ее трогало. Линденавъ сїе примѣтилъ; никогда непричиняло ему большей радости такого рода открытїе, какъ сїе.

Нѣкоторыя необходимыя дѣла требовали присутствїя его въ городѣ. Онъ явился тамъ опять какъ и прежде, съ тѣмже обрядомъ и поведенїемъ. Побудитель

тельная причина пребыванія его внѣ города не была примѣчена. Всѣ думали, что онъ былъ въ вотчинахъ своихъ, для полученія отъ управителей впередъ денегъ, отъ которыхъ бы они послѣ уволнены быть могли. Сіяніе ни мало необнаружило перемѣны его свойствъ, да и самъ онъ нехотѣлъ, чтобъ перемѣна сія была другимъ извѣстна. Тайна сія имѣла для него нѣчто пріятное, одноже сильнѣйтее основаніе дѣлало его сокровеннѣйшимъ; онъ недолженъ былъ скидывать маски смѣшнаго. Однимъ словомъ; деревенскій мудрецъ нашъ показался въ городѣ вновь, какъ совершенный щоголь.

Онъ сыскалъ Графиню и Шрама. Сей послѣдній неоставлялъ намѣренія своего, обязывать ее чувствіями или болѣе привычкою. Онъ самъ для себя имѣлъ другое предпріятіе, которое положилъ исполнить немедлѣнно. Каролининъ видъ невыходилъ изъ мыслей его. это было не

любовь, но горячнѣйшее желанiе завладѣть совсѣмъ новымъ предметомъ. Онъ сердечно сожалѣлъ о Каролинѣ, что она должна жить въ деревнѣ такъ скрытно, и нечаялъ ни малѣйшей несправедливости причинить ей своимъ намѣренiемъ.

Въ сихъ нескладныхъ разговорахъ, въ коихъ безъ всякой основательности и связи отъ одного предмета къ другому перескакивая, говорила Графиня о Каролинѣ и о томъ впечатлѣнiи, которое произвела деревенская сiя красавица въ трехъ знатныхъ господахъ. Линденавъ покраснѣлъ. Графиня же приписала движенiе сiе стыдливости, которую причинило въ немъ напоминанiе сiе.

Однако Линденавъ опасаяся только того, что можетъ быть уже извѣстна имъ тайна его. Однакожъ не чувствовалъ еще довольно въ себѣ твердости, дабы открыто защищать и оправдать выборъ свой.— Знаетель вы нѣчто новое? сказала

ла Графиня, старая Баронесса умерла. Я слышала, что наслѣдникъ ея чуднѣе, нежели сколько она смѣшна была. этотъ новый постоянный господинъ, ограничиваетъ всю свою компанїю даже до крестьянъ своихъ. Онъ живетъ такъ какъ они, а иногда еще и хуже ихъ. Онъ по нѣкоторымъ причинамъ философъ; ибо всякїй человѣкъ, который не способенъ жить въ свѣтѣ, охотно величается симъ титломъ. Однакожъ милостивая Государына, перервалъ рѣчь ея Линденавъ, развѣ всякой не можетъ жить какъ ему хочется? — Крестьяне теже люди. — это вамъ такъ разсудилось сказать, перервала опять рѣчь его госпожа щеголиха; покрайней мѣрѣ не должно имъ давать преимущества передъ подобными себѣ и еще вышшими себя. — этого я не знаю, отвѣчалъ Линденавъ нѣсколько бодрѣе; что касается до подобнаго себѣ, я оставляю, но вразсужденїи другихъ думаю, что

свойственнѣе быть съ тѣми, коихъ нечаянный случай сдѣлалъ намъ подвластными. — Нечаянный случай! вскричала она; не знаете ли вы, господинъ Линденавъ, что это настоящая и истинная Философія? — Нѣтъ, милостивая Государыня, я думаю, что это одинъ только разсудокъ. — эхъ! да какъ давно разсуждаете вы?... — Пожалуйте сюда, Баронъ, сказала она Шраму, который весьма съ важнымъ видомъ занимался расматриванiемъ отмѣннаго изобрѣтенiя одной мебели, пожалуйте и послушайте мудрыхъ глаголовъ новаго нравоучтеля сего. Много будетъ значить, естьли онъ неприведетъ васъ къ рѣшенiю жить въ одной изъ вашихъ мызъ. — Истинно, любезный Линденавъ, сказалъ на сiе Шрамъ, я думаю, что могу тебѣ предсказать будущiй твой жребiй. Ты въ скоромъ времени сдѣлаешся сущимъ деревенскимъ бояриномъ, которой обращается между сельскими школьными учителями и гончими собаками.

Не

Не трудно было Линденаву отвѣчать и доказать преимущества деревенской жизни основываясь на пользѣ и выгодѣ земледѣлія. Однако онъ не сдѣлалъ сего, въ чемъ однакожъ и нужды мало было для него. Впрочемъ мудрецъ нашъ не могъ себя принаровить, чтобъ во вся таковымъ казаться. Онъ худо защищался, опасаясь, чтобъ слишкомъ много доказывать не измѣнить своей тайнѣ. Онъ принялъ опять шуточной голосъ, коего привычки еще непотерялъ. За первыя его рѣчи извинили, коими онъ началъ разговоръ; ибо почитали оныя за нечаянно повинуяся мудрость, которая бы не имѣла однакожъ ни какихъ худыхъ слѣдствій.

Послушай, сказалъ ему Шрамъ въ тужe мимуту, какъ Графиня отошла въ сторону, мнѣ кажется смѣшно, что ты опускаешь случай. Къ чему это скорое и такъ долгое отсутствіе? Я былъ столько благосклоненъ, что старался о

пользѣ твоей; а теперь настоитъ время стараться тебѣ объономъ самому.

Я очень сожалѣю отвѣчалъ Линденавъ, но мнѣ надобно опять отправиться на нѣкоторое не большее время въ дорогу.—Я уже понимаю, отвѣчалъ Шрамъ; это пахнетъ нѣкоторымъ любовнымъ предпріятіемъ, подъ которымъ кроется тайна. Вотъ это гораздо лучше, нежели въ отчинахъ дѣлать посѣщеніе. Повришъ ли ты, что и я намѣренъ имѣть участіе въ сей тайнѣ?—Тѣмъ чучше для тебя. Слово сіе обнаруживаетъ все. Но удовольствуй однакожъ любопытство мое въ одномъ дѣлѣ. Помнишъ ли еще маленькую Каронлину?—Какую Каролину? Спросилъ Линденавъ, нѣсколько изумившись.—Какъ? ты не можошь теперь ее вспомнить?—Во вся нѣтъ, отвѣчалъ Линденавъ хладнокровнѣе.—Она не выходитъ у меня изъ головы отвѣчалъ Шрамъ. Я думалъ, что соболѣзнованіе

ванїе твое къ ней покрайней мѣрѣ равнялось моему, а теперь вижу совсѣмъ противное; изъ чего слѣдуетъ, что я имѣю больше человѣколюбїя, нежели ты; къ чему желаю себѣ щастїя.— Изъяснись пояснѣе, сказалъ Линденавъ, скрывая свое безпокойство.— Полно! все уже сказано. Прочее мнѣ надобно взять на себя. Я думалъ, что Графъ нѣсколько примѣчалъ ее; я чаялъ, онъ имѣлъ тѣ мысли, коихъ неимѣетъ. Видѣть такъ вовся ее оставлену, нельзя ни стерпѣть ни понимать.

Графиня опять появившись прекратила ихъ разговоръ. Линденавъ цѣлой вечеръ былъ безпокоенъ и задумчивъ. Онъ сказалъ, что на другой день поѣдетъ, чему Графиня весьма удивлялась и досадовала. Она изъявила сїе насмѣшками; но у нѣкоторыхъ женщинъ насмѣшка означаетъ точное выраженїе досады.

Линденавъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ, но совсѣмъ другою дорогою, вмѣсто той

по которой ѣхать хотѣлъ. Лишъ только онъ проѣхалъ нѣсколько часовъ, то и приказалъ своимъ служителямъ, которые о тайнѣ сей ничего незнали поворотить въ одну изъ его деревень, недалече отъ того мѣста стоящую, и оставшись съ коляскою тамъ, дожидаться другаго приказанія; потомъ самъ сѣвши на верховую лошадь поскакалъ одинъ въ новую свою деревню.

Первое его стараніе было посѣтить Дибнера; и болѣе Каролину; но не такъ уже онъ былъ щастливъ, какъ въ первой разъ; ибо сыскалъ онъ ее не одну, однакожъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что и она о томъ сожалѣла. Съ другой стороны видѣлъ онъ въ глазахъ ея нѣкоторое удовольствіе, подобное тому, какое онъ самъ чувствовалъ; ибо Каролина не знала науки притворяться. И Дибнеръ самъ непочиталъ оную отчасти нужною къ ея воспитанію. Ахъ! думалъ Линденавъ, какъ

какѣ много возвышаетѣ красоту невинная радость.

Вѣ тотѣ день былѣ праздникѣ. Нѣсколько деревенскихѣ дѣвушекѣ были тогда у Каролины, которая и сама почти также одѣта была какѣ онѣ. Прочїе поселяне сидѣли у Дибнера вѣ одной недалеко отстоящей комнатѣ. Послѣ того вскорѣ пришелѣ онѣ вѣ провожанїи Каролины. Тутѣ то оказала она живую и искреннюю радость. Лишь только Дибнерѣ далѣ знать о Линденавѣ; что онѣ господинѣ сосѣдняго села, то казалось что сердца всѣхѣ спѣшили встрѣчать и поздравлять его. Отцы говорили о немѣ дочерямѣ своимѣ сѣ подобострастїемѣ, а дочери слушали похвалы сїи сѣ истиннымѣ участїемѣ, которое присутствїемѣ Линденава еще больше умножилось. Сїи добрыя дѣти, примѣтили, что вѣ тритцатилѣтнемѣ доброжелательномѣ мужѣ благодѣянїе тѣмѣ болѣе прїятно.

Любезные пріятели! сказалъ Дибнеръ, около стоящимъ, когдабъ всѣ дворяне подобны были сему, то великимъ бы щастіемъ почиталось небыть благородмымъ; слова сіи ясно означали, что Дибнеръ въ мѣщанскомъ состояніи рожденъ; почему и оскорбляло Линденава примѣчаніе сіе. Не для того, яко бы онъ Каролину несполько горячо любилъ, чтобъ презирать недостатокъ знатной породы. но чтобъ ненавидѣть заведенное предразсужденіе.

При семъ случаѣ, неимѣлъ онъ никакихъ особливыхъ разговоровъ съ Каролиною; но взаимное ихъ молчаніе много имъ объясняло. Каролина разумѣла все, и умѣла также объяснять свои мысли. Она отважилась даже между всѣми свидѣтелями кидать нѣкоторые взгляды, коихъ межму четырьмя глазами никогда бы не отважилась сдѣлать. Молодая и стыдливая дѣвушка не всегда отгадываетъ причину про-

противорѣчія сего; рѣдко случается, чтобъ ей подобная старалась то испытать; однакожъ неменьше имѣетъ она знатное дѣйствіе; Линденавъ же видѣлъ всю цѣну онаго. Онъ возвратился, влюбленъ будули гораздо больше нежели прежде, и принялъ твердое намѣреніе слѣдовать своей склонности. Все будутъ о томъ говорить думалъ онъ; но какая мнѣ въ томъ нужда? я сдѣлаю щастливою Каролину и самъ чрезъ нее буду щастливъ. Въ семъ нахожу я для себя двоякую выгоду.

Онъ думалъ о средствахъ, увидѣть ее опѣть какъ можно скорѣе, къ чему и нащелся удобный случай. Праздникъ, который обыкновенно въ его владѣніи ежегодно отправляли, приближился. Всякой годъ дѣлывали во время онаго нѣкоторыя увеселенія, кои всѣхъ молодыхъ людей оной деревни и около лежащихъ мѣстъ приманивали. Новый господинъ обьявилъ,

что онъ игры сіи еще великолѣпнѣе обыкновенныхъ прикажетъ установить. Первый годъ какъ владѣлъ онъ сею резиденціею подавалъ къ тому хорошую причину. Всѣ приготовленія были тщательно исправлены. Линденавъ старался также и о томъ, чтобъ чрезъ издержки, которые бы превзошли новое состояніе его необнаружить себя. Однако сіе непрепятствовало, чтобъ праздникъ сей не послужилъ къ приманкѣ многочисленнаго собранія. Онъ учредилъ балъ особливо для молодыхъ людей; это было введенное обыкновеніе; однакожъ и отцы небыли изъ онаго изключены. Но Линденавъ неосмѣливался льстить себя надеждою, чтобъ Дибнеръ захотѣлъ на оной явиться. Итакъ могъ ли онъ тогда надѣяться, увидѣть Каролину? Неизвѣстность сія безпокоила его. Онъ вывѣдалъ, не подавъ ни малѣйшаго виду, являлисьли Дибнеръ и его дочь на прежнихъ увеселеніяхъ

ніяхъ. Ни тотъ ни другая на оныхъ не показывались. Между тѣмъ были однакожъ даваны праздники сіи у одной женщины; развѣ можно ему было ласкаться надеждою, что сдѣлаютъ они для него то, чего недѣлали для другихъ. Съ другой же стороны подвергнулъ бы себя опасности, естьли бы осмѣлился звать ихъ особливо и получить отказный отвѣтъ; чрезъ что можетъ быть обнаружилъ бы намѣреніе свое- и здѣлался бы у Дибнера подозрительнымъ. Этотъ человѣкъ обходился не такъ, какъ другіе люди; для того и долженъ онъ былъ поступать съ нимъ отмѣнно.

Назначенный къ празднику день приближился, а Линденавъ небылъ еще освобожденъ, отъ неизвѣстности своей, однакожъ не совсѣмъ и сумнѣвался. Онъ носилъ самое простое платье, которое мало отличало его отъ другой части людей въ собраніи находящихся. Оное

 было

было весьма многочисленно, какъ онъ появился. Явное согласіе и восхищеніе по всюду гремѣло, отъ чего Линденавъ былъ тронутъ; однакожъ всегда былъ печаленъ; неупуская между тѣмъ ничего, что только въ другихъ могло возбуждать радость. Взоры его всегда обращались то въ ту то въ другую сторону. Они искали увидѣть то, чего видѣть ненадѣялись. Одна толпа молодыхъ людей привлекла къ себѣ его вниманіе. Онъ къ нимъ пошелъ, и увидѣлъ вдругъ глаза кои съ радостію его искали; глаза коихъ взоры проницали душу его. это была Каролина, замѣшавшаяся между многими дѣвицами и также какъ и онѣ одѣтая; но только имѣла не одинаковое платье. Какъ? это вы, сказалъ Линденавъ, съ радостію, которой скрыть не могъ. Вы здѣсь, а я объ этомъ совсѣмъ незнаю? и вы несказали мнѣ ничего о вашемъ прибытіи?

Вы-

Выговоренныя вслухъ и въ присутствіи многихъ молодыхъ людей слова сіи привели робкою Каролину въ великое смятеніе.—Милостивый Государь, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ, я недумала, что я васъ обезпокою, да и отецъ мой не позволилъ бы сего.—Такъ и отецъ вашъ здѣсь и неудостоиваетъ меня----Скажитежь мнѣ по крайней мѣрѣ, гдѣ могу я сыскать его?—Я тотчасъ провожу васъ къ нему, сказала Каролина; а сіе то и было чего онъ желалъ.

Идучи объявилъ онъ ей подлинную причину побудившую его сдѣлать такое празденство и то сумнѣніе, которое удержало его отъ особливаго приглашенія.

Ахъ! сказала ему Каролина, вы это отгадали; отецъ мой не пришелъ бы, естьлибъ вы приглашали его.—А вы, любезная Каролина?—Я? я немогла бы иначе притти, какъ съ отцемъ моимъ.—И такъ любовь дала мнѣ изрядный совѣтъ,

ска-

сказалЪ ЛинденавЪ? ИтакЪ пришли вы сюда изЪ одной только покорности? — Покрайней мѢрѢ я была сЪ великою охотою покорна. — ОтЪ сихЪ словЪ мудрецЪ нашЪ пришелЪ почти внѢ себя отЪ радости. ОнЪ хотѢлЪ повторить благодарность и вопросы; но Каролина противЪ желанія своего прекратила оныя; она сказала, что отецЪ ея такЪ близко, что можетЪ слышать.

ДибнерЪ находился вЪ самую сїю минуту посреди толпы поселянЪ, которые были одинакихЪ почти сЪ нимЪ лѢтЪ. ОнЪ самЪ былЪ почти такЪ одѢтЪ какЪ и они и утѢшался, смотря на нѢкоторыя игры, кои нѢсколько соединившихся молодыхЪ людей только что начали. ЛинденавЪ подошедЪ кЪ Дибнеру выговаривалЪ, что онЪ такЪ скрытно находился при праздноваиїи. ВамЪ было бы очень много дѢла, отвѢчлЪ ему ДибнерЪ, естьлибЪ всѢ приходящїе сюда предувѢдомляли

ляли васъ о приходѣ своемъ. Я пришелъ только съ сосѣдами своими, и какъ сосѣдъ.— Титулъ сей нѣсколько общїй; я лучше желалъ бы, чтобъ приняли вы какой другой, напримѣръ этотъ: какъ другъ.— Такой принять, сказалъ Дибнеръ, стоило бы мнѣ нѣсколько больше труда, хотя бы онъ и тоже бы значилъ. Вы господинъ, я только земледѣлецъ зависящїй отъ господина; роль моя та, чтобъ оказывать вамъ почтенїе, а сїе то я и дѣлаю.— Не говорите ничего о почтенїи, о семъ прошу васъ больше всего; я хочу, чтобъ меня любили.— Не легко любить кого другаго, какъ себѣ подобнаго; но вы господинъ, и потому ровный вамъ можетъ называться другомъ вашимъ. А въ прочемъ сїе всегда значитъ нѣчто такое, что почтенїе отъ своихъ нодданныхъ благородные получаютъ. Я знаю нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, которыхъ нелюбятъ и которымъ столькоже мало оказываютъ

по-

почтенія. Линденавъ хотя входилъ съ нимъ въ дальнѣйшіе разговоры, но немогъ обратить его къ другому обхожденію.

Пляска обыкновенно составляетъ часть случающагося празденства, а особливо деревенскаго. Линденаву сколько ниприскорбно было отъ такихъ рѣчей Дибнера, однакожъ желалъ покрайней мѣрѣ потанцовать съ Каролиною. Само по себѣ малое, но для любящаго важное уже обстоятельство сіе облегчило нѣсколько печаль его. Онъ видѣлъ, что Каролина, нѣкоторымъ образомъ сдѣлалась Королевою праздника. Онъ распоряженія сего недѣлалъ; оно было дѣйствіе естественной справедливости. Между собравшимися при сихъ играхъ молодыми людьми, были разные, которыхъ Природа облагодѣтельствовала, и на которыхъ нельзя было смотрѣть равнодушными глазами; но они сами видѣли, какимъ преимуществомъ При-

Природа одарила передъ ними Каролину. Всѣ около ея ходили, за нею слѣдовали; украшали ее цвѣтами. Скромность и отличныя прелести, защищали ее отъ всякой ревности и соперницъ.

Любовникъ ея воспользовался симъ Трїумфомъ; онъ прибавилъ къ тому все, что случай и Дибнерово присутствїе къ тому прибавить позволяло. Каролина танцуя изрядно и легко, обратила на себя всеобщее удивленїе. Гдѣ она всему научилась? думалъ Линденавъ. Все показываетъ въ ней тщательное воспитанїе; но отъ кого она его получила?

Онъ еще сыскалъ одинъ случай, поговорить съ нею одну минуту безъ свидѣтелей; то есть такъ, что не могли слышать его. Съ восхищенїемъ удивляюсь я всему сказалъ онъ ей, но отецъ вашъ лишаетъ меня всей надежды. Онъ неизвиняетъ меня даже и за то, что я помѣщикъ.— Ахъ! сказала Каролина, каково будетъ тогда, какъ узнаетъ онъ, что

вы? —

вы?—Любезная Каролина!— Милостивый Государь! въ глазахъ моихъ показываются слезы; чтожъ скажутъ, когда увидятъ, что я плачу?— Ахъ! такія слезы избавятъ меня отъ всего! покажите мнѣ драгоцѣнныя ваши слезы..... Но нѣтъ! я не хочу, чтобъ Каролина моя подверглась злословію. Я прерву разговоры сіи; но естьли отецъ вашъ останется въ своихъ предразсужденіяхъ....— Онъ останется въ нихъ перервала Каролина. Онъ въ нихъ останется? спросилъ опять Линденавъ съ печальнымъ видомъ; ахъ! естьли такъ, то каково мнѣ будетъ? Допущу ли я до этого? Вы принуждены будете, продолжала Каролина? при сихъ словахъ полились у ней ручьями слезы, кои она удержать старалась.

Линденавъ при семъ взглядѣ, не могъ воздержаться; онъ недумая больше о томъ, что могли примѣтить его, упалъ предъ Каролиною на колѣни. Дибнеръ подошед-

дошедши къ нимъ въ сїю минуту, засталъ его въ такомъ положенїи; что самое принудило Линденава поспѣшно встать. Замѣшательство его и изумленїе Каролины приведены были до крайности. Дибнеръ непоказалъ однакожъ при семъ случаѣ ни удивленїя ни досады. Милостивый Государь, сказалъ онъ Линденаву, вы видите, что всякїй господинъ, такъ какъ и вы поступаетъ. Онъ кажется для того только доставляетъ нѣкоторыя увеселенїя для другихъ, чтобъ тѣмъ обезопасить свои. Я неопорочиваю васъ за то, что находите вы Каролину по вашему вкусу; она моглабы удовольствовать склонность всякаго другаго, но вы за полезное почтете, чтобъ я неподвергалъ ее больше той чести, какую вы ей оказываете.

Въ отчаянїе приведенный Линденавъ употреблялъ все краснорѣчїе печали и страсти къ оправданїю своему. Онъ

клялся Дибнеру, что намѣренія его были честны и справедливы.— Мнѣ мало въ томъ нужды, сказалъ еще Дибнеръ, я сихъ столькоже мало желаю, сколько и другихъ. Вы видѣли, что я не отважился принять предлагаемой вами чести и имени друга. Титулъ сей приличествовалъ бы мнѣ тѣмъ менѣе.

Какъ? сказалъ Линденавъ съ запальчивостію, вы хотите подвергнуть Каролину вредительному поношенію, къ коему подало поводъ такъ скорое отшествіе?— Сіи слова незначатъ ничего; я ничего неопасаюсь, какъ и самаго дѣла сего.— Но клеветы опасаться должно.— Оной опасаюсь я еще меньше. А въ прочемъ всѣ занимались увеселеніями, то и не примѣтно, что бы за чемъ другимъ примѣчать стали; дать ли было вамъ время, чтобъ вы всему собранію подали случай, больше и лучше сіе видѣть? Я повторяю вамъ милостивый Государь, что недосадую на

вась

васъ за то, что вы находите Каролину скромною; но и вы не должны на меня гнѣваться, что я нахожу васъ опаснымъ. Таковымъ въ разсужденіи молодой дѣвушки ыть можно даже и тогда, когда оказываете всѣмъ людямъ свои благодѣянія.

Усильныя прозьбы Линденава были тщетны. Дибнеръ далъ знакъ знакомымъ своимъ, что нужное дѣло, коего нельзя было отлагать принуждаетъ его оставить празденство прежде другихъ. Всѣ сожалѣли, видя Каролину прощающуюся, но немогли узнать причины. Позвольте мнѣ покрайней мѣрѣ, сказалъ Линденавъ къ непреклонному отцу сему, проводить васъ до того мѣста, которое отдѣляетъ жилище ваше отъ моего. это всегда отъ васъ зависитъ отвѣтствовалъ Днбнеръ, вы на своей землѣ.

Идучи старался Линденавъ завести разговоръ о томъ, что произошло. Онъ надѣялся еще склонить Дибнера, или

 опро-

опровергнуть его предразсужденія; но Дибнерѣ нехотѣлѣ даже и слушать о такой матеріи. Онѣ сдѣлалѣ еще больше, приказавѣ Каролинѣ предѣ ними идущей, итти скорѣе. Будь всегда отѣ насѣ такѣ далеко, чтобѣ неможно было тебѣ слышать рѣчей его. Они для тебя болѣе опасны, нежели дробь охотничья для птицѣ. Каролина повиновалась; однако легко можно было видѣть, что сія птичка не охотно улѣтала отѣ охотника.

День уже клонился кѣ вечеру, и какѣ они прошли половину дороги, то вдругѣ быстро проѣхала мимо ихѣ коляска. За оною послѣдовали четыре человѣка верхами. Одинѣ изѣ четырехѣ сихѣ подѣхавѣ кѣ Каролинѣ сказалѣ громко: это она! Вѣ туже минуту вскочили двое сѣ лошадей, взяли Каролину насильно подѣ руки и бросили вѣ коляску, которая тотчасѣ уѣхала. На первой Каролининѣ крикѣ Линденавѣ больше лѣтѣлѣ, нежели

ли бѣжалъ; но онъ не имѣлъ ни какого оружїя, что однакожъ неудержало его, схватить за узду лошадь, одного изъ похитителей сихъ и приказать ѣздоку прїостановиться. Другъ мой, сказалъ ему сидящїй на лошади, останься только ты самъ и будь уменъ. Дѣвушкѣ той не хотятъ сдѣлать ни какой обиды; да и я тебѣ ничего несдѣлаю, естьли ты не, принудишъ меня къ тому.

Ахъ! что я вижу, что слышу! это ты! безчестный Шрамъ! вскричалъ Линденавъ. Какъ? ты отваживаешся похищать у меня то, что мнѣ любезнѣе всего? лиши меня прежде жизни.

Что я вижу? Вскричалъ Баронъ; ибо это онъ подлинно былъ; это ты Линденавъ? Что бы такое значилъ сей маскерадъ? Развѣ ты хотѣлъ похитить ее? Прикажи прежде, чтобъ возвратили ее, тогда я тебѣ все изъясню. Нѣтъ ничего легче, продолжалъ Шрамъ, и приказалъ

 одному

одному изъ ѣздаковъ своихъ бѣжать за коляскую.

Доволенъ ли ты теперь? спросилъ Шрамъ посматривая на Линденава. Для чего ты утаилъ отъ меня, что хотѣлъ стараться о Каролинѣ? ты избавилъ бы меня отъ поводу, коего опасности подвергнулъ я себя единственно изъ одного только сожалѣнія.

Изъ одного сажалѣнія! вскричалъ Линденавъ, который на нѣсколько минутъ потерялъ было голосъ. Какъ? безчеловѣчный? сожалѣніе тебя побуждаетъ къ тому, чтобъ вырвать изъ рукъ отца любимую дочь?—Конечно, отвѣчалъ Шрамъ, естьли самъ отецъ столь жестокъ, что драгоцѣнную вещь хочетъ оставить въ грязи.— Это вы знатные люди таковы въ своей душѣ, сказалъ Дибнеръ. Для васъ порокъ принимаетъ цвѣтъ добродѣтели, а самое безчеловѣчнѣйшее преступленіе единственное увеселеніе.

Кленусь

Кленусь вамъ продолжалъ Баронъ, что я хотѣлъ сдѣлать Каролину щастливою, и сїе то принудило меня къ сему предпрїятїю. Но ты, сказалъ онъ Линденаву, какое имѣлъ намѣренїе? Изьясни мнѣ сїю загадку; изьясни мнѣ рѣдкую сїю перемѣну? скажи мнѣ наконецъ, для чего этотъ миленькой молодой господчикъ скрылся въ маску сельскаго старосты?

Вопросы сїи свели съ пути Линденава. Онъ находился въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, или болѣе всего былъ какъ съ умасбродный, отъ такого изьясненїя, которое обнаруживало его предъ Дибнеромъ. Сей послѣднїй непропускалъ ни одного слова. Однакожъ съ большимъ еще примѣчанїемъ смотрѣлъ на возвращенїе коляски, везущей Каролину. Лишъ только она показалась, то и побѣжалъ онъ ей на встрѣчу. Линденавъ послѣдовалъ за нимъ и предупредилъ его.

Лишъ только Каролина очувствовалась отъ обмороку приключившагося ей отъ нечаяннаго нападенія и страха, то успокоилась опять, увидя отца своего. И тотъ и другая пролили слезы радости и нѣжности. Поди, сказалъ онъ ей, протянувъ къ ней руки, поди дочь моя; оставь гнусную эту коляску, она есть мѣсто порока и безчестія. Она сдѣлана не для твоего употребленія. Но не успѣла почти Каролина выттти изъ коляски, какъ увидѣли другую съ невѣроятною скоростію къ нимъ скачущую.— Не другой ли еще похититель? вскричалъ Дибнеръ. Но нѣтъ! я признаю болѣе защиту невинности, единственную, которую знаю..... Я вижу, что Графъ Фонъ О*** ѣдетъ.— Небо! вскричалъ Линденавъ, находясь въ большемъ прежняго замѣшательствѣ.— Такъ! подлинно! сказалъ Баронъ побѣжавши къ коляскѣ, это странное и нѣсколько романическое со-

собранїе.— Никакъ господинъ Баронъ, сказалъ ему Графъ; я желалъ и надѣялся застать васъ; и очень радъ, что въ самое удобное время здѣлалъ сїе.

Подлинно Баронъ, сказала Графиня сидѣвшая подлѣ своего мужа, вы настоящїй обидчикъ.— Не случалось ли вамъ спорить и противъ волшебниковъ? Несомнѣвайтесь въ томъ ни мало милостивая Государыня, отвѣчалъ Шрамъ; сїя страна, есть страна превращенїй. Взгляните только на сего волшебника; онъ здѣлалъ тщетнымъ мое предпрїятїе.

Говоря сїе указалъ онъ на Линденава, который охотно бы желалъ скрыться. Ахъ! Небо! вскричала Графиня, не ошибаюсь ли я? Линденавъ ли это? Конечно ---- это онъ самъ. Ахъ любезный мой Линденавъ! что бы значило превращенїе сїе?

Изумленїе Графа и его супруги было итакъ велико, но при замѣшательствѣ

Линденава еще больше умножилось. Наконецъ Линденавъ опомнился. Я признаюсь милостивая Государыня сказалъ, онъ Графинѣ, что приключенїе мое должно вамъ страннымъ казаться; оно показываетъ, что я приближаюсь ближе къ природѣ. Съ нѣкотораго времени узналъ я цѣну оной, а теперь спозналъ я ее совершенно. Ктоже васъ такъ изрядно исправилъ? спросила Графиня. Не Каролина ли? все, даже и поступки твои доказываютъ сїе.

Я бы очень желалъ имѣть сильнѣйшїя о томъ доказательства, отвѣчалъ, Линденавъ. Намѣренїе переодѣть себя, имѣло другую побудительную причину. Но ни въ томъ ни въ другомъ, ничего нѣтъ обиднаго для любезной и добродѣтельной Каролины.

Это дѣло будетъ важное, сказала Графиня. Очень важное продолжалъ Баронъ. Слишкомъ важное прибавилъкъ тому

му Дибнеръ. Господинъ Фонъ Линденавъ долженъ предвидѣть отвѣтъ мой. Я недопущу, чтобъ онъ унизилъ себя чрезъ дочь мою, и чтобъ дочь моя чрезъ него возвысилась.

Однако перервалъ Графъ, можетъ быть неравенство сїе не столь велико каковымъ вамъ кажется.—Что я слышу? сказалъ Линденавъ съ запальчивостїю, говорите дальше. Прошу васъ, ради Бога выведите меня изъ сей неизвѣстности!— Государь мой! продолжалъ Графъ, поѣдемъ къ Дибнеру. То, что я вамъ сказать хочу, требуетъ нѣкоторыхъ тайныхъ и ближайшихъ изьясненій, а сїе открытое явленїе продолжалось уже съ лишкомъ много.

Съ сего времени Линденавъ не занимался болѣе ничемъ другимъ, какъ только тою тайною, которая открыться должна. Каролина, которую взяли въ Графскую коляску, была занята тѣмиже

мы-

мыслями, какими и Линденавъ. Чтожъ касается до Дибнера, то неоказывалъ онъ ни малѣйшаго жаднаго любопытства о семъ дѣлѣ, а сомнѣвался уже напередъ о томъ, что долженъ будетъ говорить.

Дибнеръ принялъ опять тотъ голосъ и ту бодрость, какіе ему свойственны были. Онъ угощалъ ихъ въ домѣ своемъ съ обыкновенною скромностію. Никакія родословія въ свѣтѣ не могли бы сдѣлать во мнѣ перемѣны, сказалъ онъ; а въ прочемъ я онымъ очень вѣрю.

Однакожъ вы должны на то рѣшиться, сказалъ Графъ, и не сумнѣваться, о своемъ. Вы дворянинъ.—Я дворянинъ?— Да, вы изъ числа оныхъ.—Этому я неверю.— Я увѣряю васъ въ томъ.—Докажите мнѣ это.— Повѣрители вы доказательствамъ моимъ.— Объ этомъ подумаемъ послѣ.— Хорошо, я доказательствъ вашихъ при себѣ неимѣю; но я торжественно вамъ объявляю, что вы

на-

находитесь подъ моимъ смотрѣнїемъ. Сверхъ сего доказываю еще, что вы мнѣ близкїй родственникъ. Мать ваша была сестра моей матери. Отецъ вашъ былъ знатный дворянинъ претерпѣвшїй нещастїе чрезъ кораблекрушенїе. Вы единственный только плодъ ихъ супружества. Этотъ бракъ содержали въ тайнѣ, ибо обѣ фамилїи были чрезъ взаимную ненависть раздѣлены. Отецъ вашъ умеръ прежде нежели вы на свѣтъ произошли. Мать ваша сдѣлалась добычею смерти при вашемъ рожденїи. Одна родственница имѣвшая всю ея довѣренность была для васъ вторая мать. Она рачительно васъ воспитала; но рожденїе ваше сохраняла въ тайнѣ. Боязливость отъ новыхъ исковъ, коихъ конца она бы не дожила, была главною причиною ея молчаливости. Теперь должно мнѣ все сказать. Отецъ вашъ имѣлъ болѣе заслугъ нежели имѣнїя; мать ваша жила въ части должности

своей

своей, которая по правамъ ихъ была весьма неприбыльна. Наконецъ умерла сродственница сїя, какъ только вамъ двенатцать лѣтъ исполнилось. Она отдала васъ подъ покровительство одного вашего дяди съ матерней стороны, который поступалъ съ вами не такъ какъ съ племянникомъ. У сего почерпнули вы ненависть къ знатнымъ людямъ, и я признаюсь, что оная съ этой стороны основательна. Прочее должно быть вамъ самимъ извѣстно. Вы странствовали вездѣ по свѣту и имѣли щастїе. Вы женились въ Д*** Я нехочу говорить о тѣхъ приключенїяхъ, кои опять лишили васъ всего.— Не приключенїя, скажите лучше гоненїя перервалъ рѣчь его Дибнеръ. этому былъ причиною одинъ знатный господинъ доведшїй меня до сего.— Пускай и такъ, сказалъ Графъ. При возвращенїи вашемъ въ отечество, не нашли вы въ немъ утѣшительнаго прїему.— Извините

меня,

меня, перервалъ его рѣчь опять Дибнеръ. Я нашелъ оной; (ибо я вижу, что мнѣ самому должно будетъ вскорости заключить расказыванїе сїе). Вы поступали со мною такимъ образомъ, что я тому весьма дивился, потому что вы знатный господинъ. Чрезъ благодѣянїя ваши Каролина имѣетъ хорошее воспитанїе, а какъ я овдовѣлъ, то оставилъ отечество свое, и перешедъ въ сїю область, нашелъ здѣсь попеченїемъ вашимъ защитительное мѣсто, благополучїе и покой.

Это еще не все, отвѣчалъ Графъ; должно кончить все, что надлежитъ.— Этого не много будетъ, сказлаъ Дибнеръ. Вы все уже предвидѣли; а далѣе непростираются желанїя мои.— Вы должны приготовить себя къ другому положенїю, которое приличествовало бы лучше состоянїю вашему; ибо я теперь думаю, что вы нестанете больше сумнѣваться.

Справедливо; естьлибъ кто другой а не вы сталъ меня въ томъ увѣрять.— Развѣ вамъ увѣдомленїе мое недовольно обстоятельнымъ кажется?— Оно совершенно справедливое, сказалъ Линденавъ съ горячностїю.— Оно легко могло бы превращено быть въ басенку, въ которой по возможности стараются развязать узелъ; но чтобъ щитаться мнѣ дворяниномъ, то требую я совсѣмъ еще другихъ доказательствъ.— Хорошо, сказалъ ему Графъ, вы оные получите.— Что касается до меня сказалъ Линденавъ, то сего уже довольно. Въ нужномъ же случаѣ, я доволенъ бы былъ и однимъ только мнѣнїемъ. Ни какое предразсужденїе не можетъ имѣть силы своей противъ Каролины, и я отложилъ бы все въ сторону, чтобы къ тому клонилось, дабы меня отъ нее удалить. Государь мой, продолжалъ онъ оборотясь къ Дибнеру, препятствїя, кои вы мнѣ противуполагаете, рѣшены; сдѣлайте только ми-

лость, дайте согласие къ щастїю моему. Препятствїя сїи, сказалъ Дибнеръ не всѣ еще очищены. Остается еще одно, которое приводитъ меня въ столь же великую опасность, какъ и другое. Я согласенъ, что Каролина благородна, но она небудетъ однакожъ никогда богата. —Но я таковъ, вскричалъ Линденавъ; я буду имѣть иесказанное щастїе, чтобъ сдѣлать богатою тое, которую люблю. Естьли достойнѣе употребленїе имѣнїя своего?

Дибнеръ пребылъ еще твердъ. Графъ долженъ былъ соединить прозьбы свои къ прозьбамъ Линденава. Графиня даже оставила насмѣшливый свой голосъ и сдѣлалась посредницею для обоихъ любящихся. Едва и Шрамъ неперемѣнилъ своего вида при семъ случаѣ. Но трудно бы было, изобразить состоянїе, въ каковомъ находилась Каролина. На лицѣ ея видна была надежда смѣшенная со страхомъ,

 без-

безпокойство и скромная воздержность. Состоянїе ея могло бы тронуть непрїятеля, а Дибнеръ бывъ ея отцомъ не хотѣлъ сжалится. Однакожъ пришедши въ умиленїе. и вставши съ мѣста своего, обнялъ ее.— Теперь любезная моя Каролиня! дражайшая моя дочь! сказалъ онъ, отвѣчай дружески и чистосердечно; думаешъ ли ты, что могла бы быть съ господиномъ щастлива?— Батюшка! сказала дрожащая Каролина; и больше не могла ничего выговорить. Говори, что ты хочешъ сказать, продолжалъ Дибнеръ.— Батюшка! я думаю, что съ Линденавомъ могу быть щастлива.— При сихъ словахъ воображая, что уже много сказала, къ чему прибавился еще и другой страхъ, который чуть не привелъ ее въ обморокъ.— Будь спокойна сказалъ ей отецъ, ты заслуживаешъ покрайней мѣрѣ, чтобъ ожиданїе твое исполнилось. Ты небудешъ въ томъ упрекать меня,

что

что я противился твоему щастїю. Нехочу я описывать ни сильной радости Линденава ни благодарности Каролины. Наконецъ, сказалъ Графъ: мы скоро приведемъ это дѣло къ окончанїю. Я извиняю Барона за предпрїятїе его въ щастливомъ произведенїи оного. Скажитежъ мнѣ покрайней мѣрѣ, спросилъ Шрамъ какъ вы узнали мое предпрїятїе? Довольно кривою дорогою отвѣчалъ Графъ. Одинъ изъ любимицовъ вашихъ, то есть одинъ вашъ служитель, открылъ тайну вашу одноу изъ моихъ, который думалъ, что такая тайна для меня очень важна, обѣявилъ мнѣ ее. Открытїемъ симъ я воспользовался, и вы видите, что мнѣ и нужно было, предупредить васъ въ томъ.

Такъ и быть! сказалъ Шрамъ, я радуюсь тому, что предускорили меня. Я хотѣлъ только освободить Каролину отъ мрачнаго ея уединенїя. Я могу употребить ревность мою въ пользу какой

нибудь другой, и надѣюсь, что дѣйствіе оной больше непредускорятъ.

Шрамъ думалъ, что Графиня на него сердилась: но она досадовала только на самое себя. Сердце ея не было такъ испорчено, каковымъ быть казалось. Она видѣла, что Линденавъ и Каролина будутъ щастливы, и вспомнила, что ей обѣщано подобное щастіе. Но немогла ли она тѣмъ пользоваться? Графъ былъ достоинъ любви; любилъ ее; и могъ еще любить; мысли сіи подавали надежду, что и онъ получитъ взаимную любовь. Это и въ самомъ дѣлѣ исполинлось. Графиня оставила насмѣшливый голосъ и приняла самой чувствительный. Дибнеръ перестал ненавидѣть людей, а Линденавъ съ клятвою отказался отъ всякихъ пустошей. Онъ и теперь любитъ Каролину, такъ же и отъ нее всегда любимъ будетъ. Онъ поступаетъ какъ мудрый, но нестыдится боль быть таковымъ.

I. АДЕЛИНА.

Аделина была прекраснѣйшая и любви достойнѣйшая дѣвица въ цѣломъ городѣ, въ которомъ жила; притомъ была всѣхъ богатѣе; зависила отъ одного дяди и матери своей, которая также была богата. Они обое любили горячо Аделину, которая была ихъ наслѣдницею.

Любви достойная молодая Аделина непомнила отца своего; она лишилась его къ нещастїю еще въ молодѣтствѣ.

Госпожа фонъ Гульманъ ея мать, лишившись своего мужа была неутѣшна; Одна нѣжность ея къ Аделинѣ могла облегчить печаль ея; она видѣла, сколь нужна она для щастїя столь любезной дочери, и жертвовала ей немедлѣнно тѣмъ утѣшенїемъ, которое находила она въ тоскѣ. Нѣжная мать сїя управляла рачительно оставшимся послѣ супруга ея

 весь-

весьма доходнымъ имѣнїемъ, будучи увѣрена, что великое имѣнїе, съ природными прелестьми Аделины, должно составить ей тѣмъ большее благополучїе.

Аделина въ младенчествѣ своемъ, пказывала уже всѣ способности, кои должны были доставить ей столь великое преимущество предъ другими ея полу. высокїя науки, прїятныя и многообразныя дарованїя наполняли попеременно ту промѣжность, которая отличаетъ, первыя молодыя лѣта отъ чувствительной старости.

Госпожа фонъ Гульманъ недумала, какъ многїя другїя, чтобъ худыя дарованїя, предразсужденїями исполненная добродѣтель, несказанное познанїе, того, что называютъ свѣтомъ, составляли все то, что молодой особѣ, которая по виду и великому своему имѣнїю всегобы могла требовать, что въ нравственномъ смыслѣ знать должно. Она знала, что въ жизни бы-

бываютъ тысячи случаевъ, что душа чувствуетъ недостатокъ, который бываетъ всегда опасенъ, естьли ненаходятъ въ самихъ себѣ средствъ къ дополненїю онаго.

Итакъ Аделина училась всему, что нужно ей было знать. Способности ея и красота приводили всѣхъ въ удивленїе. Она вступивъ на пятнатцатый годъ своего возраста, незнала еще ничего, кромѣ однихъ невинныхъ склонностей; Охота къ птицамъ; музыка и хорошїя книги, ограничивали всѣ ея увеселенїя; но всѣ сїи забавы непримѣтно напоминали ея сердцу, что сїи достойные предметы только одну еще маленькую частацу оныхъ составляютъ. Нѣкоторый родъ потаенной тоски ее ослабляющей овладѣлъ ея душею, и показывалъ во всѣхъ ея поступкахъ изображенїе или покрайней мѣрѣ отрасли задумчивости.

Между особами, посѣщающими госпожу фонъ Гульманъ, немогла воздержаться Аделина, чтобъ непримѣчать отмѣнно Барона фонъ Эльмендорфа, который при остромъ разумѣ и превосходныхъ дарованіяхъ, одаренъ былъ пригожимъ наружнымъ видомъ. Онъ былъ офицеръ; полкъ его стоялъ въ гарнизонѣ неподалеку отъ замка госпожи фонъ Гульманъ; онъ приходилъ такъ какъ и другіе офицеры того полку, для умноженія благороднаго собранія, которое умѣла Г. сія привлекать въ свой домъ.

Аделина хотя была посредственнаго росту, однакожъ сановита, имѣла совершенно порядочныя черты лица, быстрыя черные глаза, въ коихъ все чувствованіе души ея безпрестанно изображалось; прекраснѣйшіе бѣлокурые ея волосы и самыя лучшія брови, а прочія части тѣла ея были дѣло рукъ самихъ Грацій.

Ба-

Баронъ также былъ хотя средняго росту, но виденъ собою; благородный видъ, мужественное но пріятное расположеніе лица, дѣлали его всегда любезнымъ. Три молодыя госпожи взялись изобразить его и произвести въ немъ нѣкотораго роду самолюбіе и суетную тордость, которая вѣроятно была въ немъ отъ природы.

Онѣ видѣли уже слишкомъ довольно, но при первомъ взглядѣ на Аделину, все преимущество прелестей ея и размыленіе чтобы не употреблять смѣшныхъ тоновъ въ рѣчахъ, тѣхъ пустыхъ и даже безстыдныхъ поступокъ, каковыми нѣкоторые стараются отличить себя. Онъ какъ только примѣтилъ, тотъ родъ преимущества, коимъ удостоила его любви достойная Аделина, то и почелъ за нужное, употребить другіе способы къ побѣдѣ. Онъ приближался къ ней не иначе, какъ съ боязливыми взглядами, и притворялся, что

что будто находится всегда въ великомъ замѣшательствѣ.

При таковыхъ его поступкахъ, не имѣла она на малѣйшаго на него подозрѣнія. Не притворная душа ея не позволяла ей ожидать отъ другихъ людей мнѣнія, которое бы вооружилось противъ той благородной откровенности, которая хотя рѣдко, однакожъ всегда бываетъ качествомъ такихъ сердецъ кой бы такъ честны были, какъ ея.

Баронъ хотя еще не объявлялъ ей, что онъ горячо ее любитъ, и хотя наблюдалъ еще молчаливость, однакожъ взгляды его, и тысячи важныхъ угожденій, какія старался онъ оказывать ей, увѣряли ее всякую минуту, въ чуствованіяхъ, кои она ему внушала; она видѣла въ происходящей страсти одну только радость, надѣясь одержать побѣду надъ любви достойнымъ юношею, котораго

слиш-

слишкомъ прежде временной и щастливой успѣмъ сдѣлалъ надмѣннымъ. Но не примѣтно отложилъ Баронъ прежнюю боязливость; онъ отважился говорить о горячей склонности своей; но Аделина, которая можетъ быть была еще равнодушна, примѣчала сїе съ начала очень мало.

Между тѣмъ равнодушїе продолжаться можетъ только нѣсколько времени. Баронъ былъ достоинъ любви, влюбленъ и скроменъ. Рѣдко спорятъ съ предразсужденїемъ противъ склонности, которую обожаютъ, особливо когда случай дозволяетъ видѣть предмѣтъ оной, столь скоро умножается, что мы къ окружающей насъ опасности нѣкоторымъ образомъ привыкаемъ. При твердѣйшемъ намѣренїи, чтобъ не любить. Аделина однакожъ не чувствительно столь много полюбила, что не могла далѣе скрывать чувствуемой своей нѣжности.

Ед-

Едва примѣтила она, что находится въ опасности быть побѣжденною, какъ ужаснулась отъ того, что дѣлала столь малое сопротивленіе. Она негодовала сама на себя; и сіе негодованіе возимѣло вскорѣ дѣйствіе на ея здоровье; состояніе духа ея такъ перемѣнилось, что почтенная мать и пріятели ея отъ того безпокоились и опасались. Баронъ, только одинъ торжествовалъ и внутренно радовался. Ахъ! какой любовникъ! онъ ничто иное, какъ одинъ изъ тѣхъ не описанныхъ существъ, которыхъ одарила природа всѣми наружными прелестями, и которые по своенравію, по пустой гордости а еще чаще по склонности стараются обольщать.

Сей презрительный характеръ неостался непримѣтнымъ отъ проницательной Аделины; глупое легкомысліе безразсудное поведеніе, лукавый видъ любов-

бовника ея, который хотя принужденъ былъ скрывать все сїе подъ маскою притворства, однакожъ проникала она пороки его сердца. Къ щастїю мать узнала расположене сердца любезной своей дочери. Аделнна не опасалась, хотя предъ ея глазами и покраснѣетъ, и хотя принуждена будетъ признаться въ своей слабости. Г. фонъ Гульманъ утѣшала ее и плакала наконецъ съ своею дочерью; и съ сей минуты Аделина опять получила часть своихъ прелестей.

Взоры Барона слишкомъ были проницательны; онъ малѣйшїя движенїя своей любезной не могъ оставить безъ примѣчанїя. Столь ласкательными размышленїями будучи побуждаемъ, оставилъ прежнюю свою застѣнчивость; итакъ увѣренъ будучи, что Аделина его любитъ и судя о ней и о поступкахъ извѣстныхъ ему женщинъ, щиталъ онъ побѣду свою

непремѣнною; расположилъ по тому поступки свои, и думалъ, что наступило время воспользоваться, и что зависитъ сїе только отъ средствъ, чрезъ которые бы ускорить оное.

Сей новый его поступокъ совершилъ въ сердцѣ Иделины то, что добродѣтель ея, благоразумїе, и хорошїе совѣты матери ей предуготовили. Зная же вѣрный характеръ любовниика своего, невидѣла въ немъ ничего болѣе, что должно было ей въ немъ увидѣть, то есть по виду любви достойнаго юношу, который хотя и имѣлъ нѣкоторыя добродѣтели, однакожъ они, чрезъ худое воспитанїе и чрезъ необузданную привязанность къ роскоши, приначалѣ почти оныхъ угашаемы были.

Важное судебное дѣло, принуждало Г. фонъ Гульманъ оставивъ деревню ѣхать въ городъ. Произшедшеежъ съ дочерью ея приключенїе, побуждало ея

еще

еще болѣе ускоришь отъѣздъ свой; она ласкалась надеждою, что новое смущеніе въ коемъ бы вскорѣ Аделина могла находиться, можетъ предъупредить возстановленіемъ прежняго спокойствія въ ея сердцѣ.

Г. фонъ Гульманъ не имѣла въ городѣ особливаго дому. Мужъ ея въ первыхъ годахъ своего супружества вдавшись въ расточительство, не нашелъ никакого другаго средства къ приведенію дѣлъ своихъ въ порядокъ, какъ оставить городъ и удалиться въ свои деревни, въ которрыхъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ умеръ, и гдѣ вдова посмерти его разсудила остаться. Итакъ принуждена была, какъ по чину, такъ и по сродству занять квартиру у Г. фонъ Гульмана, старшаго брата умершаго ея мужа, который около десяти лѣтъ о томъ не отступно ея просилъ.

Г. фонъ Гульманъ былъ около шестидесяти лѣтъ, но довольно крѣпокъ въ здоровїи. Заслуги его прїобрѣли ему спреведливо награжденїя и милости двора, кои хотя собственно всегда для истинной заслуги означены, однако рѣдко оной достаются. Онъ въ молодыхъ еще лѣтахъ сдѣлалъ выгодный зговоръ. Нѣсколько лѣтъ какъ уже былъ вдовъ, и слѣдовалъ склонности своей въ увеселенїяхъ. Благородное собранїе и изрядно украшенный и открытый столъ, отмѣнно прославили домъ его.

Прощанїе Барона съ Аделиною было нѣжно. Впечатлѣнїе, которое онъ сдѣлалъ въ сердцѣ ея, не совсѣмъ еще было истреблено; какое принужденїе должна она была сдѣлать себѣ, чтобъ скрыть отъ него даже малѣйшїе слѣды своей печали!

Г. фонъ Гульманъ своячину свою и племянницу съ чувствительностїю искрѣн-

крѣннѣйшаго и великодушнаго сердца. Наружный видъ Аделины, умножилъ еще его къ ней нѣжность, которую онъ и прежде питалъ, а способности сей любезной дѣвицы продкрѣпили оную совершенно.

Мы не станемъ провожать ее въ разныя собранія, въ кои угодно было ее водить ея дяди, а скажемъ только, что прелести ея казались тамъ не странными и что она, понравившись всѣмъ мущинамъ умѣла понравиться и большей части женщинамъ.

Прошло уже почти шесть мѣсяцевъ пребыванію ихъ въ городѣ, какъ доложили ей о Баронѣ фонъ Мерхингенъ. Г. фонъ Гульманъ, которой имя сіе было не извѣстно, сперва представляла себѣ, что въ томъ должна быть ошибка слугъ. Это былъ Баронъ фонъ Эльмендорфъ, который по прежнимъ обыкновеніямъ объявилъ имъ о смерти старшаго брата

 сво-

своего. Холодный видѣ, съ каковымъ онъ былъ принятъ матерью, лишилъ бы его вѣроятно всей смѣлости, естьлибъ не думалъ онъ, открыть во взорахъ дочери не столь противнаго отвращенія, особливо когда онъ съ ними прощался, и притомъ просилъ позволенія въ бытность ихъ въ городѣ посѣщать ихъ.

Лишь толь вышелъ онъ, какъ пришла къ нимъ одна молодая вдова, (знакомая Гжѣ фонъ Гульманъ и Барону) и истощала въ изображеніи онаго все, что лукавая женщина сказать можетъ въ пользу другаго, опасаясь при томъ притти, въ подозрѣніе

Аделина слушала сперва съ удовольствіемъ часть разговора касающагося до любвника ея. Однакожъ послѣ ужаснулась, когда Лавра, такъ называлась молодая вдова, даже и легкомысліе его похваляла. Тщетно утверждалась Лавра на числѣ и скорости побѣдъ Бароновыхъ; ос-

основанія, какія Аделина твердо и непремѣнно себѣ предопредѣлила, представили ей онаго тѣмъ болѣе наказанія достойнымъ, а женщину которая видъ и коварность его выхваляла, тѣмъ болѣе презрѣнія достойною. Разговоръ сей подѣйствовалъ еще болѣе; онъ открылъ ей характеръ Лавры, который отъ характера ея съ лишкомъ различался; и они съ сего времени нестарались ее часто видѣть.

Тогожъ еще вечера открыла Аделина дяди своему опасность свою отъ посѣщеній Бароновыхъ, и просила его приказать чтобъ ворота были для него впредь всегда заперты. Въ сіе время госпожа фонъ Гульманъ опасно занемогла. Всякъ разсудить можетъ, сколь велика была печаль Аделины и какое имѣла она попеченіе о своей матери! Мать ея отъ опасности, коей дочь ея себя подвергала, будучи сама въ безпокойствіи, требовала и даже приказывала, неприходить къ ней такъ

чисто. Аделина незнала тогда, что вскорѣ предстояла ей еще большая печаль.

На другой уже день Аделина нашла письмо подъ зеркаломъ своимъ. Она ужаснулась; позвала своихъ людей, спрашивала ихъ, но тщетно, и бросивъ письмо въ огонь грозила наказать, кто осмѣлится впредь вступать въ такія дѣла. Баронъ узнавши, что письмо его такъ худо принято испыталъ другое средство но также безполезное; Аделина же по справедливости безпокоилась и тщетно старалась провѣдать, ктобы изъ служителей такъ грубо поступать осмѣлился; но немогши узнать, за долгъ свой почла прибѣгнуть къ дяди, дабы онъ вступившись за нее, прекратилъ гоненія, отъ которыхъ опасалась она худыхъ сдѣдствій Къ сему должно еще прибавить, что здравіе Гжи фонъ Гульманъ со дня на день убывало, и что бѣдной Аделинѣ гро-

грозила опасность быть вскорѣ безъ матери.

Въ одинъ вечеръ, какъ Аделина, дабы послѣдовать повторенным приказанiямъ больной и нѣсколько отдохнуть, пошла въ комнату свою, и предалась всей своей печали; нечаянно глубокiя размышленiя прекратились сперва тихимъ, но мало по малу сильнѣе сдѣлавшимся шумомъ. Вскорѣ по томъ страхъ ея достигъ высочайшей степени, какъ отворилась дверь ея комнаты и представила взорамъ ея человѣка, скрывающаго лице свое подъ плащемъ. Она изъ всей силы кричала, и хотѣла бѣжать, но при первомъ движенiи упала и столкнула подлѣ нее одну только стоявшую свѣчу; жестокость паденiя сего лишила ея на нѣсколько минутъ чувствъ.—Баронъ, (ибо это точно онъ былъ) упалъ поспѣшно къ ногамъ ея, посадилъ ее опять на кресла, изображалъ ей въ нѣжныхъ выраже-

нїяхъ всю горячность склонности своей и отважился къ лишнимъ вольностямъ.

Аделина паденїемъ и крикомъ своимъ разбудила дядю своего, который вскорѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ слугъ бѣжалъ къ ней; Баронъ же видя себя въ опасности тѣмиже проходами убѣжалъ, какїя предуготовилъ къ своему побѣгу.

Впечатлѣнїе, которое ужасное сїе явленїе произвело въ Аделинѣ, было между тѣмъ столь сильно, что здоровье ея отъ того повредилось. Къ великому нещастїю обстоятельства Гжи фонъ Гульманъ неоставляли врачамъ ни какой надежды и они принуждены были удалить отъ нее Аделину.

Недолжно болѣе медлить при такомъ печальномъ изображенїи; довольно и того, что утаевали отъ нее долго такъ, какъ возможно было смерть ея матери. Ибо прежде временное извѣстїе привелобы ее до отчаянїя.

Какъ скоро Аделина находилась внѣ опасности, то вся власть и склонность, кои пріобрѣлъ, отъ всего сердца своей племянницы Гнъ фонъ Гульманъ къ тому употреблена была, дабы воздержать ее чтобъ неудалилась она въ монастырь. Напротивъ того долженъ былъ и дядя ея на то согласиться, чтобъ покрайней мѣрѣ два года прожить въ весьма отдаленной его деревнѣ; они и въ самомъ дѣлѣ выѣхали, какъ только здоровье позволило Аделинѣ выдержать безпокойство сей дороги.

Баронъ, отъ нещастнаго своего приключенія, и отъ выѣзду сей любви достойной дѣвицы болѣе будучи изумленъ нежели тронутъ, возвратился опять въ шумъ великаго свѣта, и старался, но тщетно, позабыть любезную, которая имѣла столь много права въ его почтеніи.

Аделина напротивъ того, занималась чтеніемъ и всѣми тѣми увеселеніями,

какія доставить можетъ деревенская жизнь; она думала наконецъ, что страсть ея къ Барону вовся истреблена уже изъ ея сердца; какъ дядя ея привыкшій съ давняго времени къ живѣйшимъ увеселеніямъ, и соскучивъ деревенскою потѣхою, просилъ ее, чтобъ время ея заточенія нѣсколькими мѣсяцами убавить.

Аделина препроводила первые шесть мѣсяцевъ по прибытіи своемъ въ городъ въ совершенномъ уединеніи. Тщетно дядя ее просилъ неотступно, предаться увеселеніямъ собраній; наконецъ превозмогли усильныя увѣщанія Г. Фонъ Гульмана и представленіе одного со всеобщимъ удовольствіемъ принятаго новаго спектакля, столь много что она рѣшилась посмотрѣть комедіи.

Но лишь только пришла въ театръ, какъ Баронъ находившійся въ одной подлѣ ея ложѣ, былъ предмѣтомъ, на который взоры ея обратились. Нечаянная дрожь по-

подала ей чувствовать, какую сей (хотя для нее презрительный) любовникъ одержалъ надъ ея сердцемъ силу! тщетно отворачивала она глаза свои отъ него съ презрѣнiемъ. Сила, которой она безполезно противиться старалась, привела ее на тотъ же предметъ, который она презирала и произвела въ изумленной душѣ ея смѣсь столь между собою спорющихъ чувствованiй, что будучи подъ бременемъ оныхъ, произвела въ ложѣ смятенiе, и находящихся въ оной особъ заставила страшиться въ ея жизни.

Одна ея родственница, провожавшая ее вмѣстѣ съ ея дядею, усердно старалась сдѣлать ей помощь. Всѣ объ ней сожалѣли, и оказывали усердное свое попеченiе. Наконецъ открывши она глаза и увидѣвши Барона у своихъ ногъ, впала опять въ опаснѣйшее прежняго состоянiе. Изумленный ея дядя повелъ ее съ сожа-

 лѣ-

ленїемъ домой, гдѣ новая помощь совершенно ея возстановила.

Основанїя, кои думала она употребить должно къ показанному обмороку сему другаго виду, необманули дядю ея. Дѣйствїе, каковое причинилъ въ ней взглядъ Барона, неосталось у него безъ примѣчанїя. Онъ ожидалъ удобнѣйшаго случая поговорить о томъ съ племянницею своею, и случай сей скоро оказался.

Тогожъ самаго вечера, и въ послѣдующїе послѣ того дни, Баронъ не только освѣдомлялся о состоянїи больной, чрезъ посылаемыхъ отъ него людей, но даже и самъ приходилъ. Столь великое усердїе, побудило Г. фонъ Гульмана, къ тому; что онъ предпрїялъ привести племянницу свою на благосклоннѣйшїя мысли противъ молодаго сего господина. Но ничто не возмогло преодолѣть ея отвращенїя; и ежели бы еще болѣе

сталъ

сталъ онъ принуждать ее, то она бы объявила ему, для оправданія сопротивленія своего, обидную продерзость Баронову. Между тѣмъ лучше хотѣла поставить въ причину свое отвращеніе отъ супружества, а еще больше съ лишкомъ легкомысленное поведеніе, и распутную жизнь супруга, котораго онъ предлагалъ ей Итакъ Г. фонъ Гульманъ нesталъ уже больше принуждать ее къ тому и приказалъ объявить Барону, послѣдній отвѣтъ его племянницы.

Масленичные дни подали Г. фонъ Гульману причину повести ее въ разныя увеселенія, въ коихъ желалъ онъ, чтобъ и она имѣла участіе. Аделина не бывала еще никогда на великихъ балахъ; однакожъ не охотно соглашалась, чтобъ итти и на сей съ дядею своимъ въ маскѣ; но напослѣдокъ согласилась ѣхать туда съ нимъ и съ одною женщиною, которую онъ пригласилъ ей въ товарищество.

Ба-

Баронъ, котораго страсть чрезъ препятствія столь сильно умножилась, что онъ не могъ больше жить, естьли не получитъ Аделининой руки. Онъ всегда содержалъ въ домѣ Г. фонъ Гульмана потаенныхъ вѣстниковъ; онъ вскорѣ получалъ извѣстіе, что Г. фонъ Гульманъ намѣренъ ѣхать съ племянницею своею на балъ; почему Баронъ принялъ намѣреніе, происходящее отъ ослѣпленной и безразсудной его бодрости; онъ заказалъ сдѣлать три пары маскерадкаго платья, которое бы подобно было тѣмъ, въ какія Г. фонъ Гульманъ, его племянница и ея подруга наряжены будутъ; пригласилъ также и двухъ женщинъ, которыя были такогожъ росту какъ Аделина и ея пріятельница. При томъ подговоривъ одного мущину похожаго станомъ на Г. фонъ Гульмана, пошелъ съ ними маскированный на балъ.

Ба-

Баронъ и его три маски стали у дверей такъ близко, какъ только имъ можно было; другой половинѣ изъ его партіи должно было на нѣкоторое время скрыться, и посредствомъ извѣстнаго условнаго знака должно было ихъ подкрѣпить; удалось ему весьма удобно сдѣлавъ довольную тѣсноту (при самомъ входѣ Г. фонъ Гульмана и его племянницы) принудить ихъ разойтися. Тутъ Баронъ представляющій Гна фонъ Гульмана подхватилъ руку боязливой Аделины, какъ между тѣмъ обѣ другія женщины Г фонъ Гульманомъ овладѣли. Разныя другія маски, равнымъ образомъ отъ Барона разставленныя, старались удерживать его при всякомъ шагѣ, съ вольностію, или лучше сказать съ тѣмъ неукротимымъ упорствомъ, какое необузданная вольность въ таковыхъ мѣстахъ позволить можетъ.

Аделина, которая отъ крику уже испугалась, и будучи отъ раставленныхъ для того Барономъ людей, приведена въ толпу, стѣснена, совсѣхъ сторонъ толкаема, вскорѣ соскучила и просила усильно мнимаго своего дядю отвезти ее обратно домой. Сей отрадости находившись внѣ себя, показывалъ будто неохотно усильной ея прозьбѣ внимаетъ. Наконецъ вышли вонъ; карета, которую почитала Аделина за свою, стояла уже въ готовности; и какъ скоро они сѣли въ оную то кучеръ погналъ лошадей весьма скоро. Между тѣмъ удивилась Аделина продолжающемуся моччанїю дяди своего, приписывая однакожъ оное неудовольствїю, которое можетъ, думала она, причинила нетерпѣливостїю своею оставить балъ. Притомъ примѣтя, что онъ въ глубокомъ снѣ находился, молчала, каретажъ между тѣмъ ѣхала дальше.

Въ продолженїе сего времени, Г. фонъ Гульманъ, который думалъ, что

водитъ Аделину, усталъ; началъ скучать и сказалъ о томъ мнимой своей племянницѣ; племянницажъ сїя была никто другой, какъ та Лавра, о которой уже была рѣчь, прежняя Баронова знакомка, которую любилъ самъ Г. фонъ Гульманъ, и къ которой онъ имѣлъ еще почтенїе. И такъ согласилась ѣхать обратно въ домъ его, гдѣ какъ она, такъ и провожительница ея сняли съ себя маски; изумленїе и ужасъ неописанный, объявшїй его при взглядѣ на Лавру, равно какъ и не отступная и лукавая радость, каковую оказывала она принужденнымъ образомъ о представляемой масленичной шуткѣ, въ которой она по сказкамъ ея ни мало была не виновата.

Г. Фонъ Гульманъ, заботясь болѣе объ Аделинѣ, нежели благосклоненъ былъ, слушать ея рѣчи, говорилъ съ нею столь строго, что вселилъ въ нея

та-

такой страхъ, что получилъ отъ нее признаніе о заговорѣ, въ которомъ она была участницею, равно и въ вѣроломствѣ и побѣгѣ служителя, измѣнившаго ему такимъ безчестнымъ образомъ. Тщетно старалась Лавра увѣрить его въ честныхъ намѣреніяхъ Барона, но ничто не могло успокоить его. Онъ приказалъ отвести ее въ ея домъ, а самъ поѣхалъ обратно на балъ.

Легко можно отгадать, что поиски его здѣсь были тщетны. Онъ спѣшилъ въ Бароновъ домъ, и привелъ тамъ до того, что ему вороты отперли. Гнѣвъ довелъ его до крайности, какъ узналъ онъ, что Барона въ городѣ небыло, и что онъ какъ думали недѣли съ двѣ живетъ уже въ отчинѣ своей Л * * * . Онъ обыскалъ въ домѣ, всѣ углы и закаулки и какъ ничего ненашелъ такого, что моглобы подать ему подозрѣніе, то возвратился домой, взялъ тотъ же часъ помо-

выхъ лошадей, и поѣхалъ такъ скоро, что еще до половины дня прибылъ въ помянутой Барановъ замокъ. Но и здѣсь столь же мало могъ сыскать слѣды Бароновы, какъ и въ городѣ. Однакожъ чрезъ угрозы свѣдалъ онъ, что Баронъ на канунѣ того дня уѣхалъ, но заподлинно не знали, гдѣ онъ находился. Едва было Г. фонъ Гульманъ не покусился въ гнѣвѣ на величайшія насилія, дабы получить отъ людей сихъ обстоятельнѣйшія извѣстія, и предпріялъ было зажечь домъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Наконецъ уступилъ онъ прозьбамъ и слезамъ своихъ двухъ служителей, которые его провожали, и сѣвши опять въ свою воляску, хотѣлъ ѣхать, какъ одна женщина въ худой одеждѣ подошла къ одному изъ служителей его, и весьма тихо сказала, чтобъ онъ понудилъ своего господина дождаться ее при объѣздѣ одной рощицы, которую она показывала ему рукою. Узнавъ здѣсь

Г. фонъ Гульманъ, отъ сей женщины, что Баронъ по видимому находился теперь на крайнемъ концѣ города въ маленькомъ домикѣ, куда она ему, какъ увѣряла очень часто нашивала фрукты и другїе товары, наградилъ ее, и поскакалъ весьма скоро обратно въ городъ.

Мы оставили Аделину на дорогѣ, по которой, какъ она думала скоро прїѣдетъ въ домъ своего дяди. По многимъ оборотамъ, кои показались ей далѣе обыкновенныхъ, карета наконецъ остановилась. Отворились вороты, и карета взъѣхала. Тутъ притворился маскерованный господинъ, котораго Аделина все за своего дядю щитала, какъ будто бы проснулся и тотъ же часъ скрылся. Аделина обращая глаза на все, что ее окружало, кричала изъ всѣхъ силъ, на послѣдокъ ослабѣвши упала въ обмерокъ. Перенесли ее въ ближнюю комнату, прилагали объ ней свое старанїе, и она чрезъ часъ пришла

опять въ чувство, но вскинувъ первые взгляды на Барона, который находился уже при ней, вторично лишилась памяти и второй припадокъ сей былъ еще опаснѣе перваго. Наконецъ опять памятовалась, но совѣсть ее ужаснѣе тревожила; нежели то, что она ничего о себѣ не знала. Посреди волнующихся мыслей и страшнымъ безпокойствій дождалась она развѣтающаго дня.

Тщетно приходилъ Баронъ къ дверямъ ея комнаты нѣсколько разъ; она запретила ему входить къ ней. Наконецъ согласилась его видѣть, съ тѣмъ однакожъ договоромъ, чтобъ онъ явился одинъ. Легко вообразить можно горячность и силу упреканій молодой нашей героини, а равно и усильныя прозьбы ея, чтобъ не медленно отвезти ее обратно въ домъ дяди ея. Слезы ея, трогательный голосъ печали, выраженіе чувствительности, которую одна только добродѣтель изобразить въ со-

состоянїи, тронуть могла бы жесточайшее сердце; однакожъ сильная Баронова страсть, не допускала, чтобъ онъ могъ согласиться отпустить ее: обвиняйте меня сказалъ онъ ей; я вамъ позволяю, однакожъ горячность любви моей состоитъ въ такой степени, которая меня самаго огорчаетъ, но дерзость онаго кажется уменьшаетъ презрѣнїе ваше и непреоборимую склонность мою. Намѣренїе мое есть чистое, родъ, имѣнїе мое, постоянство, нѣжныя чувствованїя, почтенїе, котораго вы, естьли осмѣливаюсь думать нашли нѣкогда достойнымъ. . . . Не можетъ ли все сїе уговорить васъ въ мою пользу? . . . Итакъ согласитесь милостивая государыня, принять мою руку. Сего же дня увѣренъ я даже и безъ согласїя вашего дяди сдѣлать нужныя прїуготовленїя. Скажите одно слово, и неопасайтесь ничего, отъ такого покорнаго и нѣжнаго любовника.

Аде-

Аделина стараясь, хотя напрасно побудить его къ исполненію намѣреній своихъ, возбудила однакожъ въ немъ столь великое къ себѣ уваженіе, что онъ неотважился ни на минуту отступить отъ почтенія, коего едва ли и надѣялась она отъ него.

Оставимъ ихъ въ такихъ обстоятельствѣхъ, и обратимся къ Г. фонъ Гульману. Одна бодрость была въ состояніи подкрѣпить его противъ толь сильнаго оскорбленія и безпокойствій, кои причинили ему первые его подвиги. Наступила уже полночь, какъ онъ пріѣхавши въ свой домъ только успѣлъ выскочить изъ коляски, и тотъже часъ отправился въ показанный бароновъ домикъ. Пріѣхавши туда, выломалъ первую дверь одной комнаты; тутъ попался ему одинъ слуга, который признался ему съ трепетомъ, что это Аделинина комната.... Все сіе сдѣлалось въ одну ми-

нупу.... Взоры его тотчасЪ устремились на племянницу, и вЪ тожЪ самое время увидѣлЪ онЪ и Барона. ПодлецЪ! сказалЪ онЪ вынимая шпагу и устремясь на него, защищай жизнь свою, или умри по заслугамЪ. БаронЪ отступилЪ назадЪ, сЪ тѣмЪ единственно намѣренїемЪ, чтобЪ приготовиться кЪ побѣгу, и ожидать щасливѣйшихЪ обстоятельствЪ; но Г. фонЪ ГульманЪ слѣдуя одной жестокости своего гнѣва иначе принялЪ сїе и догнавши его, повергЪ его предЪ ногами своей племянницы, просящаго сЪ воздыханїемЪ прощенїя, котораго признавалЪ *себя быть* достойнымЪ. Во всемЪ домѣ сдѣлался великїй шумЪ: всякЪ соединялся противЪ Г. фонЪ Гульмана; но онЪ безЪ всякаго страха, держа одною рукою свою племянницу, а вЪ другой имѣя обнаженную шпагу, пришелЪ свободно кЪ своей коляскѣ, и весьма поспѣшно уѣхалЪ вЪ свой домЪ. ТутЪ расказала Аделина дяди своему

ему все, что послѣ разлуки ея происходило и посреди сихъ разговоровъ, столь для нихъ утѣшительныхъ и столь важныхъ, прибыли они въ домъ Г. фонъ Гульмана. Между тѣмъ состоянїе въ каковомъ оставили они Барона и усильныя Аделинины прозьбы убѣдили Г. Фонъ Гульмана удалиться на нѣкоторое время въ ту вотчину, въ которой она была воспитана. На другой же день они выѣхали и провождали тамъ столь же веселую какъ и спокойную жизнь, а особливо первой годъ ихъ пребыванїя.

Рана, которую получилъ Баронъ, была съ начала къ выздоровленїю его очень сомнительна. Онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченїе; первыя минуты употребилъ въ пользу, дабы написать къ Г. фонъ Гульману и его племянницѣ. Оба его письма были одного почти содержанїя. Мы сообщимъ здѣсь только то, которое писалъ онъ къ Аделинѣ, дабы послужило

оно къ яснѣйшему истолкованію сея повѣсти. Оно было такого содержанія:

,,Я не съ тѣмъ намѣреніемъ пишу ,,къ вамъ, милостивая Государыня, чтобъ ,,получить отъ васъ прощеніе, котораго ,,я болѣе не заслуживаю. Гнѣвъ вашъ ,,долженъ лишить меня надежды, чтобъ ,,вы прочитали письмо мое. Сдѣлайте ,,однакожъ милость, рѣшитесь на то, ,,естьли желаете знать, дальнѣйшія ,,обстоятельства, которыя для васъ ,,нужны.

,,Позвольте мнѣ милостивая Государыня, напомнить вамъ и прежнее время, ,,когда я имѣлъ щастіе съ вами познакомиться .... Это было то щастливое ,,время въ моей жизни, которое до послѣдняго издыханія моего пребудетъ драгоцѣннымъ. Со стыдомъ признаюсь вамъ въ ,,томъ, что съ того времени вдался я въ ,,развращенную жизнь, которую своенравныя

„ныя сопротивленія ваши сдѣлали для „меня менѣе презрѣнною, такъ что я „долженъ былъ васъ предупредить, какъ „будто бы меньше удивлялся прелестямъ „вашимъ, и не столько тронутъ будучи „превосходствомъ души вашей; я призна-„юсь вамъ, даже съ тою истинною, ко-„торую какъ мнѣ сказываютъ предстоя-„щая смерть не столько подозрительною „сдѣлать вамъ должна, что я все упо-„треблять старался, чтобъ позабыть „васъ, но тщетно; отчаяніе мое застави-„ло меня прибѣгнуть къ Лаврѣ; свойства „ея были мнѣ извѣстны; развратная „жизнь и малая ея помощь, привели меня „до того, что я побудилъ ее оказать „мнѣ пагубную услугу. Впрочемъ я лас-„калъ себя надеждою, что тотъ родъ „благосклонности, которую Г. фонъ „Гульманъ прежде къ ней оказывалъ, до-„ставитъ ей довольное преимущество, „къ совершенію для меня случая насъ

 опять

,,опять видѣть. Но всѣ сїи предпрїятїя ,,были напрасны; вы отлагали ихъ намѣ-,,ренїя и уничтожили мои.

,,Я уже давно имѣлъ довѣренность ,,къ Антонїю; чрезъ него доходили къ ,,вамъ мои письма, изъ коихъ знаю я, ,,что ни одного вы, выключая перваго, ,,никогда не распечатывали. Онъ ввелъ ,,меня однимъ вечеромъ въ домъ дяди ва-,,шего. Два дни я въ ономъ скрывался, ,,неполучая случая, котораго я искалъ, ,,по причинѣ болѣзни матушки вашей, ,,которую вы никогда оставлять не хо-,,тѣли. Наконецъ наступила *та* неща-,,стная ночь ------- Но на что мнѣ ,,напоминать горестную ту минуту, ко-,,торая меня обезчестила, и теперь ужас-,,нымъ мученїемъ для меня сдѣлалась? ,,Исполненъ презрѣнїя къ самому себѣ, и ,,удивленїя къ вамъ; весьма будучи влюб-,,ленъ, отчаянъ отъ того, что сдѣ-,,лался предъ вами на вѣки презрѣннымъ,

по-

,,пошелъ я опять съ помощїю темноты
,,къ тому служителю, въ комнату, ко-
,,торую на другой день оставилъ съ ве-
,,ликимъ раскаянїемъ. Двадцать разъ,
,,хотѣлъ я вамъ во всемъ признаться!
,,- - - - - Это была непремѣнная моя
,,должность - - - - - Я избавилъ бы васъ
,,отъ многихъ слезъ! . . . . Ахъ! можетъ
,,быть, оказалибъ вы тогда за истинное
,,мое раскаянїе милость - - - - Вы уско-
,,рили оставить городъ! я былъ въ раз-
,,сужденїи преступленїя моего ослѣпленъ.
,,При возвращенїи вашемъ, страсть моя
,,вновь возбудилась съ сильнѣйшимъ про-
,,тивъ прежняго жаромъ. Я все испы-
,,талъ, чтобъ сдѣлать васъ къ себѣ
,,благосклоннѣе; вездѣ слѣдовалъ за ва-
,,ми. Но какъ дорого заплатилъ я, за
,,тотъ щасливый случай, который по-
,,далъ поводъ обмануть васъ въ театрѣ!
,,- - - - Ахъ! обожанїя достойная Аде-
,,лина! какое ужасное мученїе терзало
то-

,,тогда сердце мое, когда я думалъ въ ,,послѣдній разъ васъ видѣть! ----- Вы ,,увѣдомлены были, о всѣхъ слѣдахъ, ,,какія дѣлахъ я у дяди вашего! они имѣ-,,ли столько же мало успѣха, а отчаяніе, ,,коимъ угодно вамъ было меня мучить ,,непримѣтно достигло до высочайшей ,,своей степени.

,,Я содержалъ всегда съ Лаврою нѣ-,,которой родъ согласія, и въ одинъ день, ,,какъ разговаривалъ я съ нею о горячно-,,сти моей къ вамъ, пришелъ Антоній, ,,и принесъ мнѣ извѣствіе, о намѣреніи ,,дяди вашего быть на балѣ. *Планъ мой* ,,вскорѣ былъ н а ч е р т а н ъ, и Лав-,,рою одобренъ, которая тотчасъ обѣща-,,лась оказать мнѣ въ томъ услуги; ,,другаяжъ часть преступленія моего ,,вамъ извѣстна.,,

Мы нестанемъ приводить здѣсь сего длиннаго письма къ окончанію, дабы не обременить читателей , но прибавимъ

толь-

только, что онъ тысячу разъ клялся любить сердечно Аделину до послѣдней минуты своея жизни. Онъ кончилъ сїе письмо униженнымъ прошенїемъ, чтобъ она простила его преступленїе и чтобъ сожалѣла о нещастномъ, котораго одна только слишкомъ горячая любовь могла сдѣлать столь достойнымъ наказанїя.

Письмо сїе возбудило различныя движенїя въ Аделининой душѣ; между тѣмъ неможно утверждать, чтобъ между оными побужденїе ненависти было сильнѣе нежели прочїя другїя. *Но какъ бы то нибыло*; она воображала себѣ жизнь съ неменьшимъ удовольствїемъ, которое напоминало ей прїятныя времена и спокойствїе прежнихъ ея лѣтъ. Предавшись такимъ образомъ Аделина своему добросердечїю, занималась тысячью предметами, кои всѣ были одно другаго полезнѣе, основательнѣе и великодушнѣе. Но тѣмъ будучи не-

недовольна, что всю помощь, которую она тѣмъ оказывать могла, для тѣхъ, которые свободно и безпрепятственно приходили просить ея щедрости, старалась однакожъ провѣдывать и о тѣхъ, которыхъ удерживала стыдливость и молчаніе, и которыхъ нужды она узнала; нѣжно мыслящая душа ея изобрѣла ей тысячи благоразумныхъ средствъ къ сокрытію отъ нихъ источника пособія, которое она имъ доставляла.

Баронъ лишь только выздоровѣлъ, то старался разгласить между всѣми своими знакомыми, что *отправится* въ Италію, а оттуда предпріиметъ еще дальнѣйшій путь. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ такое было его намѣреніе; но провѣдавъ, что въ той сторонѣ, гдѣ тогда жила Аделина, продается одна деревня, вскорѣ перемѣнилъ свои мысли. Онъ приказалъ оную купить на чужое

имя

имя; наградилъ и отпустилъ всѣхъ своихъ служителей; учредилъ всѣ свои дѣла такъ, чтобъ оныя въ отсутствіи его не пришли въ растройку, и прибылъ наконецъ для принятія сей деревни въ свое владѣніе. Уединеніе въ каковомъ онъ тамъ почти шестнатцать мѣсяцевъ не прерывно прожилъ, нужныя и хорошія дѣла, какія онъ исправлялъ, не былибъ (въ сравнеіи съ прежнею его жизнію) вѣроятны, естьлибъ не имѣли мы свидѣтелями тому тѣхъ, которые его знали, во время его пребыванія въ сей странѣ, и которые увѣряютъ, что имя, подъ которымъ онъ тогда скрывался, тамъ такой же почти славный слухъ получило, какъ и имя Аделины. Единственное увеселеніе, которое онъ себѣ доставлялъ, состояло въ томъ, что онъ ходилъ каждый вечеръ прохаживаться на берегъ довольно широкой рѣки, которая протекала мимо одного возвышеннаго мѣста Аделиннаго-

го-

го сада, куда она въ извѣстное время обыкновенно сама прихаживала. Здѣсь находясь одинъ въ простомъ одѣянїи, наслаждался тѣмъ для чувствительныхъ душъ великимъ щастїемъ, при разсматриванїи предмета, которымъ одна только его душа плѣнялась. Тщетно старался Г. фонъ Гульманъ принимать въ домъ свой знатнѣйшихъ своихъ сосѣдей, чтобъ войти въ нѣкоторый союзъ съ незнакомымъ, о которомъ вообще говорили столь много добраго; Баронъ находилъ множество учтивыхъ отговорокъ, дабы освободиться отъ тѣхъ приглашенїй, которыми весьма часто его тревожили. Такимъ то образомъ препровождалъ онъ жизнь свою.

Наблюденїе времени, въ которое сей незнакомый являлся каждый вечеръ у возвышеннаго холма, подлѣ текущей рѣки, было сначала Аделинѣ не примѣтно. Глубокая задумчивость, которою съ давняго

вре-

времени казалось она занималась, недопускала ее ни къ какому любопытству, которое бы могло разсѣять мрачныя ея мысли.

Между тѣмъ всегдашнее присутствіе одинакаго предмета и благородный видъ незнакомаго, коего взоры всегда устремлялись на Аделину, привлекли на себя гораздо отмѣнное ея примѣчаніе. Впрочемъ напоминалъ ей сей незнамый, тотъ станъ и все наружное существо человѣка, который причинилъ ей великую печаль и который (признаться) гораздо большее право имѣлъ въ ея сердцѣ, нежели какого она желала. Также признавалась она, послѣ того сама, что не самопроизвольное принужденіе, но нѣкоторое тайное побужденіе, отъ котораго старалась она требовать себѣ отчоту, всякой вечеръ, не имѣя ни какихъ мыслей, принуждало ее къ сей прогулкѣ.

Такимъ образомъ обѣ стороны жили болѣе году; но однимъ вечеромъ, какъ Г.

 Фонъ

фонъ Гульманъ въ провожанїи одного только служителя шелъ отъ одного въ сосѣдствѣ живущаго дворянина, домой, на пали на него четыре челолѣка, которые при превосходствѣ числа и оружїй, имѣли для себя и выгоду нечаяннаго нападенїя. Слуга его тотчасъ приведенъ былъ въ несостоянїе противиться, а Г. Фонъ Гульманъ долженъ былъ по убїенїи одного изъ четырехъ нападающихъ, непремѣнно притти въ изнеможенїе, но Баронъ возвращаясь отъ обыкновенной своей прогулки и услышавъ шумъ оружїй прибѣжалъ напомощь Г. фонъ Гульману бывшему уже почти близъ смерти; одного изъ разбойниковъ ранилъ, другаго убилъ, а третьяго принудилъ бѣжать. Однакожъ при послѣднемъ выстрѣлѣ, получивъ и самъ рану повергся къ ногамъ Аделинина дяди.

Къ величайшему нещастїю, наступила ночь весьма темная Г. фонъ Гульманъ

тщетно старался унять кровь ручьями текущую изъ раны великодушнаго избавителя; какъ въ самую ту минуту ѣдущїе крестьяне услыша крикъ, и узнавъ причину, предложи ему свои услуги. Положили на возъ сколько возможно тихо Барона, вмѣстѣ съ раненымъ Г. фонъ Гульмана слугою; Взяли разбойника, пришедшаго отъ раны въ несостоянїе бѣжать, и поѣхали въ домъ Г. фонъ Гульмана.

Легко можно вообразить себѣ тотъ ужасный страхъ, которымъ поражена была любви достойная Аделина, когда расказалъ ей дядя ея опасность претерпѣнную, и отчаянное состоянїе, въ которомъ находился незнакомый избавитель его жизни! — Но какимъ образомъ изобразить, крикъ, слезы и воздыханїя тѣхъ добрыхъ людей, которые ихъ привезли, когда при многихъ свѣчахъ, вскорѣ ихъ окружившихъ узнали они въ раненомъ и близь смерти находящемся незнакомомъ

великодушнаго илюбезнаго ихъ благодѣтеля!

Простое его платье, блѣдность, на лицѣ кровь, которая обезобразила его; все сїе дѣлало Г. Фонъ Гульману и племянницѣ его незнакомымъ. Наконецъ они его узнали и каждое особливо примѣтное подобїе въ немъ находилось, о коемъ не смѣли они однакожъ имѣть ни какого рѣшительнаго мнѣнїя.

Когдажъ боль первой перевязки привела Барона опять въ чувство, то обратилъ онъ первые свои взгляды на предметы окружавшїе его. ---- *Гдѣ я?* сказалъ онъ воздыхая и весьма слабымъ голосомъ. — У человѣка, который васъ почитаетъ и который всѣмъ вамъ о должeнъ, отвѣчалъ Г. Фонъ Гульманъ съ горячностїю сжимая его руку и объявляя ему свое имя. — Небо! что я слышу! вскричалъ умирающїй, напрягая всѣ свои силы чтобъ взять его ру-

руку - - - - Однако продолжалЪ онЪ, вамЪ недолжно было меня болѣе знать; я сЪ лишкомЪ заслужилЪ ненависть вашу. При сихЪ словахЪ впалЪ онЪ вЪ новый обморокЪ, который заставилЪ опасаться о его жизни. Аделина стояла на нѣсколько шаговЪ отЪ него и заливалась слезами; сердце ея узнало опять любовника своего. Всѣ преступленія его преданы были забвенію; она невидѣла его иначе какЪ окруженнаго добродѣтелями, какія она давно уже вЪ достойномЪ почтенія сосѣдѣ примѣчала. Нѣкоторые крѣпительные спирты, привели опять вЪ чувство Барона, который устремивЪ взоры свои на Аделину не хотѣлЪ болѣе принимать никакихЪ пособій.—Оставьте меня умереть, сказалЪ онЪ напрягая свой голосЪ; я сЪ лишкомЪ уже много жилЪ; я презрѣнЪ красотою; я презрѣлЪ и самую добродѣтель. Прерывающіеся его вздохи, препятствовали ему говорить болѣе; онЪ закрылЪ лице свое

руками, и не хотѣлъ ничего болѣе слушать. Въ сїе время прибѣжала Аделина къ его постели, говорила съ нимъ и подавала ему лѣкарства къ принятїю, коего тщетно просилъ его съ усилїемъ лѣкарь. Услыша прїятный и любезный для него голосъ пробудился Баронъ какъ бы отъ сна; глаза его искали прилѣпиться ко взорамъ его любезной; дрожащими руками своими сжималъ онъ руку Аделины, подавшей ему оную; онъ пролилъ горькїя слезы, и казался, что въ той, которую видитъ, находитъ опять жизнь свою. — Любезная Аделина, сказалъ онъ, напрягая послѣднїя свои силы, ахъ! можете ли вы меня еще простить? — Живите! любезный Баронъ, сказали ему вдругъ Г. фонъ Гульманъ и его племянница; живите и будьте спокойнѣе, или вы принудите васъ оставить. Съ сея минуты принималъ Баронъ все, что ему подавали. Присутствїе Г. фонъ Гульмана и его племанницы

цы и надежда щастливѣйшаго предбудущаго времени, возстановили его гораздо скорѣе, нежели какъ надѣяться могли, и Г. фонъ Гульманъ желая того болѣе нежели онъ самъ, привелъ наконецъ племянницу свою къ рѣшенію, исполнить желанія любезнаго Барона, который и сдѣлался въ скорѣ достойнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ супругомъ.

Между тѣмъ надобно примѣтить, что раненый, котораго привезли съ Барономъ, былъ самой тотъ Антоній, котораго вѣроломные поступки были извѣстны, и что сей злощастный бѣжавъ изъ дому Г. фонъ Гульмана, пошелъ въ монастырь, гдѣ содѣланныя проступки съ раскаяніемъ исправилъ.

Г. фонъ Гульманъ, остался приновобрачныхъ, которые никогда непреставали почитать его какъ своего отца. Онъ непримѣтно привыкъ къ деревенской жизни, которая хотя не такъ блистательна,

 какъ

какъ городская, однакожъ не менѣе имѣетъ пріятныхъ своихъ увеселеній.

III.
СИДНЕЙ.

Сколь жалостное есть состояніе человѣка! Онъ окруженъ существами, столькоже непостоянными какъ онъ! Сильная и тайная склонность привлекаетъ его къ онымъ. Рожденъ въ обществѣ, чувствуетъ онъ, что въ ономъ имѣетъ нужду. Естьли онъ отваживается убѣгать подобнаго себѣ, то дѣлается, нещастнымъ и вмѣстѣ виновнымъ. Естьли предается спокойнымъ увеселеніямъ гражданской жизни, то подвергаетъ себя тысячи опасностямъ. Дружество бываетъ часто ему измѣнникомъ; любовь приводитъ его въ отчаяніе; или приходитъ вдругъ смерть и разрываетъ любез-

нѣйшія его узы. Естьли кто имѣетъ благородную, искреннюю и откровенную душу, тотъ всегда почти достоинъ сожалѣнія.

Молодой Лордъ Сидней подалъ поводъ къ симъ размышленіямъ. Онъ родился въ Лондонѣ, имѣлъ великое имѣніе и любви достойнѣйшія качества; нравы его были скромны, однакожъ строги; наружный видъ его дѣлалъ сильное впечатлѣніе на прекрасной полъ. Важная его осанка привлекала на себя всеобщее вниманіе. Нельзя было безъ удивленія и строгости смотрѣть сколько украшалъ въ немъ цвѣтъ юношества прежде-временной разумъ; ибо не было еще ему дватцати лѣтъ, а говорили уже въ Лондонѣ о мудромъ и разумномъ Сиднѣ.

Онъ часто искалъ уединенія, любилъ охоту и деревенскія увеселенія. Въ одинъ день, когда онъ за три мили отъ Лон-

 до-

дона отъ усталости и жару ослабѣвъ, блудилъ около береговъ Темзы, нашелъ онъ маленькую только одну стоящую и густыми вѣтьвями осѣняющихъ деревъ покрытую избушку. Молодой Лордъ хотѣлъ въ оную войти для отдохновенія. Онъ думалъ, что въ оной живутъ деревенскіе жители, и далъ ихъ не принужденному простосердечію преимущество предъ обманьчивымъ оказаніемъ учтивости людей великаго свѣта. Въ какое пришелъ изумленіе, когда въ семъ низкомъ прибѣжищѣ, коего двери отворены были, нашелъ домашнія вещи порядочныя, хорошихъ художествъ! нравственныя книги геометрическіе и музыкальные инструменты; впрочемъ все было-просто; одна только чистота была украшеніемъ сего уединеннаго жилища. Снддней опять вышелъ вонъ съ нетерпѣливостію, бтобъ сыскать хозяина сего дому. Онъ пошелъ около хижины неправильно посаженными алеями

ми младыхъ деревъ, отъ куда видно было море и пріятнѣйшая страна. Наконецъ примѣтилъ онъ бодраго еще старика, коего видъ внушалъ почтеніе. Онъ прохаживался тихими шагами. Сильное впечатлѣніе печали помрачало важную красоту чертъ лица его и показывало образъ чувствительной и жестоко страждущей души. Молодой Лордъ подошелъ къ нему со всякимъ оказаніемъ почтенія, а старецъ возлюбилъ его. Младый незнакомецъ сказалъ онъ ему, чего вы здѣсь ищете? Безсомнѣнія прохлажденія и покою послѣ сильнаго тѣлодвиженія. Вы видите здѣсь мое жилище; и въ вашей волѣ состоитъ въ него войти. Пойдемъ и требуйте отъ меня въ чемъ вамъ служить могу.

Они вошли туда. Сидней будучи отъ радости и удивленія внѣ себя, началъ говорить съ симъ отмѣннымъ человѣкомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Я уже осмотрѣлъ жилище ваше. Я недумалъ въ

уеди-

уединенïи найти мудраго. Но позвольте мнѣ спросить васъ, для чего окружаютъ мрачныя облака свѣтлость души вашей; неможно ли открыть мнѣ, кому я долженъ столь ласковымъ гостепрïимствомъ? Но можетъ быть я не достоинъ вашей довѣренности. Я по крайней мѣрѣ знаю, какое оказывать должно почтенïе старости и добродѣтели вашей.

Ахъ! отвѣчалъ старецъ; то, что я вамъ теперь расказать хочу, можетъ служить вамъ наставленïемъ, и сïя побудительная причина подаетъ, мнѣ поводъ къ сему столькоже, какъ и чувствительность, которую вы возбуждаете во мнѣ. Впрочемъ съ жадностïю гоняюсь я въ высочайшей степени прискорбности моей за самимъ малейшимъ блескомъ надежды. Естьли не ошибся я въ добромъ намѣренïи, каковое я объ васъ имѣю, то можетъ быть вы можете окончить мое нещастïе. По чему мнѣ знать? Крайнее неща-

щастіе граничитъ иногда близъ щастія. Можетъ быть провидѣніе послало васъ сюда для пользы моей. Но какъ бы то ни было, употребите вы злополучія мои въ свою пользу. Душа ваша начинаетъ только себя познавать. Отъ моихъ нещастныхъ приключеній, научитесь вы быть господиномъ надъ невиннѣйшими склонностями своими, и оныя покорять той любви, которою должны высочайшему существу: ибо здѣсь на землѣ нѣтъ ничего постояннаго.

Я былъ почти въ ваши лѣта, какъ увидѣлъ Мисъ Муррай. Она была прекрасна, и добродѣтельна; такъ какъ и я, въ посредственномъ состояніи рождена, но отъ благоронаго поколѣнія, каковое н мое было. Я былъ жестоко въ нее влюбленъ, умѣлъ ей понравиться. Не ожидайте здѣсь никакихъ чрезвычайныхъ приключеній. Жребій нашъ былъ одинаковъ.

ковъ. Любовь наша не находила никакихъ препятствій и осталась тѣмъ постояннѣе. Сходство нашихъ нравовъ, нашей чувствительности, нашихъ мыслей и привязанности нашей къ добродѣтели соединило насъ на всегда. Небо благословило нашъ бракъ. Моя любезная Мудрой родила мнѣ двухъ сыновъ и одну дочь. Сыновья мои служили, такъ какъ я съ отмѣнною славою въ послѣднихъ войнахъ, и были предмѣтомъ увеселеній, любви и чести своихъ родителей. Дочь наша, по превосходнымъ ея качествамъ, столь же была любезна. Повѣрите ли вы любезнѣйшій незнакомецъ, что я долженъ былъ испытать ужаснѣйшій жребій! Столь великое благополучіе ищезло наподобіе сна, и я оплакиванія достойный примѣръ непостоянности уже испыталъ. Разсудите, должноли имѣть къ вамъ почтеніе. Я дѣлаю себѣ насиліе, однакожъ съ охотою представляю себѣ опять въ васъ образъ лю-

лютаго напоминанія. Оба сыны мои въ одно время лишились жизни отъ жестокой болѣзни, и къ величайшему нещастію послѣдовала за ними вскорѣ моя любезная и нѣжная Муррай. Всѣ умерли въ моихъ рукахъ.

Столь многія и великія злощастія, меня жестоко поразили. Я долгое время былъ неспособенъ воспытать и помышлять о благополучіи дочери моей, единаго и дражайшаго остатка того, что мнѣ было милѣе всего на свѣтѣ.

Но что я говорю? я нещастный! — Вы удивляетесь, любезный мой младый пріятель, я долженъ былъ еще болѣе страдать, и высочайшая степень отчаянія была для меня предоставлена. Сидней просилъ старика, будучи сердечно тронутъ, прервать столь печальное повѣствованіе. — Нѣтъ сынъ мой! вы точно будете обо мнѣ сожалѣть, и мнѣ не должно отъ васъ ничего утаевать. Вы живе-

весте въ Лондонѣ; можетъ быть извѣстенъ вамъ жребiй нещастнаго предмета! ------ Ахъ! она была мое утѣшенiе, и ея мать казалось для меня ожила! ---- Какъ? сказалъ Сидней съ горячностiю, какъ? вы потеряли и сiю любви достойную дочь? какимъ нещастнымъ случаемъ? ------ О щастiе! какоежъ ты наказанiе предоставляешъ беззаконнымъ?—

Сынъ мой! мы нестанемъ роптать на провидѣнiе, продолжалъ весьма тронутой старикъ. Я началъ нещастiе мое сносить, и ежедневно напоминалъ себѣ мою супругу и сыновей моихъ. Я удалился въ сiе спокойное жилище. Упражненiе въ наукахъ и нѣкоторая прiятная, тихая но свободная и спокойная жизнь, начала было уменьшать горесть моей печали. Нещастiе и испорченныя свойства людей преслѣдовали за мною даже и до сего мѣста. Сестра моя. которая живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ, недѣли три тому назадъ,

какъ посѣтивъ меня, просила, чтобъ отпустить съ нею Софію, такъ называется моя дочь, я ее отпустилъ такъ какъ прежде сего отпускалъ. Напослѣдокъ пріѣхала она ко мнѣ одна. Я весьма тому удивился. Маленькая болѣзнь удержала дочь мою дома. Сестра моя возвратясь домой не нашла ее болѣе. Все, что мы отъ одной только женщины, которой сестра моя ее препоручила, узнать могли, состояло только въ томъ, что сія служанка, которой вѣрность намъ извѣстна была, какъ только на минуту вышла, то услышала стукъ почтовой коляски, которая казалось изъ двора выѣхала. Она выбѣжавши въ самомъ дѣлѣ увидѣла коляску, быстро уѣхавшую; но она уже тщетно искала мою Софію. Представьте вы себѣ, сколь ужасное теперь состояніе наше! я до сего времени дѣлалъ безуспѣшныя изслѣдованія. Великій Боже! ужели потерялъ я ее на вѣки.

Не попустишъ ли ты, чтобъ нашелъ я безчестнаго ея похитителя? О любезный мой младый пріятель! я не имѣю болѣе никакого покоя; днемъ и ночью не вижу я ничего, кромѣ ужаснѣйшихъ воображеній мечтающихся предомною! однако я не могу еще отлагать всей надежды, которая меня ласкаетъ. Ахъ! естьли вы любите добродѣтель, то безъ сомнѣнія мнѣ пособите въ томъ сами или чрезъ вашнхъ друзей, одно то сыскать, что жизнь мою дѣлаетъ милою.

Сидней отвѣчалъ ему только сквозь слезы. Я не охотно оставлаю васъ, сказалъ онъ сему старику; но отваживаюсь надѣяться, что небо подкрѣпитъ старанія мои. Я знакомъ съ людьми, которые въ великомъ уваженіи и сіе мнѣ теперь пріятно, ибо посредствомъ ихъ надѣюсь окончить вашу печаль.

Милордъ Броверъ былъ дядя сиднею, съ стороны матерней и весьма его любилъ

билъ. Сей горячій но добродѣтельный юноша, дѣлалъ трогательное и важности исполненное описаніе о нещастныхъ приключеніяхъ и печали старика. Любезный дядя, сказалъ онъ ему- одинъ почтенія достойный согражданинъ, праведно проситъ у васъ вспомоществованія; онъ есть отецъ, который служилъ отечеству самъ и чрезъ сыновей своихъ. Онъ болѣе еще достоинъ быть защищаемъ по своей добродѣтели, нежели по своему имени. У него осталась только одна дочь, единая подпора печальной и слабой его старости; одинъ подлецъ дерзаетъ безчестнымъ образомъ пронзать сердце достойнѣйшаго и почтеннѣйшаго отца. Итакъ теперь подвержена самая честь своевольству скотскаго нахальства, и ужаснѣйшее безчестіе будетъ ли оставаться безъ наказанія? до сего вы недопустите Милордъ! ваша справедливость, человѣколюбіе, ваши благодѣтельныя ка-

 чес-

чества наградятъ опять страшную сїю несправедливость. — Милордъ Броверъ перемѣнился въ лицѣ. Долго пребылъ въ глубокомъ молчанїи. Наконецъ посмотрѣлъ онъ быстро на племянника своего и сказалъ: Сидней! Подите завтре поранѣ къ сему почтеннѣйшему нещастному. Скажите ему именемъ моимъ, чтобъ онъ перестал оплакиватъ дочь свою; еще въ тотъ же самой день обниметъ онъ ее, и я беру на себя доставить ему ее. Теперь оставте меня; я сдѣлаю о томъ распоряженїе; вы положитесь на мое слово. Сидней не зналъ, какъ ему поминать такъ крапко выговоренныя слова. И не могъ постигать, какъ его дядя, при всей знатн сти своей, могъ себя ласкать надеждою сыскать такъ скоро Софїю.

На другой день еще до разсвѣта пошелъ онъ къ Сыръ Манли (такъ назывался пустынникъ); онъ обнялъ его и сжималъ въ своихъ объятїяхъ. При радости

сти, которая изъ глазъ юноши сіяла, обольстилъ онъ сердце свое надеждою. Вы скоро ее увидите! сказалъ Сидней съ горячностію. Милордъ Броверъ, дядя мой придетъ въ слѣдъ за мною и самъ ее къ вамъ приведетъ. Спустя нѣсколько минутъ возвѣстилъ каретный стукъ о пріѣздѣ Милорда Бровера. Онъ явился съ Софіею, которая устремилась въ объятія отца своего и по томъ съ изумленіемъ обращала взоры свои смѣшенные съ робостію.

Сыръ Манли! сказалъ Милордъ Броверъ, здѣсьли ваша сестра? присутствіе ея мнѣ нужно. Сидней бросился тотчасъ за нею. Какъ только она пришла, то Милордъ Броверъ просилъ всѣхъ садиться. По томъ обратилъ онъ рѣчь свою къ Сиръ Манли, который хотѣлъ приподняться. Прошу всѣхъ васъ, сказалъ Милордъ, несадясь и понуждая Сиръ Манлія сѣсть, непрерывать рѣчей моихъ.

Любезный племянникъ, продолжалъ онъ, вамъ одолженъ я неоцѣненнымъ удовольствїемъ, совершеннаго дѣла, но возможно ли истребить память безчестїя, столь много меня трогающаго какъ и самаго Сиръ Манлїя. Я свободенъ и ни кѣмъ не обязанъ, Сидней; Вы одинъ мой наслѣдникъ ------ Сей контрактъ увѣряетъ васъ отъ сего дня въ полученїи половины моего имѣнїя; я назначаю вамъ мѣсто, которое уступаю теперь.

Чтожъ касается до васъ Сиръ Манли, то примите опять всѣ ваши права надъ дочерью, которой добродѣтель неимѣетъ себѣ подобной и коей благородныя поступки наградить я не въ состоянїи. Естьли бы племянникъ мой ей понравился, и она могла бы предать забвенїю мою несправедливость, то можетъ быть я отважился бы ласкать себя надеждою, показать ей истиннаго друга въ

томъ

томъ, который воздыхаетъ теперь предъ вами за то, что былъ похитителемъ ея.

При сихъ словахъ повергся онъ къ ногамъ Манлія; потомъ вставъ смотрѣлъ на него съ видомъ довѣренности. Сиръ Манли! говорилъ онъ опять, естьли сіе удовлетвореніе не совершенно, то прикажите, я все готовъ сдѣлать. Что мнѣ еще остается сказать къ моему оправданію, естьли только въ семъ случаѣ таковое употребить можно, есть то, что я незналъ, что вы отецъ сея любви и обожанія достойныя дочери. Скромность и красота ея меня плѣнили; я предался съ лишкомъ удовольствію увидя ее однажды въ Паркѣ съ ея теткою. Я возвращаю вамъ ее покрайнѣй мѣрѣ такъ, что она всегда васъ достойна; сестра моя можетъ въ томъ быть вамъ порукою, она для того только изъ дому выѣхала, чтобъ быть здѣсь. Теперь оправдайте мой приговоръ.

Милордъ! сказалъ Манли съ изумленіемъ, вы были слабы однакожъ, имѣли власть - - - - Вы признаете свою несправедливость, къ чему ни что не могло бы васъ принудить - - - - Обоймемъ другъ друга!

Нѣжныя поцѣлуи, коими осыпала Софія отца своего, благодарность и смущеніе причинившее сему Милорду великодушную щедрость, стыдливость и чувствительность любезнѣйшей дочери оживили невинныя прелести, коими изобильно наградила ее природа. Милордъ Броверъ принуждалъ племянника своего принять его дары. Задумчивость Сиднея происходила только отъ недостатка любви; вскорѣ претворилась она въ сладчайшее чувствованіе къ любви достойной Софіи, съ которою онъ по нѣсколькихъ дняхъ соеднился бракомъ. Обое были щастливы и обое заслуживали быть таковыми.

IV.

IV.

ДА ВОСПРІИМУТЪ БЛАГОДАРНОСТЬ ИЗДАТЕЛИ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ Шатодюнѣ (*) жили два друга, которые одинакими именами назывались. Они другъ друга весьма любили. Но различали ихъ прозваніями отъ ихъ свойствъ выведенными, (Гаспаръ, такъ они назывались); одинъ изъ нихъ еще въ отрочествѣ назывался философомъ, ибо былъ таковъ и въ самомъ дѣлѣ, хотя нѣсколько и противъ своей воли. Природныя его качества показывали его быть таковымъ, хотя разсудокъ не имѣлъ нималѣйшаго въ томъ участія.

Другой Гаспаръ имѣлъ прозваніе, которое здѣсь съ намѣреніемъ не упоми-

Шатодюнъ есть славный городъ Графства Дюноя во Францїи, лежащїй на рекѣ Луарѣ въ провинцїй Орлеанской.

наетися, Оба они женаты были на любви достойныхъ женщинахъ; но рѣдко случается, что женщины бываютъ въ такихъ случаяхъ не очень между собою согласны, какъ и между госпожами Гаспаръ случилось. Ибо онѣ всегда имѣли между собою подъ видомъ дружества потаенную вражду. У философа была дочь, а другаго Г. Гаспаръ сынъ. Сей послѣднїй служилъ со славою въ армїи; онъ желалъ страстно получить мѣсто правителя въ одной маленькой крѣпостцѣ, однакожъ сїе ему не удалось. Онъ жаловался о томъ философу, которой утѣшалъ его спокойнымъ видомъ. Наконецъ обстоятельства благопрїятвовали ему; назначили его правителемъ сея столь желанныя имъ крѣпости; онъ отъ радости былъ внѣ себя. Но извѣстїе сїе весьма поразило ихъ дѣтей. Одинъ былъ десяти а другая семи лѣтъ. Они другъ друга никогда не оставляли и были вся-

кую

кую минуту вмѣстѣ. Они очень другъ друга любили, не съ тѣмъ пламенемъ страсти (единственнымъ щастїемъ, котораго въ семъ возрастѣ недостаетъ) но съ несказанною дѣтскою невинностїю. На лицахъ у нихъ изображена была скромность смѣшенная съ бодростїю.

Природа изображала нѣжныя мало образованныя и еще не совершенно означенныя черты лица ихъ съ нѣкоторою скрытною прїятностїю, и ежедневно украшала ихъ ласкательствующею рукою. Когда должно имъ было разлучиться, то въ первой разъ, познали они, что называется печаль. Разлука ихъ трогала всякаго, да и самъ новый Правитель невзирая на восхищенїе о новомъ своемъ достоинствѣ находился при семъ не нечувствителенъ. Обѣ госпожи притворились буттобы разлука была для нихъ чувствительна. Дѣти другъ друга обнимали, вмѣстѣ плакали и были неутѣшны.

При-

Примѣчено, что при таковыхъ случаяхъ та особа, которая остается на мѣстѣ, бываетъ обыкновенно прискорбнѣе; но здѣсь трудно было сказать, которое изъ обоихъ дѣтей было таковымъ болѣе. Однако они скоро забыли скуку свою; сїе обыкновенно между дѣтьми случается. Болѣе восьми лѣтъ они другъ друга невидали. Сїи друзья хотя и дѣлали нѣсколько разъ расположенїе къ поѣздкѣ для свиданїя, но ни одно изъ нихъ небыло исполнено. Увѣряютъ, что жены ихъ находили всегда какое нибудь препятствїе. Но какъ бы то нибыло, довольно, что господинъ философъ никогда неотлучался изъ Шатодюна, а господинъ правитель всегда жилъ съ супругою своею и съ сыномъ въ своей крѣпости.

Дѣвица Гаспаръ, которой имя было Лизета, сдѣлалась прелестною красавицею. Всѣ дивились, что величайшая стройность чертъ лица ея, каковую едва

ли-

ли кто когда видѣлъ, соединялась съ отличными прїятностями прочихъ ея членовъ. Иногда бываетъ, что съ совершенствомъ, естьли такъ сказать можно, соединена нѣкоторая излишность во вкусѣ, отъ которой Лизета со всѣмъ была освобождена. Она имѣла благородную и добродѣтели исполненную душу, здравый и справедливый природный разумъ; она была задумчива отъ чрезмѣрной чувствительности; бодрость же ея была столь-же спокойна, сколько исполнена невинности.

Несмотря однакожъ на всѣ сїи преимущества, трудно бы было Лизетѣ имѣть выгодный бракъ, естьлибъ не была она богата, ибо ожидала отъ родителей своихъ хорошаго приданаго, и хотя мать ея, особливо на игру и уборы дѣлала великїе расходы, однакожъ философъ щитался подлинно богатымъ человѣкомъ.

Спер-

Сперва имѣлъ онъ великое желаніе выдать дачь свою за сына друга своего, но госпожа Гаспаръ была совсѣмъ другихъ мыслей. Таковый союзъ былъ дочери ея не достоинъ, да и ненависть ея къ супругѣ господина правителя въ состояніи была бы отвратить ее отъ таковаго предпріятія. Послѣ многотрудныхъ вывѣдываній лестнѣйшей, слѣдовательно и пристойнѣйшей для нее свадьбы, думала наконецъ сія добрая госпожа, что нашла таковую въ сынѣ Баронессы фонъ Оранксъ, которая въ нѣскольких верстахъ отъ Шатодюна жила въ одномъ старомъ своемъ замкѣ.

Когда нѣкоторыя нужныя дѣла принудили госпожу сію быть въ семъ городѣ болѣе шести месяцовъ, то узнала Г. Гаспаръ, что Баронесса имѣла одного только сына, который находился тогда въ Парижѣ. Въ слѣдствіе сего всячески спа-

старалась она сыскать дружбу Баронессы.

Когдаже таковый восторгъ ослѣплялъ госпожу Гаспаръ, то философъ разсматривая дѣла, съ холодностїю распорядилъ тайныя провѣдыванїя, и открылъ, что госпожа фонъ Оранкъ не въ такихъ выгодныхъ обстоятельствахъ находилась, какъ объ ней думала его супруга. Но сїя успокоила его опять вскорѣ. Она отъ Баронессы узнала, что изъ поселившагося за двѣсти лѣтъ въ Графствѣ Фоа семейства, остался только одинъ фонъ Оранкъ восмидесятилѣтнїй старикъ, который прежде жилъ съ умершимъ господиномъ Барономъ фонъ Оранкъ въ смертной враждѣ, но котораго всѣ отчины за неимѣнїемъ наслѣдника достались въ наслѣдство сему Барону и его сыну; и такимъ образомъ философъ разсмотря сїи преимущества, не опровергалъ болѣе свадьбы, которой его супруга

и

и Баронесса съ равною ревностїю желали. Молодой Баронъ фонъ Оранкъ вскорѣ по томъ явился въ Шатодюнѣ. Онъ отъ роду имѣлъ уже покрайней мѣрѣ двадцать восемь лѣтъ, но казался гораздо старѣе. Довольно изрядный ростъ, продолговатое и сухощавое лице, орлиной носъ, большїе зеленоватые глаза, сколько смутнымъ столько и важнымъ кажущїйся его видъ.

Лизета не находя его достойнымъ любви, нечувствовала однакожъ и никакого къ нему отвращенїя. Она столь много терпѣла отъ жестокаго нрава своей матери, что не могла казаться неблагосклонною даже и къ такому супружеству; притомъ же слышала она столь частыя повторенїя, что господинъ Баронъ разумнѣйшїй въ свѣтѣ человѣкъ, такъ, что ей на мысль неприходило сомнѣваться о томъ.

Го-

Господинъ Гаспаръ имѣлъ изрядный загородный домъ, въ которомъ положено быть свадьбѣ. За восемь дней еще до оной, поѣхали туды и радость оживотворяла всѣхъ гостей, выключая Г. Барона, который ровно четыре часа пробылъ въ своей комнатѣ. Мать его поставляла причиною отсутствія страсть къ геометріи, сказывая, что со временемъ увидятъ въ немъ знатнѣйшаго землемѣра во всемъ Государствѣ, естьлибъ только привязанность его къ музыкѣ, въ коей онъ равныя преимущества имѣетъ, недѣлала въ склонности его уменьшенія охоты къ первой.

Между тѣмъ молодой Гаспаръ сынъ правителя находился въ Парижѣ и жилъ тамъ довольно весело. Супруга господина философа отважилась сдѣлать ему учтивость, немогущую имѣть по себѣ никакихъ слѣдствій, приглашеніемъ его на свадьбу; притомъ она тѣмъ меньше надѣ-

 ялась

ялась подвергнуться какой либо опасности, что имѣя достовѣрныя извѣстія, что тотъ молодой человѣкъ неполучилъ еще отъ родителей своихъ повелѣнія пріѣжжать домой, однакожъ ошиблась въ своемъ мнѣніи. Г. правитель и супруга его весьма досадовали, что отъ нихъ скрывали сію свадьбу. Супруга Г. философа просила сего молодаго человѣка въ довольно холодныхъ выраженіяхъ присутствовать на семъ свадебномъ торжествѣ; но онъ имѣя къ тому великую охоту и притомъ думая, что нечаянное приглашеніе будетъ служить ему у родителей его къ извиненію, взялъ перемѣнныхъ лошадей и прибылъ прямо въ домъ Г. философа, въ ту самую минуту когда его совсѣмъ неожидали. Радость служителей изъ которыхъ большая часть знали его еще въ малолѣтствѣ, возвѣстила тотчасъ о его прибытіи; добросердечный же взглядъ изъ глазъ его сіяющій, равно

какъ и плѣняющая осанка, заставила ихъ сожалѣть, что небудетъ онъ обладать Лизетою, слѣдовательно не будетъ и ихъ господиномъ. Госпожа Гаспаръ сперва не узнала его, но философъ былъ первый, который вскричалъ: Ахъ! небо! это сынъ моего друга! Лизета отъ удивленія была неподвижна. Молодой Гаспаръ обнималъ какъ господина такъ и госпожу со слезами, и приближился къ Лизетѣ; но будучи красотою ея восхищенъ, все что ни говорилъ, неимѣло ни какой связи; смятеніе его было столь велико, что онъ едва отважился обнять ее. Но посредствомъ многоразличныхъ вопросовъ госпожи Гаспаръ и Баронессы о Парижскихъ новостяхъ, вновь изданныхъ Анекдотахъ, прогулкахъ, игрыщахъ и новѣйшихъ модахъ, онъ опять оправился. Молодой Гаспаръ изъяснялся съ природною ему скоростію и краснорѣчіемъ. Но какъ предметы дѣлали въ немъ живое впечат-

лѣніе, то изображалъ онъ и оныя такимъ же образомъ. Всегда другими особами, а не самимъ собою будучи занятъ, старался только понравиться, потому, что и ему нравились; будучи вѣжливъ въ своихъ поступкахъ, въ движеніяхъ и въ выраженіи своихъ мыслей, имѣлъ онъ притомъ столь рѣдкій и любви достойный родъ легкомыслія, съ коимъ не соединена ни нескладность, ни буйство, которое нечто иное есть, какъ пламень разума и возраста, дѣйствіе непритворнаго и непринужденнаго свойства, чувствительнаго сердца и истинной вѣжливости. Наружный его видъ былъ столькоже плѣнителенъ, какъ и его обхожденіе; онъ имѣлъ веселое лице, на которомъ игралъ природный румянецъ, всю блистательность юности, и пріятный ростъ, хотя и небылъ такъ высокъ какъ Баронъ.

Такимъ образомъ разговаривая съ нимъ одну минуту о вещи о которой неодинаково думали; сказалъ онъ: Вотъ моя порука, вынимая между тѣмъ изъ кармана книгу подъ заглавіемъ французскій Меркурій (Mercur de France) послѣдняго мѣсяца, въ которомъ нашелъ истинну того что доказывалъ. Тудъ то вспомнилъ онъ, что Лизета въ дѣтскихъ своихъ лѣтахъ была охотница къ загадкамъ. Онъ просилъ ее оное прочитать что въ томъ же Меркуріи изображено было. Г. Баронъ опровергалъ оное не только съ презрѣніемъ, но и вообще говорилъ о семъ періодическомъ сочиненіи весьма поносно.— Извините, господинъ Баронъ, сказалъ молодой человѣкъ съ пріятною вѣжливостію; я хочу Меркурія, коего съ удовольствіемъ читаю, и изъ котораго почерпаю наставленіе, противъ васъ защищать. Я не знаю ни одного журнала,

который бы былъ забавнѣе и многообразнѣе перемѣнчивъ; онъ нуженъ въ провинціяхъ, въ парижѣ полезенъ и вездѣ пріятенъ; между учеными утверждаетъ переписку приносящую имъ великую помощь. Мы узнаемъ изъ онаго какія производятся игрища, такъ камъ и разныя новыя сочиненія; похвала его исполнена разсужденій а критика учтива; всякой кто на него жалуется, имѣетъ часто къ тому тайныя причины, кои сочинитель сего журнала, естьли бы былъ мстителенъ, то могъ бы открыть все ко врему таковыхъ хулителей.

На сіе маленькое нападеніе Баронъ отвѣчалъ одною только насмѣшливою улыбкою, съ видомъ, которой долженъ былъ означать его преимущество. Это молодому человѣку непонравилось; взглянувъ однакожъ съ пріятностію на Софію утѣшился и чрезъ то Гжѣ. Гаспаръ равнымъ

нымъ образомъ непонравился; она уже и на то досадовала, что онъ критику Г. Барона столь мало уважилъ.

Между тѣмъ молодой Гаспаръ перекладывалъ листы въ своемъ меркурїи, и какъ только взглянулъ онъ на статью о наукахъ, то сказалъ нѣсколько бодрымъ голосомъ: Господинъ Баронъ! вотъ здѣсь есть нѣчто основательное; здѣсь найдете вы случай примириться опять съ бѣднымъ сочиненїемъ. Это ни что иное какъ одна Алгебрагическая проблема.—Алгебраическая? Вскричала Баронесса. Алгебра въ Меркурїи? Это самое таковское для моего сына.—А! это Господинъ Алгебраистъ? перервалъ ея рѣчь молодой Гаспаръ, я этого неожидалъ.

Не знаю ошибсяли и я, сказалъ Баронъ, однакожъ я равнымъ образомъ не ожидалъ, что бы и вы таковъ были. Такъ по этому сказалъ Гаспаръ, вы не

совсѣмъ отгадали, ибо я покрайней мѣрѣ имѣю въ томъ малое знанїе. — Вы? сказала госпожа Гаспаръ, смѣясь во все горло, право, васъ и по виду очень признать можно. — Я думаю, что здѣсь никто неоспоритъ Г. философа въ знанїи сея науки, сказалъ молодой Гаспаръ съ шутливымъ видомъ. Я для того и принимаю его судїею нынѣшняго вызову моего съ господиномъ Барономъ; прикажите только подать обоимъ намъ бумаги, мы тотчасъ начнемъ стараться чтобъ рѣшить помянутую проблему въ присутствїи сихъ Дамъ. Лизета долгое время ничего неговоря, вступила также въ слово и предложила чтобъ списать проблему. Принесли два столика и поставили по угламъ. Лизета отлучившись на минуту, явилась тотчасъ съ книгою и съ своимъ спискомъ. Оба закладчики подошли; Баронъ съ равнодушнымъ видомъ, а молодой Гаспаръ дрожащими стопами потупивъ глаза, и

имѣя

имѣя въ рукахъ только книгу а не списокъ Лизетинъ, которая съ того времени пространное уже мѣсто въ сердцѣ его занимала.

Лизета нѣсколько задумалась. Сія неизвѣстность подала новую цѣну выбору, котобый она должна была дѣлать; Она предложила Барону книгу весьма учтиво и оставила списокъ свой Гаспару, ничего несказавъ и почти невзглянувъ на него. Онъ неотважился ей благодарить и не могъ скрыть однакожъ своей радости. Онъ *тотчасъ* сѣлъ за своимъ столикомъ, а Баронъ за своимъ съ великою важностію. Баронъ вдругъ началъ жаловаться на то, что небыло довольно тихо; мать его просила, чтобъ ни кто неговорилъ ни слова и старалась первая подать къ кому примѣръ. Тутъ досадовалъ на перья, пробуя оныя съ негодованіемъ и требуя другихъ; читалъ проблему и прочитывалъ оную нѣсколько разъ; казался

 нѣч-

нѣчто пишущимъ облокотясь рукою на столъ; показывалъ бутто бы находился въ глубокомъ размышленіи; то вдругъ началъ проклинать погрѣшности въ печати, кои пораскамъ его были причиною что нельзя рѣшить проблемы.

Такъ я нестолько нещастливъ, сказалъ Гаспаръ громкихъ голосомъ, разсмѣявшись; Видно Лизета разумѣетъ алгебру основательно; ибо списокъ ея столько вѣренъ, что проблема у меня рѣшена. Баронъ будучи пристыженъ, приписывалъ причину растроеннымъ своимъ мыслямъ. Но молодой Гаспаръ пользуясь своею побѣдою, со скромностію подалъ своего Меркурія Баронессѣ, которая увидя Арію на нотѣ положенную, подала книгу своему сыну, который какъ она говорила имѣетъ удивительный голосъ; она надѣялась при томъ, что музыка утѣшитъ его въ маленькой отъ Алгебры произшедшей досадѣ. Но Баронъ и въ семъ небылъ щастливѣе; онъ нашелъ Арію худую и

смыслъ

смыслъ смѣшнымъ; онъ бросилъ съ презрѣнiемъ книгу на столъ. Молодой Гаспаръ разумѣя музыку и не думая о себѣ много, взявши книгу, пропѣлъ арiю съ вольнымъ и прiятнымъ голосомъ. Не взирая однакожъ на все оное, что никому столько непонравился какъ Лизетѣ. Послѣ зашла рѣчь о стихахъ. Правда, что стихи въ Меркурiи нѣсколько охуждаютъ, то и я не хочу утверждать что въ томъ ошибаются; желанiе, чтобъ услужить обществу, издавая болѣе дватцати разъ въ годъ сiе сочиненiе и притомъ помѣщая всегда новыя дополненiя, что принуждены бываютъ издатели сего журнала быть нестолько строгими въ избиранiи Пiэсъ. Вотъ на примѣръ одна, которую чаятельно найдете вы слабою.

Онъ читалъ описанiе одной славной актрисы тогдашняго времени, коей скорое уволненiе отъ сей ея должности, всѣхъ любителей Театра приводило въ великое сожалѣнiе.—Какъ? По этому сiи

сти.

стихи вамъ не нравятся? Сказала Лизета, можетъ быть и я ошибаюсь, однакожъ я нахожу ихъ преизрядными. — Вы находите ихъ преизрядными перервалъ ея рѣчь Гаспаръ; теперь то я щастливъ. Между тѣмъ онъ примѣтя, что ревность сїю могли бы почесть за сумозбродную началъ спокойнѣе продолжать рѣчь свою. Понеже радость моя мнѣ измѣнила, сказалъ онъ, то должно мнѣ признаться, что стихи сїи моего сочиненїя. Итакъ не по пустому иногда дѣлаются актерами, и вы сами видите, что я не очень привыкъ къ похвалѣ. Лизета, которой лице отъ сея минуты сдѣлалось живѣе, пришла въ уньнїе и задумчивость. Молодой Гаспаръ не могъ отгадать, что находится въ душѣ ея; однакожъ не замедлилъ сказать, что онъ никогда не имѣлъ случая говорить съ оною актрисою, но дарованїямъ ея безпристрастно удивлялся.

Ба-

Баронесса соскучивъ слушать о стихотвореніи, припомнила Г. Гаспаръ, что по прибытіи сего моладаго человѣка, забыли привести въ порядокъ важную статью супружественнаго договора ея дочери съ Барономъ. Молодой Гаспаръ подумавъ, что присутствіе его будетъ для нихъ несносно, вышелъ съ окаменѣлымъ сердцемъ и приказалъ отвести себя въ определенную для него комнату, взявъ съ собою Меркурія оказавшаго ему до сего времени столь хорошія услуги. Но сколь поражено было цѣлое собраніе, увидя его чрезъ минуту исполненнаго ревности, опять въ залу идущаго!—Неговорилиль вы мнѣ сказалъ онъ Г. Гаспаръ, съ запальчивостію, что старый Графъ фонъ Оранкъ не имѣлъ ни какихъ дѣтей?—Конечно такъ, отвѣчала она. мнѣ объ этомъ говорила Баронесса.—Хорошо продолжалъ молодой Гаспаръ, взгляните только на сію статью въ Меркуріи; вы

увидите свадьбу его сына. — Его сына! вскрычала Баронесса въ изумелении. — Къ ихъ нещастію сіе было очень справедливо. Прежняя вражда и смерть обоихъ сыновей Графа фонъ Оранкъ, которые на сраженіи убиты были, и то и другое было вѣроятно; но Баронесса или сего незнала, или притворилась незнающею, что старикъ, желая имѣть наслѣдниковъ, опять женился и отъ сего втораго брака былъ сынъ, котораго свадьба описана была въ Меркуріи. Госпожа Гаспаръ раздражена будучи тѣмъ, что обманута, нехотѣла болѣе ничего слушать. Простая Баронесса и принужденный Баронъ, простились въ тотъ же вечеръ. Щастливый Гаспаръ женился на любезнѣйшей Лизетѣ. Одна минута сдѣлала его влюбленнымъ, однакожъ увѣряютъ, что онъ во всю свою жизнь былъ таковымъ. Утверждаютъ также, въ той странѣ и по сіе время, что онъ сколь часто-

сто ни вспоминалъ о своемъ нечаянномъ великомъ щастіи, съ благороднѣйшимъ видомъ говорилъ: да воспріимутъ благодарность мою издатели журналовъ!

V

Дѣйствіе воображенія.

Въ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, важныхъ и не очень извѣстныхъ собраній, гдѣ бесѣдуютъ еще безъ пособія игры; гдѣ съ тою сладкою вольностію, которою восхищаются благородныя души, вкореняютъ разговоры; гдѣ осуждаютъ принужденныя школьныя выраженія, равно какъ и гадкія ругательства остроты; гдѣ стараются ни съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ понравиться, и неоказываютъ, никакой другой ревности, какъ научаться; гдѣ дѣлаютъ не съ пустымъ легкомысліемъ особливыя задачи, могущія подать случаи къ открытію новыхъ

ис-

истинѣ, начали разсуждать о матеріи дѣйствительно существующихъ предмѣтовъ, и тѣхъ какія отъ воображенія происходятъ. хотѣли различіе и подобіе ихъ одно съ другимъ опредѣлить; найти существованіе оныхъ въ грѣзущемъ и бодрствующемъ человѣкѣ, въ жадномъ наблюдателѣ и въ хладнокровномъ примѣчателѣ. Нѣкто изъ сихъ собравшихся утверждалъ, что сильно напряженное воображеженіе съ такоюже важностію доказываетъ дѣйствительность существа, какъ и порядочныя мысли произзодить могутъ; въ семъ его сомнѣніи противорѣчили; онъ пришелъ въ запальчивость, и обѣ стороны находились еще при третьемъ словопрѣніи, какъ одинъ Офицеръ сказалъ: я думаю, что дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ изъяснить лучшее одно мнѣніе, нежели сто представленій; и естьли потребуете, то раскажу вамъ одну повѣсть которая можетъ быть нѣсколько изъ-

яс-

яснитъ вопросъ спорами затмѣнный. Онъ прибавилъ еще къ тому, что приключенїе сїе случилось съ однимъ Капитаномъ тогожъ самаго полку, въ которомъ и онъ служилъ и что онъ самъ былъ тому свидѣтелемъ, и всѣ товарищи въ томъ ихъ могутъ увѣрить. Итакъ всѣ согласились его слушать. Онъ обѣщалъ ни мало не отступать въ расказыванїи отъ истинной справедливости, выключая перемѣны имени коего не нужно было знать. Онъ просилъ извиненїя за маленькїя околичности, кои надобно было ему слишкомъ повторять, нежели чтобъ оныя выбросить, и за тѣ примѣчанїя, отъ коихъ немогъ онъ воздержаться, съ тѣмъ предметомъ соединить, коему онъ сильно усердствовалъ. Потомъ началъ онъ расказыватъ повѣсть такими словами:

Послѣ сильнаго сраженїя, которое имѣли мы въ Италїи во время послѣдней войны, привезли раненыхъ офицеровъ въ

Майландъ. Г. фонъ Шмитбергъ находился въ числѣ оныхъ; его отвезли въ госпиталь. Раны его подавали малую надежду къ сохраненію его жизни; онъ вскорѣ потомъ началъ бороться съ смертію; однако сильное пособіе отъ лѣкарствъ, а болѣе всего крѣпкое сложеніе его избавили. Лишъ только онъ нѣсколько оправился, бывъ болѣе мѣсяца частію лишенъ разума; частію же находясь въ смертоподобномъ снѣ и ничего о себѣ незная, началъ дѣлать вопросы за вопросами о мѣстѣ, гдѣ онъ находился, о состояніи, въ какомъ онъ тогда былъ, и о всѣхъ тѣхъ предмѣтахъ, кои для такого человѣка, такъ важны, который, такъ сказать въ существованіе свое въ вновь вступаетъ, который равнымъ образомъ новыя мысленныя чувства принимаетъ, и удовольствіе бытія вкушаетъ, о чѣмъ тѣ только имѣть могутъ понятіе, которые щастливо избавились отъ опасныхъ

ныхъ болѣзней. Женщина, которую онъ спрашивалъ, отвѣчала ему столь скромно, какъ будто бы она неболѣе прочихъ вспомоществовала къ его выздоровленїю. Она старалась объ немъ столь тщательно, что не отходила отъ него ни на минуту. Онъ хотѣлъ видѣть ту, которая на чинимые имъ столь любопытно подробные вопросы, отвѣтствовала съ столь великою прїятностїю. Онъ открылъ половину своей занависи; Но въ какое пришелъ онъ изумленїе, увидѣвъ у постели своей прелестную особу, которая не болѣе восемнатцати лѣтъ быть казалась! разсматривая ее прилѣжно со всякимъ вниманїемъ, каковое она въ немъ возбудила, примѣтилъ онъ глаза, въ коихъ сїяло благодѣянїе и чистосердечїе; онъ видѣлъ нѣжный, ласкавый и робкїй взглядъ, онъ видѣлъ одну изъ тѣхъ нѣжныхъ, просвѣщенныхъ и меланхолическихъ физїогномїй, кои превосходнѣе самой красоты, и

сильнѣе пленяютъ, нежели самая красота; онъ удивлялся легкому и непринужденному стану, благородной осанкѣ, и прелестямъ, кои тѣмъ прiятнѣе казались, что искуство неимѣло въ оныхъ никакого участiя, кои дѣлали сильнѣйшее еще впечатлѣнiе, что надобно было искать ихъ подъ одеждою, которая кажется для того сдѣлана, чтобъ онымъ вредить, и которая возбуждаетъ желанiя показывая недостатки. Шмитбергъ изумленный, сыскавъ таковыя прелести въ прибѣжищѣ, гдѣ онымъ совсѣмъ быть ненадѣялся; онъ удивился еще болѣе, когда узналъ, что Аделгейдъ [такъ называлась сiя дѣвица] во все время его болѣзни одна только его надзирала; она денно и нощно ему служила; такъ, что иногда недосыпала, а иногда и совсѣмъ неспала, и при томъ ни когда неоткладывала попеченiя, которое она непрестанно съ удивительною терпѣливостiю, скромностiю

и

и рѣшительностію ему оказывала, а еще менѣе того упускала, словомъ сказать, онъ обязанъ ей былъ жизнію, получа съ жизнію одно изъ тѣхъ горячихъ сложеній тѣла, кои дѣлаютъ людей любви достоиными, и столь нещастными; кои столь многообразно умножаютъ печаль, поелику умножаютъ окружность страстей; кои непозволяютъ взырать на благодарность, какъ на единственную преданность; кои претворяютъ любовь въ бѣшенство и всѣ чувствія въ страсти, предалъ себя Шмитбергъ излишеству своей чувствительности; онъ думалъ, что никогда небудетъ въ состояніи довольно оказать благодарности той, которая подала ему къ тому столь сильныя побудительныя причины. Онъ неосмѣлился болѣе принимать услугъ, со всегдашнимъ усердіемъ ему предлагаемыхъ; онъ хотѣлъ уже начать одну часть неизвѣстныхъ своихъ долговъ платить и не могъ

уже позволить, чтоб она над нимъ надсматривала болѣе. Какъ только наступила ночь, то просилъ онъ ее усильно чтобъ пошла успокоилась; съ симъ только однимъ условіемъ и онъ можетъ успокоиться. Однакожъ небыло уже для него болѣе покоя. Страсть усилившаяся въ немъ слишкомъ много, овладѣла его сердцемъ. Почтеніе, которымъ онъ долженъ былъ достоинству Аделгейды; благоговѣніе, которое заслуживали ея благодѣянія; застѣнчивость, которую влїяла невинность въ ея нравы, сдѣлала ему молчаніе закономъ, котораго онъ никогда лучше непрезиралъ, какъ когда думалъ, меньше противъ онаго погрѣшить. Пламя, тѣмъ быстрѣе и сильнѣе возгаралось, чѣмъ болѣе онъ старался оное утушить. Онъ не прежде узналъ дѣйствіе сїе, какъ чрезъ нечаянную застѣнчивость Аделгеиды. Опасаясь же все потерять, отважился онъ на все; онъ положилъ, никогда недѣлать при-

признанія, столь часто имъ предпринимаемаго; онъ ожидалъ отговорки, которую получа, сдѣлался неутѣшнымъ. Всѣ увѣщанія, дѣлаемыя ему, къ преодолѣнію любви, умножали только оную; всякое утѣшеніе, ему представляемое, приводило его въ отчаяніе. Всѣ предлагаемыя безопасности, казались ему быть одними мученіями. Угнѣтенная его любезная, хотѣла удалиться, и намѣрена уже была опредѣлить одну свою подругу на свое мѣсто; но одна рана у Шмитберга открылась и Аделгейдъ принуждена была опять при немъ остаться. Въ сіе самое время пришелъ нашъ полкъ въ Мейландъ, для расположенія на зимныя квартиры. Я ходилъ ежедневно къ моему пріятелю для препровожденія времени ; я нашелъ Аделгеиду при немъ , и былъ свидѣтелемъ ея старанія. Иногда перевязывала она ему рану при мнѣ и я видѣлъ нѣсколько слезъ на оную текущихъ, кои тщетно она старалась удерживать и

скрывать. Шмитбергъ не говорилъ съ нею, но взирая на нее пылающими и любви исполненными глазами, испускалъ одни тяжкїе вздохи. Столь сильное краснорѣчїе, столь ужасное положенїе, столь много страха, истинны, *терпѣнїя* и опасности лишить жизни того, о *которомъ* такъ много уже старалась. Важность, сей знакъ истинной любви, тотъ вопль души, который оную доказываетъ, то увѣренїе, которое оную сопровождаетъ, все соединилось противъ Аделгеиды; все вмѣстѣ совокупилось, дабы воспалить жаръ снѣдающїй чувствительное ея сердце; съ ужасомъ примѣтила она сїе; однакожъ небоялась того, чтобъ показать оное явно тому, который оное возбудилъ. Зная, что онъ великодушно разсуждалъ, думала она, что добродѣтель его никогда небудетъ болѣе подвержена опасности, какъ когдабъ взяла она въ томъ его порукою; итакъ отважилась она поручить ему сїю

свя-

священную тайну, которая и принята была съ благоговѣнїемъ. Въ тѣ самыя бурныя минуты, когда насильный жаръ разума усиливается, преодолѣваетъ, и все приводитъ въ забвенїе, напомнила она Шмитбергу о чести; нѣсколько нѣжныхъ словъ тоя, которую онъ горячо любилъ Успокоили его ревность неуменьшая страсти.

,,Какъ? сказала она ему, должно ли нещастїе мое быть награжденїемъ моей чувствительности? Вы хотите лишить чести тое, которую любите; онъ палъ предъ нею на колени, увѣряя ее въ своемъ раскаянїи и возобновляя клятвы и свою благодарность, узналъ, что отговорки невинности, кои въ самую ту минуту, когда ихъ сносить должно, столь чувствительны, для честнаго человѣка, почитающаго и уважающаго предмѣтъ своей любви, коея цѣну до-

вольно чувствуетъ, и желаетъ продолженія оной.

Старанія его дѣлались ему еще легче когда онъ помышлялъ, о многообразныхъ трудахъ, которые сія нещастная имѣла, защищаясь противъ власти своего любезнаго, и противъ собственной своей слабости, которая должна была гораздо большую предосторожность имѣть отъ себя самой, нежели отъ него, и котораа не могла иначе получить трудной, тайной и несносной побѣды, какъ сильнымъ преодолѣніемъ, котораго всегда вновь требовалось и для котораго опять новая печаль происходила; будучи подкрѣплена, истиннымъ благочиніемъ, воспоминаніемъ своего обѣщанія, и до сели не порочно провожденнымъ житіемъ, побѣдила она какъ нѣжность ею раздѣляемую, такъ и довѣренность, чтобъ сдѣлать нещастнымъ того, за котораго бы она жизнію своею пожертвовала; но за ея побѣдою по-

послѣдовала та сухая печаль, которая не имѣетъ никакихъ слезъ, которая налагаетъ несносное бремя, которая обезпокоиваетъ, не дѣлая никакого облегченія, которая воздыхаетъ безъ надежды; она не могла воздержаться представляя съ содроганіемъ, что скорая разлука, вскорѣ окончитъ сіе ея сраженіе чувствъ. Любовь питавшая ее противъ ея воли, была столь чиста, что она всѣмъ жертвовала; она почитала ее преступленіемъ, и, когда исполняла она свои благороднѣйшія и полэнѣйшія дѣла, кои вмѣстѣ печальнѣйшія и ужаснѣйшія между всѣми тѣми какія, налагаютъ на себя добродѣтельныя особы, и кои избрать могло одно благотворное человѣколюбіе; иногда страхъ всегда въ глазахъ ея мечтающійся представлялъ ей образъ смерти, наполнилъ ея мысли холодныъ содроганіемъ, и оставилъ сію смирную и нѣжную душу умерщвляющему дѣйствію упрекающей совѣсти.

Аделгеида немогла перенести напастей, кои ежедневно усиливались; столь жестокое безпокойствїе, слезы, любовь, страхъ, раскаянїе, одна за другою последующїя ночи, кои проводила она у своего любезнаго, привели слабое сложенїе ея тела въ совершенную растройку. - Кровь ея разгорячилась, лихорадка удвоила свои жестокости; болезнь ея объявили тотчасъ смертельною, которая чрезъ восемь дней повергла ея во гробъ. Любовникъ ея скрывавши отъ всехъ свою къ ней любовь, не могъ уже более утаить что онъ все потерялъ, лишившись ее; отчаянїе его оказалось самимъ печальнейшимъ образомъ; первый припадокъ былъ ужасенъ, лишь только начали действїя онаго унимать; какъ заменила место онаго мрачная и холодная печаль; сїя показывала опасность, что онъ вскоре последуетъ за тою которая взяла жизнь его съ собою.

Не

Не могли его принудить принять нѣсколько пищы; онъ немогъ уже болѣе спать. Состоянїе его насъ тронуло; мы неупускали ничего, къ извлеченїю его изъ онаго; однако старанїя наши о уменьшенїи его вреда казались только еще оной умножающими; и раченїе наше, чувствительность его потери огорчающимъ.

Будучи изумлены безполезнымъ произшествїемъ старанїй нашихъ, подвели мы въ одномъ изъ разговоровъ нашихъ такую живость, побужденїе которыя могло быть ему противно; мы дали ему нѣжныя упреканїя въ слабой его дружбѣ; усильно просили его неоставить безъ вниманїя неотступныхъ нашихъ прошенїй, слезы покатились изъ глазъ нашихъ:— Онъ вдругъ перервавъ рѣчи наши говорилъ слѣдующимъ образомъ.

„Друзьа мои! Всѣ ваши старанїя „тщетны; ктобы таковъ ни былъ, не въ „состоянїи будетъ уменьшить моей печали.

,,ли; она кончится вмѣстѣ съ моею жизнїю.
,,Кто можетъ утѣшить человѣка, въ
,,потерѣ той, которую горячо любилъ?
,,Отсутствїе?— И сїе средство не прине-
,,сетъ для меня ни какой помощи,,.

На семъ онъ прїостановился; съ молчанїемъ ожидали мы поясненїя сихъ невнятныхъ словъ; вдругъ показался жаръ въ его лицѣ; онъ поднялся и вскричалъ: ,,О! друзья мои! Аделгеи-
,,да умерла! но всегда здѣсь пребываетъ. Она здѣсь! прибавилъ онъ устремя глаза свои на одни крѣсла, и протягивая къ онымъ руки; ,,да, она здѣсь! Я ее вижу
,,такъ какъ васъ: она пристально на ме.
,,ня смотритъ! Она слышитъ меня! Она
,,открываетъ уста, чтобъ отвѣчать мнѣ;
,,но неможетъ произнести ни одного слова!
,,Ни какого подать голоса! Она послѣ-
,,дуетъ мнѣ и никогда не исчезнетъ!,,

Онъ

Онъ умолкъ, и мы перестали предлагать ему утѣшеніе, которое можетъ быть способствовалобы болѣе къ его огорченію, нежели къ исцѣленію, которое однакожъ заподлинно ни какой пользы принесть не могло въ печали, которая вышедши изъ общаго порядка, только чрезвычайнымъ средствамъ уступать могла. Нечаянный случай подалъ намъ надежду спасти нашего пріятела, и привести его въ самаго себя. Нѣкто давалъ, въ то самое время открытое празденство. Всѣ женщины, которыя дѣлаютъ такое празденство пріятнымъ и веселымъ, тутъ находились. Я расматривалъ ихъ прилѣжно; идучи черезъ залъ въ которомъ открытъ былъ балъ, вдругъ примѣтилъ одну изъ оныхъ, коея сходство съ Аделгеидою, привело меня въ ужасъ. Тотчасъ пошелъ я къ одному Офицеру моего полку; спросилъ его, хочетъ ли онъ чтобъ я ему показалъ портретъ Шмитберговой любовни-

ни-

ницы, которой вѣрнѣе и точно подлиннѣе того, коимъ сей нещастный мучится? Сперва нехотѣлъ онъ мнѣ вѣрить; но вскорѣ изумленіе его было столькоже велико, какъ и мое. Мы стали напротивъ оной женщины, расматривали ея черты; первый взглядъ былъ подтвержденъ, и вдругъ рѣшились мы, пользуясь *столь* чуднымъ приключенїемъ окончить мученія нашего друга. Будучи увѣрены, что последующее его страшилище, неустоитъ противъ дѣйствительнаго предмета, который мы хотѣли ему представить, и что мечтаніе его усмотритъ ложный обманъ, какъ только тронуты будутъ его мысли; приняли мы намѣреніе, представить ему подъ Аделгеидинымъ платьемъ ту, которая на нее была похожа. Итакъ переговоривъ съ оною женщиною оплатѣ которое она должна была взять, о мѣстѣ куды ей итти, о знакѣ, по кото-

торому она должна была показаться, о походѣ, о выступкѣ, словомъ, обо всемъ, что принадлежало къ роли, кою она должна играть; пошли мы къ Шмитбергу требовать отъ него послѣдняго доказательства его къ намъ дружбы.

Мы ѣдемъ, сказали ему обнимая его и можетъ быть болѣе другъ друга не увидимъ.,, Примѣтя его тронутымъ, испытывали его болѣе; мы объявили ему, что требуемый нами опытъ состоитъ въ томъ, чтобъ ему сего вечера съ нами отужинать. Онъ не отважился намъ въ этомъ отказать; Онъ пришелъ и мы сѣли за столъ. Онъ не говорилъ ни слова, и столъ уже оканчивался, какъ мы, дабы нужное къ толикой перемѣнѣ движенїе, привести до высочайшей степени, начали говорить съ нимъ о томъ жалостномъ днѣ, въ который смотрѣлъ онъ на умирающую свою любовницу. Онъ началъ безпокоиться, воздыхалъ, и устре-

мивъ глаза свои, смотрѣлъ неотвѣчая намъ, на нѣсколько темное противъ него мѣсто, поднялъ руки, дабы соединиться съ предметомъ, который представляло ему ослѣпляющее мечтаніе дѣйствительнымъ. Тотчасъ подали мы знакъ; ложная Аделгеида вошла въ комнату; онъ увидѣлъ ее; упалъ на спину и вскричалъ. „Спасите меня! Я пропалъ! Я видѣлъ „прежде одну Аделгеиду а теперь ихъ „двѣ.„ Мы хотѣли въ ошибкѣ его увѣрить; женщина приближалась, трогала его, онъ трепеталъ, упалъ въ обморокъ, и такъ скончался.

VI

НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО ОТЧАЕВАТЬСЯ.

По одержаніи славной побѣды, посѣтилъ одинъ славный государь, достойный сего имени, мѣсто сраженія и приказалъ

по-

подать помощь раненымъ дыханіе еще имѣющимъ; вдругъ одинъ человѣкъ въ простомъ солдатскомъ платьѣ, падши предъ нимъ на колѣни вскричалъ: Великій Государь; прикажите выговорить нѣсколько словъ нещастному, котораго приводитъ къ сей смѣлости отчаяніе и принуждаетъ просить вашего правосудія.

Караульные и приближенные къ Государю, уже готовы были отвести просящаго въ сторону; но монархъ, которому приключеніе сіе показалось не только страннымъ но и удивительнымъ, увидя въ семъ человѣкѣ благородное расположеніе лица, приказалъ ему встать, и откровенно объявить въ чемъ состоятъ его жалобы.

Государь! сказалъ странникъ, (съ видомъ показывающимъ, что состояніе его гораздо превышаетъ наружность его вида), жалобы мои такого свойства, что въ короткихъ словахъ, какъ мнѣ кажет-

ся - - - - а особливо въ присутствіи многихъ открыты быть не могутъ.

Отведите его въ мою палатку, сказалъ монархъ, я по возвращеніи моемъ его выслушаю.

Говори, сказалъ ему Государь вошедши въ оную; мы теперь одни; не опасайся ничего; когда жалобы твои справедливы и ты мнѣ ихъ можешь доказать.

Сими словами успокоенъ будучи, поклонясь, и собравъ нѣсколько мысли свои, вдругъ какъ бутто овладѣвъ печаліею своею, сказалъ странникъ съ воздыханіемъ: великій Государь! Вы видите нещастнѣшаго изъ смертныхъ у вашихъ ногъ: я таковъ тѣмъ болѣе, что принужденнымъ себя нахожу, оставя знамя моего Государя, итти сюда и просить правосудія у величайшаго непріятеля его. Но время Ваше драгоцѣно; я оставлю мои жалобы.

Хо-

Хотя имя мое можетъ быть со славою въ отечествѣ моемъ извѣстно, однако по видимому слава онаго не довольно громка, чтобъ могла дойти до Вашего Величества. Предки мои оставили мнѣ оное съ честію и я старался оное такимъ же образомъ вести, но славолюбіе правителей распростерло разорительную войну и до моего владѣнія. Долгъ мой былъ оное защищать, и я имѣлъ причину быть должностію моею довольнымъ, но посреди щастливаго успѣха моихъ дѣлъ, вдругъ узналъ я, что щастіе и радости продолжаются только мгновенно, за коими слѣдуютъ продолжительныя печали! — Странникъ на семъ остановился, дабы дать свободное теченіе слезамъ и прерывающимся воздыханіямъ; потомъ продолжалъ слѣдущимъ образомъ:

Когда войска Вашего Величества, около шести мѣсяцовъ тому назадъ ворвались въ мои деревни, то угодно было

нещастному моему жребію, дабы одинъ изъ деташаментовъ Вашихъ занялъ квартиры въ моемъ замкѣ гдѣ все, что я имѣлъ драгоцѣннаго какъ мною нажитое такъ и предковъ моихъ, сдѣлалось въ одно мгновеніе ихъ добычею. Сїе была малѣйшая моя печаль; я участвовалъ во всеобщемъ нещастіи. Ахъ! я имѣю, гораздо достойнѣйшую причину проливать слезы!

Лишь только союзъ супружества исполнилъ желанія мои; красота молодой супруги моей была столь сильна, для развратнѣйшаго изъ солдатъ вашихъ, что могла впечатлѣть къ ней почтеніе. Никто изъ оныхъ недерзнулъ тронуть ее безчинною рукою. Начальникъ ихъ, тотъ который долженъ былъ защищать ея прелести, тотъ одинъ на котораго имѣла она причину жаловаться, не внимая ея воплю, возбужденъ будучи ея прелестями, приказалъ варваръ ее, хо-

тя уже полумертвую, тащить и отвести въ свой лагерь; все что она должна будитъ тамъ претерпѣть не можетъ мнѣ быть ни чѣмъ другимъ, какъ ужаснѣйшимъ представленiемъ.

Въ ту самую минуту, какъ получилъ я сiе извѣстiе, позабылъ я всѣ мои должности; но помнилъ только одну. Я оставилъ службу. Спѣшилъ днемъ и ночью къ моему дому. Освѣдомясь въ ономъ, даже о малѣйшихъ обстоятельствахъ сего ужаснаго приключенiя, не представлялъ себѣ въ мысляхъ, что супруга моя можетъ быть еще жива, никакого предпрiятiя болѣе, какъ сiе, чтобъ опять ее увидѣть и отнять у моего непрiятеля. Въ семъ мундирѣ прошелъ я до Вашего лагеря. Я обманывалъ самихъ Офицеровъ Вашихъ и на конецъ узналъ, что тотъ, коему предоставилъ я отмстить, принужденъ былъ тотчасъ отдать добычу свою Генералу армiи Вашей.

Я увидѣлъ сіяющій лучъ надежды; и хотя надежда, до нее достигнуть, почти уже совершенно ищезла, я однакожъ думалъ, что мужъ сего имени, удостоенный Вашего отличія, долженъ быть добродѣтеленъ. Сего было довольно, дабы успокоить меня столь много, что возвратился я къ тому посту, коего лишили меня любовь и отчаяніе.

Генералъ обошелся со мною благосклонно; я открылъ ему мое нещастіе и ожидалъ съ великою нетерпѣливостію возвращенія трубача, котораго послалъ онъ тотчасъ къ Генералу войскъ Вашего Величества, для истребованія обратно той особы, о которой послалъ онъ ему тогдажъ яснѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе.

Однако чтожъ произошло изъ моей надежды, какъ узналъ я чрезъ отвѣтъ Генерала войскъ Вашихъ, что въ его лагерѣ никакой ненаходилось женщины, сход-

сходство имѣющей съ тою, которую требовалъ Генералъ мой! предавшись слѣпо отчаянію, ни что бы меня неудержало, спѣшить туда и вонзить кинжалъ въ сердце похитителя, хотябы онъ стоялъ предъ фрунтомъ всей арміи, естьлибъ не удержала меня вдругъ отъ того мысль, что Ѳеодора моя былабы подвержена чрезъ то еще большему злодѣйству, а можетъ быть и мщенію воиновъ Вашихъ.

Небо даровало мнѣ безъ сомнѣнія облегченіе; да, чаятельно оно вложило въ меня намѣреніе, чтобъ прибѣгнуть къ правосудію Монарха, который хотя непріятель нашего, неменьше однакожъ останется для того человѣкомъ чувствительнымъ въ нещастіи себѣ подобнаго.

Я опять переодѣлся; ночью до одержанія Вашей побѣды, приняли меня въ арміи Вашей за бѣглеца; я сражался за васъ, не противъ единоземцовъ своихъ (къ тому не могло бы меня ничто на свѣтѣ

побудить,) но противъ нѣкоторыхъ союзниковъ, которые какъ я думаю не совершенно ради тойже пользы, какъ и мы, участвовали въ войнѣ.

Вотъ великїй Государь! бѣдственное мое повѣствованїе! ..... Я вижу, что онымъ тронуты ..... Я ожидаю всего отъ Вашего правосудїя.

Государь выслушавъ повѣствованїе странника, сказалъ ему: встаньте и научитесь изъ сего разсуждать, сколь нещастливы Государи, отъ которыхъ за преступленїя ихъ подданныхъ требуютъ всегда отчоту, какъ будто бы не довольно уже было для нихъ смотрѣть за своими собственными поступками. ---- Я думалъ, что мой Генералъ столькожъ правосуденъ и великодушенъ, сколько храбръ. ----- Однако я не хочу судить его такъ скоропоспѣшно.

Завтре онъ долженъ сюда явиться, сказалъ онъ одному Офицеру, котораго

къ себѣ призвалъ. Естьли останется виноватымъ, то потеряетъ онъ навсегда мою милость; но естьлиже старались его безчестнѣйшимъ образомъ предо мною оклеветать, то весь мой гнѣвъ обратится на зачинщика такого коварства! — Солдаты! держите странника сего подъ карауломъ. Между тѣмъ, пока откроется правда, оказывайте ему всякое уваженіе, которое какъ я надѣяться могу ему принадлежитъ.

Приказанія Королевскія столько рачительно были исполнены, что Генералъ на другой день явился, и Государемъ своимъ, какъ обыкновенно принятъ. По дoff доносеніи ему о состояніи арміи своей, вывели отъ Короля изъ полатки, отъ которой недалеко поставили странника. Монархъ опять началъ говорить Генералу: Вы знаете, что желаніе мое было всегда, дабы подданныхъ тѣхъ Государей, съ которыми я принужденъ имѣть

вой-

войну, сколько возможно щадить или облегчать ихъ бремя слишкомъ часто нужныхъ бѣдствій, послѣдуемыхъ за сею скорбію, дабы паче всего смирно поступали со слабыми, и употребляли снисхожденіе къ престарѣлымъ, къ дѣтямъ и женщинамъ. Сколь чувствительно мнѣ, что приказанія мои такъ худо исполняются! что я долженъ видѣть опустошеніе, описывающее шаги войскъ моихъ и слышать къ небу вопіющій противъ меня вопль нещастныхъ! - - - - Но естьлибъ и не сталъ наказывать, то сдѣлался бы самъ наказанія достойнымъ. Что скажешь на сіе господинъ Генералъ?

Голосъ и взгляды Короля, привели сего въ ужасъ, и устрашили всѣхъ около стоящихъ.

Итакъ скажите мнѣ прибавилъ онъ къ тому, нѣсколько помолчавъ и взглянувъ опять на Генерала строго: говорите, признайтесь безъ отговорокъ, въ какомъ

со-

состоянїи одна молодая и прекрасная плѣнница, которую одинъ изъ Вашихъ офицеровъ, въ тотъ самой день, какъ выступили въ область нынѣ еще вами осаждаемую, привелъ въ вашъ лагерь? однимъ словомъ, та особа, которую непрїятельскїй Генералъ тщетно отъ васъ обратно требовалъ и которыя нещастїе, какъ я причину имѣю опасаться, уже отъ Васъ совершилось?

Сей столь страшный и незапный вопросъ, привелъ Генерала въ такую робость, что онъ не могъ ни слова выговорить. Король отгадавъ изъ взглядовъ его замѣшательство, сказалъ ему: говорите тотчасъ; неиспытывайте увеличивать преступленїе ваше лукавствомъ. Что вы сдѣлали съ тою женщиною? Жива ли она? Гдѣ вы ее содержите?

Ахъ! сказалъ Генералъ, повергнувъ себя къ ногамъ Короля, съ воздыханїемъ при-

признаюсь Вашему Величеству въ моей погрѣшности; но я не могу стерпѣть Вашихъ взоровъ. Прикажите сей часъ совершить приговоръ въ наказанїе моего преступленїя; но не мучьте меня Вашимъ гнѣвомъ, котораго я не въ состоянїи болѣе сносить.

Я повторяю еще разъ, гдѣ дѣвалась сїя особа? Говорите.— *Она въ безопасности.*— Гдѣ?— Въ моей палаткѣ, и еще всегда достойна супруга, котораго потерю она оплакиваетъ. Чрезъ всѣ прилагаемыя старанїя мои, ничего я отъ нее получить не могъ, и я слишкомъ искренно и справедливо ее любилъ, нежели чтобъ подвергнуть ее принужденїю,— Приведите ее сей же часъ ко мнѣ; но скрывайте отъ нее причину. Уста ея должны открыть справедливость всего дѣла, и я никому, кромѣ ея неповѣрю. Между тѣмъ надобно имѣть попеченїе о ея мужѣ; не

ща-

щастїе его имѣетъ слишкомъ великое право на мое соболѣзнованїе.

Лишь только явилась сїя женщина, то Монархъ столь сильно плѣнился чрезвычайными ея прелестями, что почувствовалъ въ себѣ воспающїя волненїя, о коихъ давно уже и мысли потерялъ. Все совершенство и прїятность красоты; все трогающее въ видѣ и осанкѣ ея, словомъ всѣ прелести, кои женской полъ съ цвѣтущею юностїю совокупить можетъ, привели его въ столь сильное, движенїе, что онъ узналъ, что все его мужество чесильно было, привести въ забвенїе, что онъ былъ человѣкъ, и истребить соболѣзнованїе, которое чувствовалъ онъ въ сердцѣ своемъ, какъ о супругѣ такъ и о любовникѣ столь нѣжно сотвореннаго предмета.

Онъ удивлялся сей долгое время въ молчанїи; потомъ пришедши опять въ

себя

себя, сказалъ къ трепещущей Ѳеодорѣ, могущимъ успокоить ее голосомъ: Я приказалъ Васъ сюда для того призвать, дабы могъ освѣдомиться отъ Васъ самихъ, какъ васъ увели и заключили въ лагерѣ Генерала армiи моей; также и то, какъ онъ съ самаго того времени, какъ сдѣлалъ Васъ плѣнницѣю съ вами поступалъ. Естьли имѣете вы причину на него жаловаться; естьли малѣйшiй только видъ насильства могъ оскорбить благочестивую добродѣтель вашу и преступилъ долгъ полу Вашему принадлежащiй, то говорите съ совершенною довѣренностiю и будьте увѣрены, что выслушаетъ и отмститъ за васъ Король, который недостойнымъ почелъ бы себя сего имени, естьлибъ менѣе былъ чувствителенъ при вашемъ нещастiи.

Великiй Государь! съ воздыханiемъ отвѣчала ему Ѳеодора, хотя слухъ одобро-

бродѣтеляхъ Вашихъ не однократно доходилъ, до моего уединеннаго охранительнаго мѣста, однако не вообразилабы я себѣ, (признаюсь Вамъ) чтобъ Ваше Величество удостоили меня своею предо мною униженностію, а еще менѣе заняться обстоятельнымъ увѣдомленіемъ о моемъ нещастіи. Но я чувствую милосердіе Ваше столькоже много, какъ и цѣну пожертвованія драгоцѣннаго времени Вашего. Однако повѣствованіе мое очень короткое; я вытащена изъ моего дому однимъ Офицеромъ арміи Вашей; онъ повелъ меня въ лагерь, гдѣ защищалась я только отъ безчестныхъ его требованій. Небо было столь милостиво, что услышало меня. Генералъ арміи вашей, получа извѣстіе о ужасномъ состояніи моемъ, избавилъ меотъ сихъ униженій. Съ сего самаго дни, немогла я ни на что жаловаться, какъ только на мученія, войнѣ сопутствующія,

видя себя разлученною съ супругомъ, котораго страстно любила, и котораго потерю еще долго оплакивать стану, и принуждена будучи думать, что можетъ быть навсегда останусь во власти непріятелей моихъ. Ручьями покатившіеся слезы воспрепятствовали ей продолжать. Король приподнявъ ее, сказалъ: съ котораго времени потеряли вы своего супруга, и какое имѣете доказательство о его смерти?

Ахъ! Государь! въ самое то время, когда Вашъ Генералъ, по своему великодушію избавилъ меня *отъ* угрожаемыхъ насилій, было первое мое стараніе, какъ скоро онъ мнѣ позволилъ сообщить супругу моему обо всемъ, что я претерпѣла, о пристанищѣ, гдѣ я воздыхала, и о помощи, которой я отъ него ожидала. Но наповтоpенныя нѣсколько разъ сіи увѣдомленія, оставалась я всегда безъ отвѣта. Неизвѣстность сія была для меня досаднѣе не-

нежели самая смерть; отчаянїе мое было столь велико, что тронуло Генерала вашего такъ, что онъ писалъ къ Генералу армїи нашей, котораго отвѣтъ состоялъ въ томъ, что мужъ мой, современи похищенїя моего, остался при одномъ отрядѣ войскъ, коими онъ командовалъ - - - - - Теперь, великїй Государь! недолжна ли я завидовать жребїю. —

Я надѣюсь, что печаль ваша кромѣ сей потери не имѣетъ никакой другой причины, и что Генералъ мой—Государь! я немогу ничего сказать, кромѣ выхвалять то уваженїе, которое онъ мнѣ оказывалъ; рачительное его попеченїе превзошло мою надежду. Но меня ничто болѣе непривязываетъ къ жизни, и все, чего я отъ великодушїя Вашего ожидаю, есть одно покрытїе, которое съ безопастїю доставило бы меня въ ближайшїй

Монастырь, гдѣ бы я удалена будучи отъ Генерала и отъ каждаго, кто меня знаетъ, могла оплакивать потерю нещастнаго моего супруга и окончить печальные мои дни.

Будьте увѣрены, сказалъ ей Государь, что я весьма желаю видѣть васъ щастливою - - - - - Но по чему упоминаете Вы при вашемъ желанїи, жить впредь въ неизвѣстномъ всему свѣту уединенїи, а особливо Генералу? Прошу васъ будте откровеннѣе . . . . Неупотребилъ ли онъ во зло своей власти? хотители вы быть столько великодушною, чтобъ къ тому рѣшиться, дабы утаить отъ меня дерзкїя его требованїя? — Нѣтъ, Государь! нѣтъ, вы бы назвали то зломъ, что у него только не самоизвольная была слабость - - - Безъ сомнѣнїя онъ меня любитъ противъ своей воли; но нѣжность его оставалась всегда въ предѣлахъ уваженїя; никогда не были предложенїя его обидны. - - - Но,

ве-

великiй Государь! Супругъ мой; ---- Супругъ мой, пребудетъ и по смерти своей всегда одинъ, которому посвящено сердце мое . . . . —

Будьте спокойны и утѣштесь; такiя добродѣтели, каковы ваши, должны сами умилостивить небо; можетъ быть будете вы еще такъ щастливы, какъ заслуживаете. Можетъ быть мужъ вашъ еще не умеръ. Въ замѣшательствѣ и въ безпорядкѣ, войнѣ сопутствующемъ, происходятъ ежедневно еще страннѣйшiя приключенiя. Сколь многихъ особъ щитали въ живыхъ, которыхъ однакожъ давно уже небыло! сколь много другихъ, которыхъ щитали мертвыми, нечаянно явились и опровергли разнесшiйся слухъ о ихъ смерти! — Ахъ! Боже мой! ахъ Государь! что Вы хотите чрезъ сiе мнѣ сказать? ----- Не насмѣхаетесь ли Вы надъ моимъ нещастiемъ? ----- Нѣтъ!

вы не напрасно говорите - - - - - - Нѣтъ! я довольно узнала Вашу душу . . . . . Рѣчи Ваши, взгляды, оживотворили опять надежду мою; умереть ли мнѣ съ нею? — Надѣйтесь всегда . . . . . . Я прикажу привести одного человѣка, которому вы больше повѣрите, нежели мнѣ.

Монархъ сказавъ сїе, вышелъ изъ своей палатки и пошелъ къ ея мужу, въ которомъ примѣтилъ всю нетерпѣливость и страхъ. Войдите сюда, сказалъ онъ, и разсуждайте сами, что предоставляетъ небо добродѣтелямъ ему прїятнымъ. Подите туда одни. Чрезмѣрная радость въ таковыхъ душахъ и въ такихъ минутахъ каковы, теперешнїя, недолжна быть душами не способными оною пользоваться и чувствовать восторгъ оной.

Послѣ сего обратился онъ къ Генералу. Я трепеталъ о васъ, другъ мой! но приговоръ вашъ рѣшился. Вы были

сла-

слабы; сей есть жребїй человѣковъ. Впрочемъ слабость Ваша оправдалась предметомъ; но вы были всегда благородныхъ мыслей, коимъ слѣдуя поступали. Это Ваше щастїе, которому я столько же радуюсь, какъ и Вы сами. Ибо сколь вы мнѣ ни милы были и надѣюсь всегда будете, однакожъ кленусь Вамъ, что едва было бы довольно крови Вашей къ удовлетворенїю преступленїя сего. Однакожъ, другъ мой, опасайтесь впредь давать волю сей опасной страсти. Жестокость ея приводитъ душу въ слабость и отвлекаетъ ее постепенно отъ любви къ добродѣтели, которая одна въ состоянїи дѣлать ее благородною. Вы имѣете примѣръ предъ глазами. Смотрите, сколь далеко могла провести сего славнаго и нещастнаго супруга любовь, коей слишкомъ много онъ послѣдовалъ; она столь много его ослѣпила, что нетолько оставилъ онъ знамена своего Государя, но даже

служилъ своимъ непрїятелямъ, сражаясь за нихъ противъ своей воли- - - - -Итакъ, старайтесь впредь сего убѣгать. Особливо содержите всегда въ памяти, что страсть сїя весьма мало прилична для солдата.

Генералъ будучи не въ состоянїи отвѣчать, палъ къ ногамъ Короля и старался скрыть отъ него свои слезы.— Я понимаю васъ, сказалъ Государь, усмѣхнувшись; вы еще невылѣчены; но я доставлю вамъ средство къ разогнанїю чувствъ теперь васъ занимающихъ. Поѣжжайте тотчасъ обратно къ своей армїи. . . . Вы немедлѣнно получите мои повелѣнїя.

Генералъ простился; Король оборотившись къ около стоящимъ придворнымъ, сказалъ: Существо безъ порока не моглобы быть человѣкомъ. Совершеннѣйшїй изъ нихъ тотъ, кто менѣе оныхъ имѣетъ; снисхожденїе въ слабости

есть

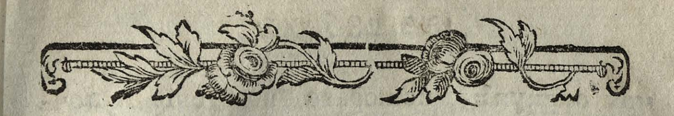
есть долгъ, естьли искушенїе превосходитъ обыкновенныя силы человѣчества.

Въ сїе мгновенїе брачная чета лежала у ногъ королевскихъ: Благодарныя слезы проливались изъ глазъ ихъ. Встаньте, сказалъ онъ имъ, и будьте другъ другомъ щастливы. . . . . Я васъ опять совокупилъ, и готовъ, все для васъ исполнить, чего вы справедливо еще отъ меня требовать думаете.

О милосердѣйшїй! между всѣми Государями! вскрычалъ странникъ; душа моя довольна. Я нежелаю отъ неба ничего, какъ только, чтобъ наградило оно прїязнь, сколько правосуднаго столько и чувствительнаго Монарха.

Однако я не долженъ забыть, сказалъ Монархъ, что поля ваши опустошены, и замокъ вашъ сожженъ моими солдатами. Я не знаю сколь великъ сей вашъ уронъ. Между тѣмъ возьмите вы это (здѣсь

подалъ онъ имъ великїй полный золота кошелекъ) и естьли недовольно будетъ сего, къ вашему поправленїю, то молитесь, чтобъ прекратилась война; и не забудьте, что имѣете у себя друга Короля.



VII.

ПРЕДПРІЯТІЯ.

Полночь уже прошла; тишина господствующая около меня, спокойствіе моего духа и моего сердца, все возбуждало меня къ сладкому сну; полузакрытые мои глазв не видѣли болѣе уже слабаго свѣта лампады, освѣщавшей мою комнату; я чувствовала приближеніе желаннаго покоя, во время коего утѣшающіе сны и пріятныя мечтанія воображеній, показываютъ добросердечной душѣ путь къ щастію. томной шумъ, коего причину я примѣтила, исторгъ меня вдругъ изъ сего покойнаго положенія. Дверь комнаты моей старались насильно отперетъ; испытаніе удалось, и тотъ мужъ, котораго я при такомъ случаѣ менѣе всѣхъ опасалась;

мой

мой опекунъ, котораго поведенїе и почтенїе не приготовило меня къ таковому странному явленїю, былъ единственнымъ предметомъ, который предсталъ передъ мои глаза. Онъ сѣлъ подлѣ моей кровати и я не видѣла ни въ чертахъ лица его ни въ тѣлодвиженїяхъ ничего такого, что могло бы обезпокоить меня. Я приготовлялась уже требовать отъ него о семъ изъясненїя, но онъ меня предупредилъ, начавъ говорить слѣдующимъ образомъ:

Вы почти неможете оправиться отъ изумленїя Вашего, которому причиною мое присутствїе. Въ монастырѣ, въ коемъ вы долгое время живучи, неполучили наставленїя касающагося до невинности Вашей. Вы не знали еще силы вашихъ прелестей. Прїятство, которое я вамъ оказывалъ; нѣжное участїе, которое я послѣ смерти родителей вашихъ во всемъ, что до васъ касается, бралъ; мои пещательныя

ныя попеченія о васѣ, не могли вамъ, признаюсь, изъяснить довольно истинныхъ моихъ намѣреній: но время и мѣсто, кои я къ тому избралъ, дабы открыть Вамъ оныя, должны Вамъ показать причину. Я Васъ люблю, прекрасная Люція! я желалъ оказать Вамъ сіе съ нѣкоторою выгодою; не старайтесь меня за то наказывать, ибо я не намѣренъ употреблять оную во зло. Естьли сердце ваше нечувствительно, то нехочу я ничего предпринимать, чтобъ получить побѣду на щотъ справедливости...... Мнѣ отъ роду сорокъ лѣтъ; двадцать изъ оныхъ препроводилъ я въ разсѣяніи великаго свѣта и получилъ о себѣ въ ономъ нѣкоторое мнѣніе; а теперь принявъ нѣкоторыя предпріятія, коихъ странную нескладность я и самъ усматриваю. Одно изъ оныхъ, коего я болѣе всѣхъ держусь, покажется вамъ чрезвычайнымъ; сіе самое предпріятіе воспрепятствовало бы мнѣ любить совершенную

су-

супругу, какъ скоро былабы она моя. Конечно, чудное предпріятіе. Однако выслушайте меня. Я хочу сказать Вамъ два предложенія. То, что я Вамъ сей часъ сказалъ, можетъ Васъ частію къ тому приготовить ------- Я требую отъ Васъ, или вашего сердца, или Вашей руки. Естьли непокажется вамъ *моя* склонность; то должны вы оную угасить во храмѣ Гимны; тамъ могу я опять получить свободу, коей бы Вы меня лишили. Я не прежде престану быть Вашимъ любовникомъ, пока несдѣлаюсь Вашимъ супругомъ.

Легко можно изобразить себѣ, какое возъимѣло во мнѣ дѣйствіе сіе предложеніе, во мнѣ молодой, безопытной и свободной отъ всякихъ обязанностей. Съ совершенною признательностію къ благосклонности Господина фонъ * * *, слѣдовать совѣту, была я намѣрена, принять тогда же его руку, не смотря на то, что

онъ

онъ предложилъ мнѣ оную такимъ страннымъ образомъ. Одна только побудительная причина удерживала меня отъ того. Вамъ исполнилось сорокъ лѣтъ, а мнѣ только шестьнатцать; сверьхъ же сего имѣете вы столь странныя предпрїя, кои меня отвращаютъ. Нѣтъ я не могу на то рѣшиться, чтобъ быть женою сорокалѣтняго мужа, отъ котораго при томъ больше ничего, кромѣ равнодушїя ожидать неможно. Чтожъ касается до другаго предложенїя, то оное слишкомъ для меня обидно и я никакъ не могу на оное согласиться.— Вашъ отказъ будетъ мнѣ очень чувствителенъ. Гдѣ вы найти можете нѣжнаго и истиннаго любовника? Для чего не отъ меня зависитъ, чтобъ престать васъ любить! но сего вы никогда ненадѣйтесь. Сколь жестоко вы со мною ни поступаете, еднако я всегда буду съ вами поступать, какъ любовникъ, развѣ вы пожалуете мнѣ другой титулъ

ко-

котораго я не охотно отъ васъ требую. Я оставляю вамъ время на разсужденіе. Изъ моего застѣнчиваго и учтиваго поведенія, легко можете вы заключить, что я за все хочу быть обязаннымъ одной только вамъ.

Я чрезъ всю ночь занималась *опекуномъ* моимъ и его странными предпріятіями; я рѣшилась вытти за него за мужъ, дабы не поступить противъ добродѣтели и чести. Свадьба моя съ отмѣннымъ великолѣпіемъ однакожъ очень скоро совершилась. Не было примѣтно ни какой истинной и чистосердечной радости какъ изъ взоровъ бракосочетавшейся пары, такъ и изъ виду гостей; однако всякой оказывалъ величайшее желаніе веселиться, чѣмъ обязаны были искуству повара, сладкимъ кушаньямъ и хорошимъ напиткамъ, равно какъ и необузданному упражненію въ обильнѣйшемъ изысканіи разъвра-

вратнымъ и безчинныхъ шутокъ; ибо они болтали столь много дурачествъ, кои должно было принимать за остроумїе безъ всякаго испытанїя. Всѣ смѣялись во все горло, какъ скоро смотрѣли на меня; молодые люди говорили другъ другу въ слухъ на ухо; красавицы пользовались своими опахалами. Признавались, что господинъ фонъ *** великимъ своимъ иждивенїемъ, доказалъ отмѣнной вкусъ при семъ праздненствѣ; недоставало только одного, то есть, радости. Да развѣ *случается, что* въ *такъ* называемомъ хорошемъ собранїи примѣчаютъ недостатокъ радости? Я до сего времени думала, что мужъ мой хотѣлъ меня только испытать; предпрїятїе его казалось мнѣ, неимѣетъ ни какой побудительной причины, а зеркало мое успокоило меня, я назначила къ отмщенїю довольно хорошо расположенной планъ. Но въ самое то время, какъ я намѣрена была произвести

оной въ дѣйство, и видѣть своего супруга у ногъ моихъ повергшагося, принесли мнѣ извѣстїе, что онъ имѣетъ предпрїятїе, влюбившись въ одну молодую и пригожую торговку, ѣхать съ нею въ деревню въ шестидесяти часахъ отъ Парижа лежащую. Такъ! милостивуй Государь! сказала я сама въ себѣ, будучи въ первомъ жару моего негодованїя, хотя я и сдѣлала ту глупость, что васъ полюбила, однакожъ столько еще властна надъ собою, что могу оставить то сердце, которое никогда не было достойно моего. Вы имѣете нѣкоторыя собственныя причины, и при томъ суетную гордость, никогда отъ оныхъ не отступать. О! и я имѣю также нѣкоторыя причины, кои можетъ быть покажутся вамъ еще страннѣе вашихъ. Дорваль, прїятель моего супруга, бесѣдовалъ со мною во время моего гнѣва и бралъ въ ономъ нѣкоторое уча-

стїе

стїе, которое для меня не непрїятно было. Это не слыхано! сказалъ онъ мнѣ, это непонятное предпрїятїе; сколько онъ мнѣ ни другъ, однако я соверщенно ясно вижу, что онъ подаетъ вамъ къ тому право. Можно его уже водить за носъ. Впрочемъ нельзя тому статься, чтобъ онъ васъ любилъ. Подлинно что одно только противное имя супруга не могло бы его вовся перемѣнить. Мнѣ весьма сожалительно бы было, естьлибъ я привелъ васъ на такїя мысли, кои бы ему вредны были; имѣнїе ваше было достаточное; другой бы на моемъ мѣстѣ, разсудивъ о поступкѣ моего друга, подумалъ, что ------ Но я отлагаю подозрѣнїе въ сторону, оно для него обидно ----- — Какъ? думала я, подлое корыстолюбїе сдѣлало меня жертвою господина фонъ * * *! съ какимъ коварствомъ не вѣрный обольстилъ меня! ----- Дорваль былъ уменъ; онъ столь часто при-

 во-

водилъ меня къ тому, чтобъ сдѣлать сравненіе, между сорокалѣтнимъ мужемъ, между легкомысленнымъ супругомъ и нѣжнымъ любовникомъ, между хладнокровнымъ и первою страстію исполненнымъ сердцемъ, что мнѣ господинъ фонъ * * * Показался чудовищемъ; напротивъ того Дорваль казался быть любезнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Онъ не хотѣлъ нагло поступать. Какъ лукавый непріятель, ожидалъ онъ отъ нечаяннаго случая и отъ своего попеченія одного изъ тѣхъ рѣшительныхъ обстоятельствъ, когда сильныя свойства: *люблю насъ*, не минуемо окажутъ свое дѣйствіе. Я не имѣла, съ самаго отсутствія супруга моего вечеринокъ; но тутъ имѣла уже я предпріятіе держать оныхъ по двѣ въ недѣлю. Я просила Дорваля принять на себя со мною стараніе угощать. Легко можно отгадать отъ того какое происходитъ слѣдствіе. Сколь мучительна наука раска-

каянія! какое ужасное просвѣщеніе распространяетъ она въ робкой душѣ! только по средствомъ разсѣянныхъ своихъ мыслей, довела я до того, что опять получила нѣкоторое спокойствіе. Я уже дошла до того, что сама себя страшилась: въ то время не знала я ни какихъ опасныхъ обществъ.

Я учредила вечеринки, кои стоили мнѣ довольно дорого. Я собрала для сего Дамъ, которыя казались любви достойными, щоголей, которые желали быть таковыми, и нѣкоторыхъ ученыхъ, которые подлинно таковы были. Впечатлѣніе, которое произвелъ во мнѣ Дорваль, примѣтнымъ образомъ уменьшалось; этотъ человѣкъ не былъ довольно ни благороденъ, ни славенъ, дабы могъ ласкательствовать моему самолюбію; я пришла въ разумъ и узнала порядокъ жизни, и всѣ вещи, кои одному только доброму и чувствительному сердцу несвойствен-

ны. Видя женщинъ, которыя не такъ скромны были, какъ я, но дѣлали большія требованія и лучшія побѣды; получила и я чрезъ то охоту, слѣдовать ихъ примѣру, дабы быть славною. Вскорѣ по томъ попалъ въ мои оковы одинъ знатный господинъ; но я сдѣлала его бремя столь легкимъ, что рабство его, до тѣхъ поръ только продолжалось, пока нужно было удовлетворить моему упрямству и вовся потерять доброе мое имя. Въ намѣреніи утвердить мою славу, сдѣлала я нѣчто, достойное вниманія; я отбила одного славнаго актера у женщины, которая уважая слишкомъ свои дарованія не согласилась бы уступить мнѣ его добровольно; мы спорили съ нею о присвоеніи онаго самимъ не пристойнымъ образомъ. Она употребляла въ поступкахъ своихъ все то лукавство и искуство, которое доставлялъ ей долговременый опытъ; на противъ того я поступала съ такимъ жаромъ

ромЪ, который бы не сдѣлалЪ для меня ничего выгоднаго, етьлибЪ подарокЪ моего портрета, или больше драгоцѣнные камни, коими оной былЪ осыпанЪ, не ослѣпили сего новаго Орфея. Я пользовалась моею побѣдою довольно спокойно. АлципЪ былЪ пригожЪ; изряднаго росту, имѣлЪ хорошїя ножки и порядочное платье, которое дѣлало честь его вкусу; но онЪ былЪ такой набитой туракЪ, что не возможно было просидѣть сЪ нимЪ на единнѣ двухЪ часовЪ, чтобЪ не умереть со скуки; я раскаевалась нѣсколько разЪ о предпрїятїи, которое причиною, что я приняла его, и досадовала сама на себя за то, что его удержала. ВЪ таковомЪ худомЪ расположенїи, приказала я ему пѣть; голосЪ его примирилЪ меня сЪ нимЪ опять, и наградилЪ вЪ мнѣнїи моемЪ его безплодїе ума. ТутЪ то господинЪ фонЪ * * * разсудилЪ за благо по содмимѣсячномЪ отсутствїи, возвратиться вЪ ПарижЪ.

Необходимость притворства, было одно изъ поноснѣйшихъ слѣдствій моей развратности. Поелику я принуждена была обходиться съ моимъ супругомъ и скрывать отъ него произшедшую со мною перемѣну, то принявши притворной видъ, показывала великую застѣнчивость и оказывала вмѣсто ревности учтивость. Хотя и имѣла я видъ обиженной, но немстительной жены. Между тѣмъ не могла я поступать столь осторожно, чтобъ обмануть могла такого проницательнаго человѣка какъ мужъ мой. *Я сожалѣю объ васъ, сказалъ онъ мнѣ;* вы нехудо играете свою роль; жаль только, что взялись вы за такую трудную и напрасную. Итакъ вы открыли свое сердце; желаю вамъ въ томъ добраго успѣха; вы будете имѣть прелюбезный насмѣшливый видъ. Прекрасно! это взглядъ самой презрительнѣйшей дерзости, которая доказываетъ, что вы получили въ

томъ

томѣ великой успѣхѣ. Обманѣ былѣ бы совершенной, естьлибѣ мои ясносмотрящїе глаза не видали вѣ васѣ актрисы. Послушайте меня Люцилїя; вы беретесь за науку лукавства, а сїе для меня не нужно и безполезно; я слишкомѣ долго уже прожилѣ, и по тому не могу попустить, чтобѣ могла обмануть меня учеца; мы не будемѣ стараться извинять себя; но станемѣ другѣ противѣ друга поступать такѣ, какѣ будто бы одинѣ за другимѣ никакой вины не зналѣ; сїе не имѣетѣ ни какой другой дѣйствительности, кромѣ той, которую тому придаютѣ.

Болѣе всего наблюдать должно благополучїе; я никогда не стану противиться вашей вольности; однакожѣ вы неупотребляйте ее во зло. Напримѣрѣ, вы сдѣлали нѣсколько неразсудительной расходѣ, введши меня вѣ долги болѣе дватцати тысячь Ливровѣ. Вы имѣли шесть

молодыхъ лошадей съ дорогимъ прибо-
ромъ; для чего промѣняли вы на цугъ-
сѣрихъ? — Черной цвѣтъ столь печа-
ленъ! я придала, только сто Луйдоровъ.
Вороные лошади составляютъ глупой
цугъ; они пристойны только для нѣко-
торыхъ людей, которые не имѣютъ ни
какого вкусу. — Не позволите ли мнѣ
сказать, нещитая меня между нѣ-
которыми людьми, что мнѣ новая ливрея,
которую вы завели совершенно ненравит-
ся? — Я признаюсь, что она дороже; но
вы мнѣ отдадите справедливость, что
красота оной не имѣетъ себѣ подобной;
впрочемъ, на старой были темножелтые
обшлага; а вы знаете, что я желтаго
цвѣта терпѣть не могу. — А этотъ
цвѣтъ весьма способенъ къ моей ливреи.
Но для чего приказали вы опять поно-
вить залъ? — Ахъ! Маркиза не могла на
нее даже и взглянуть; не можно себѣ во-
образить, сколько для нее синій цвѣтъ
про-

противенъ; однажды отослала она слугу президентши безъ отвѣта, за то единственно, что онъ былъ въ синемъ платьѣ. Будьте спокойны, и вѣрьте, что всѣ мои, такъ называемыя предпріятія суть дѣла, кои предпринимала я съ зрѣлымъ разсужденіемъ. Впрочемъ избавте меня отъ вашего совѣта; онъ мнѣ слишкомъ несносенъ; у меня и безъ того набита голова мыслями о сѣрыхъ лошадяхъ, кои мнѣ и въ самомъ дѣлѣ начинаютъ не нравиться; также невыходитъ у меня изъ головы одинъ кучеръ; превеличайшій и толстый мужичина; онъ принадлежитъ одной деревенской госпожѣ, которая цѣны онаго неразумѣетъ. — Такіе были разговоры, коими я занималась съ мужемъ моимъ чрезъ цѣлые шесть мѣсяцовъ; я ничемъ болѣе незанималась, какъ только одними мыслями, чтобъ сманить отъ деревенской госпожи кучера. Сіе привела я въ совершенство, посуля ему пятьдесятъ

сятъ Луидоровъ платы. День, въ которой вступилъ онъ ко мнѣ въ службу, былъ для меня днемъ праздничнымъ; однако побѣда моя не долго продолжалась. На другой день, когда я за уборнымъ столикомъ съ первымъ моимъ уборомъ была почти готова, доложили мнѣ о Баронессѣ фонъ * * *. Это была шестидесяти лѣтняя госпожа, которая никогда не была красавицею; но римлянка, которая была бы похожа на нее могла бы слыть за хорошую особу. При началѣ ея рѣчи; при ея британскомъ произношенiи, при первомъ ея предложенiи, которое показывало ея негодованiе, за любимаго ея кучера, пришла мнѣ охота смѣяться, что и принудило ее вдругъ прiостановиться; важность ея сдѣлала и меня опять важною. Сударка моя! сказала она мнѣ, такимъ голосомъ, отъ котораго я задрожала, вы забываете то уваженiе, которымъ вы мнѣ должны, и я принуж-

де-

дана къ предосужденію вашему тому васъ учить. Вы имѣете обыкновеніе удовлетворять свои предпріятія; я слѣдую также своимъ и наказываю безстыдство. Бѣшеная Британка выговоривъ сіи послѣднія слова, бросилась на меня, толкнула меня жиловатою своею рукою такъ, что я упала на полъ, и надѣлала мнѣ довольное число ударовъ. Послѣ сего вышла она съ спокойнымъ духомъ вонъ, такъ, что слуги мои неосмѣлились ее задержать. Меня положили тотчасъ въ постель. Тутъ, положеніе, въ какомъ я находилась, умножило мое разсужденіе. Злоба моя подавала разныя предпріятія, коихъ исполненіе было невозможное. Естьлибъ я пошла путемъ правосудія, то могла бы надѣяться, что Баронесса заплатила бы штрафъ; но тѣмъ самимъ навлекла бы я на себя посмѣяніе. Неоставалось мнѣ никакого болѣе средства, какъ сыскать мстителя, который бы принудилъ

ея мужа сдѣлать яснѣйшія извиненія, или просить съ униженіемъ прощенія, или защищать свое дѣло шпагою. Я предложила сіе средство моему пѣвцу. Но онъ меня увѣрялъ, что ничто такъ примѣтно непоритъ голоса, и, для человѣка его состоянія, ни что такъ непредосудительно, какъ гнѣвъ, коему въ такомъ случаѣ предаются; онъ прибавилъ еще къ тому, что естьли когда ему случалось о томъ слышать, то уже чувствовалъ великой ущербъ въ своемъ голосѣ; онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ къ опасности близокъ, потерять употребленіе онаго. Между тѣмъ, сказалъ онъ мнѣ, что онъ естьлибъ я довольна была, несравненно отомстилъ бы за меня посредствомъ небольшой пасквильной пѣсенки, къ чему хотѣлъ сочинить какъ, содержаніе оной, такъ и комедію. Предложеніе сіе произвело во мнѣ такую досаду,

что

что сочинитель понесъ бы отъ оной знаки, естьлибъ скоропоспѣшной побѣгъ не избавилъ его отъ моего гнѣва. Какъ только я нѣсколько успокоилась, то приказала Дорвалю, какъ пріятелю моего мужа, а равно и моему, притти ко мнѣ. Вы должны, сказала я ему принять участіе въ претерпѣнной мною обидѣ; честь обязываетъ васъ къ тому; сего довольно сказано такому человѣку, которому извѣстны ея права. На сію рѣчь отвѣчалъ Дорваль одними только насмѣшками надъ моимъ печальнымъ приключеніемъ. Онъ выходя вонъ, увѣрялъ меня, что я ему оказываю слишкомъ великую честь, полагаясь на его храбрость; что онъ хотя и удивлялся онымъ храбрымъ кавалерамъ, которые всегда были готовы, за честь женскаго пола, ламать копья и доставлять имъ удовлетвореніе за обиду; но что сіе ремесло было для него опасно, и онъ меня проситъ чтобъ на мѣсто его из-

избрать другаго бойца. Великое безпокойствїе, которое я чувствовала, напоминало мнѣ опять, то щастливое время, ту восхитительную ночь, тотъ спокойный сонъ, которой нѣкогда отъ нечаяннаго присутствїя господина фонъ *** отъ меня изчезъ. Ахъ! думала я, съ той нещастной минуты, далече улетѣли отъ меня невинность и спопойствїе. Предавшись моему гнѣву, принуждена я сносить скромно мою печаль, не имѣя даже и сладкой надежды, когда либо отмстить. — Отмстятъ за васъ, вскричалъ супругъ мой, вошедши въ мою комнату. — Небо! кто такой отмститъ за меня? Чѣмъ могу васъ благодарить, за такую милость? Признаться ли вамъ въ томъ? Я и не помышляла, чтобъ просить у васъ помощи, но теперь получаю отъ васъ утѣшенїе, которымъ могу пользоваться. — Я вамъ симъ утѣшенїемъ былъ долженъ; оно было собственной мой долгъ, чтобъ

на

наказать Барона за дерзость его супруги Я тотчасъ его сыскалъ, какъ скоро получилъ о томъ извѣстіе. Мы другъ друга знаемъ, и мнѣ нестоило никакого труда, истребовать отъ него признанія, что намъ должно было сломать другъ другу голову. Онъ видѣлъ, что намъ никакого другаго средства неоставалось. Мы сей часъ бились на поединкѣ, и я оставилъ его въ рукахъ его служителя. Я думаю, что ,онъ раненъ смертельно; теперь вы должны быть довольны симъ удовлетвореніемъ. Чтожъ касается до меня, то я сей же минуты удаляюсь, и теперь можетъ быть прощусь съ вами на вѣки.— Что я слышу! Какой свѣтъ открывается въ душѣ моей! Что сдѣлали вы для супруги, которую нелюбите? Нѣтъ, вы недолжны меня оставлять.— Время течетъ ,скоро, Баронова фамилія сильна; или хотите вы подвергнуть меня опасности, лишиться жизни на Эшафотѣ?

Есть еще предпріятія, кои дорого становятся. Не удерживайте меня болѣе;— Мнѣ васъ удерживать; чтобъ увеличить безразсудствомъ мое преступленіе! Можетели вы сему повѣрить? Единственная милость, которой у васъ прошу, есть та, чтобъ вы позволили мнѣ за вами слѣдовать и облегчать то нещастіе, которому я причиною. Я знаю мой долгъ, который будетъ теперь для меня драгоцѣннѣйшимъ; нелишите меня удовольствія оной исполнить; я не заслуживаю ни любви вашей, ни вашего почтенія. Вы видите ручьи слезъ моихъ; въ первой разъ я плачу; бывшая прежде сего столь гордая и наказанія достойная ваша супруга, лежитъ теперь у вашихъ ногъ - - - - - Взгляните ласковымъ окомъ на ея печаль и раскаянія! Ахъ! я начинаю опять жить, естьли мнѣ удается тронуть васъ - - - - - —

Такъ все прощено; мужъ твой достоинъ большаго наказанія, нежели ты. Воспита-

ніе

нїе, которое ты отъ меня получила, мои заблужденія и мои пороки, обманули тебя; но сердце твое было сотворено для добродѣтели; ты призываешь ее въ мое сердце обратно. О! любезная моя пріятельница! неразуміемъ своимъ потеряли мы много; мы искали щастія тамъ, гдѣ его небыло —Поѣдемъ вмѣстѣ; станемъ впредь другъ друга любить и ежедневно учиться познавать лучше, что есть веселія истиннѣе тѣхъ, коими мы пользовались. Во время сихъ разговоровъ дѣлали приготовленія къ нашему пути. Мы оставили Парижъ, и хотя Баронъ неумеръ отъ раны, и только зависило отъ насъ возвратиться опять въ сію столицу, однакожъ мы предпочли пребываніе въ одной пріятной деревнѣ у любезнаго по причинѣ простоты нравовъ народа. Мы провождаемъ время пріятно, и находимъ въ перемѣнныхъ трудахъ средство къ облегченію досады и скуки.

VIII.

ПРИЗНАННАЯ НЕВИННОСТЬ:

Жестокая печаль, которую причинилъ Терезїи свирѣпый день, прерывала часто ея спокойствїе. Глаза ея открывались только, дабы взирать на всѣ ужасныя предметы ея участи. Первые лучи солнца распространяли во кругъ нее мрачный свѣтъ, показывая ей четыре паутинами покрытыя стѣны, солому, которая служила ей вмѣсто постели, одинъ наполненный водою глиняный сосудъ, и одинъ кусокъ весьма чернаго хлѣба. Въ сѣтованїи своего сердца пала прекрасная сїя плѣнница на колѣни; ручьи горячихъ слезъ покатились изъ глазъ ея. Милосердый Боже! возопила она; или сдѣлай конецъ моему мученїю, или подай крѣпость сносить оное! Суды твои строги, однако правы; Ты наказываешь меня за то, что я забыла Тебя. Тутъ предалась она ужа-

сней-

снѣйшимъ размышленіямъ. Какое ужасное состояніе было для молодой особы, которая въ великомъ удовольствіи была воспитана и имѣла при прелестномъ видѣ разумъ и благородную душу! Она стояла уже нѣсколько минутъ въ таковомъ трогательномъ положеніи, какъ дверь, запиравшая входъ въ ея темницу отворилась. Одна, какъ по лѣтамъ своимъ, такъ и по добродѣтелямъ почтенія достойная госпожа вошла къ ней. Соболѣзнованіе, а къ тому и побужденіе склонности ввели ее туда. Столь многія и великія прелести тронули ее; съ исполненнымъ любви видомъ приближилась она къ Терезіи, обняла ее и осушила ея слезы, употребила все стараніе къ ея утѣшенію. Хотя и несовершенно удалось и ей, однакожъ она довела до того, что снискала ее довѣренность; чувствованіе печали сдѣлалось слабѣе, когда она могла уже ее открыть. Любви достойная Терезія, незаставляя себя долго просить,

начала свое повѣствованіе слѣдующимъ образомъ.

Я родилась въ М** отъ родителей, которые хотя не такъ богаты были, однако ни въ чемъ недостатка не имѣли. При воспитаніи моемъ, ничто неупущено. Едва началъ показываться во мнѣ разумъ, то опредѣлили ко мнѣ искуснѣйшихъ учителей во всякомъ родѣ. Не имѣли причины сожалѣть объ иждивеніи, коего я стоила; я успѣвала съ пользою въ ученіи. Боже мой! для чего не пользовалась я такимъ же образомъ наставленіемъ моей добродѣтельной матери! Ты будешь всегда богата, говорила она мнѣ, естьли никогда не станешь упускать изъ глазъ своихъ благоразумія и добродѣтели; пускай сей сугубый свѣтильникъ всегда освѣщаетъ всѣ дѣла твоея жизни. Помни, что красота весьма маловременна. Какое раскаяніе должна чувствовать та, которая употребила оную во зло, видя, послѣ величайша-

шаго обожанія, слѣды презрѣнія! привыкнувъ къ сей дани похвалы, восхищающей красавицъ и любовницъ, находитъ она лишеніе оной несноснымъ. Какимъ образомъ можетъ она быть сама собою довольна? Любовники, забавы, разсѣяніе, все ищезло; скука, раскаяніе, уединеніе заняли ихъ мѣсто. Вотъ слѣды порока; прошедшее мучитъ, настоящее терзаетъ, а будущее приводитъ въ ужасъ. Сія рѣчь сдѣлала во мнѣ живѣйшее впечатлѣніе. Но кто рожденъ съ чуствительнымъ сердцемъ, тотъ можетъ ли ручаться за самаго себя?

Я достигла семнатцати лѣтъ, и незнала еще ничего, кромѣ кроткаго равенства уединенной жизни; но тутъ пришла любовь и разрушила мое спокойствіе. Лѣто было уже въ исходѣ; жаръ былъ чрезмѣрно великъ; въ вечеру вышла я съ матерью моею для прохлажденія въ маленькой лѣсокъ при берегѣ рѣки. Мало прихо-

дило людей на сіе мѣсто, почему мы большею частію и предпочли оное своимъ посѣщеніемъ. Одинъ богато одѣтой молодой человѣкъ, но котораго прекрасный видъ, станъ и благородныя черты лица дѣлали еще пріятнѣе, привелъ на себя мои взоры, ибо онъ всегда смотрѣлъ на меня. Цѣлой вечеръ была я въ разсѣяніи и задумчивости; образъ незнакомца занималъ меня пріятнѣйшимъ образомъ; я легла заблаговременно спать, дабы свободно и безпрепятственно предаться своимъ размышленіямъ. Первымъ предметомъ, который попался мнѣ въ глаза на другой день, какъ я открыла мое окно былъ сей же самой молодой человѣкъ. Онъ сидѣлъ въ домѣ противъ моей комнаты у окна и держалъ въ рукахъ книгу. Какъ скоро онъ меня увидѣлъ, то съ скромнымъ и учтивымъ видомъ всталъ. Я покраснѣла, пришла въ великое замѣшательство и принуждена была отойти отъ окошка,

одна-

однако примѣтила, что между многоразличными чувствованіями, меня безпокоившими, радость была главнѣйшимъ. Есть ли входила я опять въ мою комнату, что въ тотъ день происходило часто, то видѣла съ потаенною моею радостію незнакомца въ томъ же самомъ положеніи. Когда шла я на другой день изъ церкви домой, то подошла ко мнѣ нѣсколько уже пожилая женщина, и просила меня принять одно письмо, которое прислано было къ ней для отдачи мнѣ. Я нѣсколько о томъ подумала; наконецъ не могши противиться слабости приняла оное. Сія первая была моя погрѣшность, причинившая мнѣ мученіе и нещастіе! но я была молода и ни въ чемъ неискусившаяся; сердце мое открылось въ первой разъ нѣжнымъ возбужденіямъ происходящей страсти, а состояніе сіе было для меня радостію. Какъ скоро пришла я

домой, то первое мое попеченіе было, прочитать письмо; я нашла въ ономъ слѣдующее:

,,Я Васъ видѣлъ милостивая государыня! кажется довольно будетъ, естьли я ,,скажу, что васъ люблю. Недосадуйте на ,,языкъ, который безъ сомнѣнія кажется ,,для васъ странным; дневный свѣтъ ,,не можетъ быть столько чистъ, какъ ,,мое сердце; оно дышетъ только для ,,васъ. Имѣніе мое всегда уважалъ я ,,весьма мало; но вы мнѣ будете драго- ,,цѣнны, естьли доставите мнѣ ту вы- ,,году, что я могу предложить вамъ ,,оное. Естьли рожденіе есть дѣйствіе ,,слѣпаго случая, то буду ему только ,,долженъ столько, сколько найду въ ,,васъ той восхитительной чувствитель- ,,ности, которая одна въ состояніи со- ,,ставить щастіе моея жизни.,,

Баронъ М....

Тщет-

Тщетное было бы мое покушенїе, изобразить вамъ то, что при чтенїи сего письма происходоло въ моемъ сердцѣ. Все, что я могу вамъ сказать, есть то, что я была какъ помѣшанная въ умѣ; отвѣтъ мой былъ тому доказательствомъ. Для самой любви моей ненадобно было мнѣ столько обнаруживать въ ономъ моей страсти, однако тутъ открылось все мое сердце. За симъ первымъ письмомъ, слѣдовали еще многїя. Наконецъ довели до того, что заманили меня въ домъ нанятой любовникомъ моимъ. Онъ получилъ отъ меня обѣщанїе, что я въ означенное время туда явлюсь. Между тѣмъ, невыступала я еще изъ послѣднихъ предѣловъ стыдливости; не такъ легко отвыкнуть можно отъ оснований посѣянныхъ въ душѣ воспитанїемъ и честїю, и не однократно повторенныя прозьбы дражайшаго любовника не могли низринуть

нуть меня въ пропасть. Онъ ожидалъ, по сказкамъ его, только одного письма, дабы открыться моей матери. Сколь не осторожна была я! сего надобно было мнѣ отъ него требовать съ самаго начала; но за одною ошибкою слѣдуетъ всегда тысяча другихъ. Наконецъ пришло сїе письмо. Барона увѣдомляли въ ономъ, что никакъ не хотятъ согласиться на предложенную отъ него свадьбу, притомъ приказывали ему ускорить своимъ возвращенїемъ, дабы вступить въ супружество съ одною молодою дворянкою, которая была весьма знатнаго роду, имѣла великїя богатства, и при прелестнѣйшей осанкѣ любви достойнѣйшїя свойства. Въ какое состоянїе привело меня сїе письмо! холодный потъ покрылъ лице мое; глаза мои закрылись; я упала въ сильный обморокъ, отъ коего находилась жизнь моя въ опасности. Ко-

гда

гда пришла я опять въ чувство, то увидѣла Барона орошавшаго руки мои своими слезами. — *Не опасайтесь* ничего любезная Терезія, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію . . . . . Я вашъ на вѣки; свирѣпые неполучатъ побѣды . . . . . Ахъ! что мнѣ въ богатствѣ всего свѣта, безъ моей Терезіи? - - - - - - - - Я сей часъ повергнусь къ ногамъ матушки вашей; отъ нея ожидаю я жизни. — Ахъ! сказала я ему, вы еще не властны надъ собою? — Легко находятъ случай совершать тайныя *обязательства*, кои остаются однако святы и дѣйствительны. — *Перестаньте*; никогда не согласится мать моя на такой союзъ; она милостива, однакожъ имѣетъ ту благородную гордость, которая столь сродна добродѣтели; вы крайне обидили бы ее, естьлибъ обьявили ей, что фамилія ваша пренебрегаетъ, чтобъ вступить съ нами въ родство. —

Такъ

Такъ пусть же долженъ я буду щастіемъ моимъ вамъ, любезная Терезія! клянитесь мнѣ въ вѣрности, и примите отъ меня клятву; на содержаніе наше, жалованья моего будетъ довольно. Время, въ которое получу я часть моего наслѣдства въ мою власть, приближается. — Какое предложеніе осмѣливаетесь вы мнѣ дѣлать! мнѣ оставить отцовской домъ, и слѣдовать за вами! симъ поступкомъ пронзила бы я грудь почтеннѣйшей моей матери. Ахъ! лучше соглашусь я тысячу разъ умереть! — Но дабы не задержать васъ болѣе, хочу только сказать вамъ, что послѣ сраженія моихъ мыслей, происходившаго нѣсколько дней, любовь преодолѣла мой страхъ. Я уступила желаніямъ моего любовника, и моей собственной склонности; однако на побѣгъ мой согласилась я подъ двумя договорами, кои и были въ точности исполненны; первой дабы, намъ тотчасъ обвѣнчаться, а

впо-

второй, чтобъ жить въ уединенiи. Супругъ мой привезъ меня въ сей городъ, и нанялъ хорошее, но непышное жилище. Одна комнатная дѣвка и одинъ служитель состояли въ нашихъ повелѣнiяхъ. Будучи любима супругомъ, котораго почитала дороже своея жизни, и имѣя изобилiе во всемъ нужномъ, провождала я радости исполненную жизнь. Но на то ли человѣкъ рожденъ, чтобъ быть щасливымъ? вскорѣ послѣ нашего брака, супругъ мой получилъ указъ явиться къ своему полку, который маршировалъ въ Богемiю. Честь непозволяла ему нимало думать. Онъ оставилъ меня безъ сродниковъ, безъ прiятелей, безъ защиты, въ чужомъ городѣ; но я видѣла въ томъ необходимость, и принуждала его къ отъѣзду. При прощанiи вручилъ онъ мнѣ сумму денегъ, которой довольно было для моихъ нуждъ, съ обѣщанiемъ, сообщать мнѣ о себѣ часто извѣстiя, и по-

слѣ

слѣ окончанія компаніи опять ко мнѣ возвратиться. Я провождала весьма уединенную жизнь; неходила ни прогуливаться, ни въ открытыя мѣста. Чтеніе и шитье въ пьяльцахъ составляло все мое увеселеніе, а въ письмахъ супруга моего все мое утѣшеніе. Иногда выходила я только, дабы уподножія олтарей повергнуть сердце мое въ лоно Божества. Шесть мѣсяцовъ послѣ того прошло. Въ одинъ вечеръ, пришедши съ удрученнымъ сердцемъ и съ заплаканными глазами, вошла я въ мою комнату. Съ почтою пришло извѣстіе о весьма жаркомъ сраженіи, но никакого не было ко мнѣ письма отъ любезнаго источника моея жизни. Я бросилась въ креслы и предалась всей моей тоскѣ; ужасный смертный страхъ предшествовалъ тому безчувственному состоянію, которое предвѣщаетъ смерть. Тысяча черныхъ образовъ носилась передо-

до мною; силы мои истощились; я пала безъ чувствъ. Небо! для чего призвана я была обратно къ дневному свѣту? - - - - - Извините меня; отчаянія исполненныя мысли представляются иногда моему воображенію; но я стараюсь оныя отдалять; въ десницѣ всевышняго состоитъ власть надъ жизнію моею; вся моя надежда возложена на него; онъ да низпошлетъ мнѣ крѣпость сносить ужасныя но заслуженныя мученія; цѣль жизни моей уже не далека - - - - - - Когда пришла я опять въ чувство, то узнала, что я имѣла нещастливыя роды. Я спрашивала о дражайшемъ залогѣ моей любви, дабы обнять оной и омочить моими слезами. Мнѣ ничего не отвѣчали. И такъ онъ мертвъ вскричала я. Вдругъ поставленъ былъ около моей комнаты караулъ. Не взирая на мое состояніе и на мои слезы, повели меня жестокіе въ ужасное сіе мѣсто. Прочее вы знаете.

Жалостливая госпожа, крайне будучи тронута, обняла съ нѣжностїю плѣнницу. Успокойся любезное мое дитя, сказала она ей, свидѣтельство невиннаго сердца есть величайшее добро; оно облегчаетъ ужаснѣйшїя мученїя. Послѣ сихъ словъ, простилась она съ Терезїею и принуждала ее принять нѣкоторое вспомоществованїе. Легко представить себѣ можно, что отправленные отъ суда неумедлили присвоить себѣ небольшое ея имѣнїе. Добродѣтельная госпожа прислала ей нужнѣйшїя вещи. Постель и съѣстной припасъ; приходила часто къ ней сама и кушала съ нею. Терезїя съ охотою желала читать что нибудь; она доставила ей лучшїя нравственныя и духовныя книги; однимъ словомъ сїя почтенїя достойная утѣшительница употребляла всѣ способы къ облегченїю ея печали. — Ахъ вскричала любви достойная плѣнница, положимъ, что я избавлюсь отъ поносной сме-

смерти, которая мнѣ приготовлена, однако мнѣ уже нежить такъ долго, дабы имѣла я время, признать съ довольною благодарностiю ваше благодѣянiе; Небо да наградитъ васъ за то; всѣ узы, привязывавшiе меня къ свѣту прерваны; я не имѣю болѣе никакой родни; я потеряла супруга, котораго несказанно любила, супруга, которой служилъ мнѣ вмѣсто всего; онъ влечетъ мою честь во гробъ. Какъ закланная жертва безчестнаго потаеннаго коварства, погибъ невинной плодъ нѣжной и нещастной любви лютѣйшимъ образомъ. Ахъ! какая мнѣ польза въ жизни моей? —

Между тѣмъ явилась нещастная Терезiя предъ своими судьями. Ея удивительныя прелести, привели ихъ въ изумленiе; искренность начертана была на челѣ ея. Въ ослабѣвшихъ ея взорахъ примѣтна была еще та благородная и скром-

ная смѣлость, которая есть свойство невинности. Поступки ея были постоянны и спокойны. Важное и новое зрѣлище, каковое ей представилось, показалось съ начала приводящимъ ее въ робость; однакожъ она вскорѣ оправилась и говорила своимъ судьямъ: Государи мои! *я безвинна!* безвинна, какъ нѣжная супруга и столькоже жалостливая мать; можно ли мнѣ быть убійцею моего сына? — Ей дѣлали разные вопросы, на которые отвѣчала она ясно и исправно. Сама справедливость не выразила бы иначе оныхъ. Но сказки свидѣтелей неблагопріятствовали ей. Законъ осудилъ ее и судьи со слезами подписали смертной приговоръ. Терезія слушала оной съ неробкимъ духомъ, и почти съ нѣкоторымъ видомъ радости. Естьли только разсудить о нѣжности ея къ супругу, и о тѣхъ нещастныхъ приключеніяхъ, кои угнѣтали ее столь долгое время, то и нельзя тому удивляться.

У нее оставалось еще нѣсколько денегъ; она просила позволенія у своей благодѣтельницы, которая отъ страху лежала дома больна, раздѣлить оныя бѣднымъ невольникамъ и по томъ написала, къ матери своей слѣдующее:

,,Не безпокойтесь болѣе о моей участи; я вскорѣ предстану предъ судію ,,Всевышняго; онъ знаетъ внутренность ,,серда моего; ему извѣстна моя невин-,,ность. Я прошу его милоседія; онъ пода-,,етъ мнѣ свою помощь; душа моя готова ,,вознестись къ нему. Сія утешительна ,,мысль, сдѣаетъ вамъ безъ сомнѣнія снос-,,ною потерю нещастной дочери, кото-,,рая при своемъ развращеніи никогда ,,безъ воздыханія не вспоминала о нѣж-,,ной матери своей.,,

Преданность ея въ волю провидѣнія, скромное поведеніе и постоянство остались не поколебимы. Тѣ, столь ужасныя минуты, въ которыя всѣ душевныя си-

лы кажутся разрушенными, когда приближенїе поносной смерти, причиняетъ на смерть осужденному ужасныя параличныя содроганїя, или истощенїе всѣхъ силъ, пребыли у Терезїи тихи и спокойны. Пасторъ ее провождавшїй не могъ понять какъ можно оказывать толикую бодрость имѣя столь скромное поведенїе, толикое постоянство при такомъ нѣжномъ чувствѣ и толь великое равнодушїе къ жизни при такой плѣняющей красотѣ. Онъ пролилъ ручьи слезъ, а осужденная, которой онъ долженъ былъ внушать бодрость и утѣшенїе, была спокойна. Съ возведенными на небо глазами, ожидала она той минуты, которая должна была прекратить ея страданїе; сладкая надежда изображена была въ чертахъ лица ея; въ нихъ сїяла та божественная радость которая предвѣщаетъ небесное восхищенїе. Толпа народа провожала ее къ лобному мѣсту, большую часть онаго привлекло

лю-

любопытство, чтобъ увидѣть славную красавицу и нещастную преступницу, или можетъ быть и то всѣмъ людямъ свойственное побужденіе, чтобъ возбудить свои страсти.

У лобнаго мѣста захотѣла Терезія еще разъ говорить. Рѣчь ея исполненная крѣпости и великодушія, заставила всѣхъ предстоящихъ плакать. Вотъ гласъ невинности всѣ говорили въ слухъ; можетъ ли преступникъ столь высоко изъясняться? Она сущій ангелъ! ахъ! какъ варварски поступаютъ съ нею! какъ несправедливо осудили ее!— Терезія окончавъ свою молитву, обратилась къ налачу. Вотъ, другъ мой, сказала она ему, отдавая съ деньгами кошелекъ, возьми это; я желала бы сдѣлать больше сего подарокъ, но я не богата; старайся прекратить мои мученія.— Сколко ни жестокосердъ былъ тотъ человѣкъ, однакожъ

кожѣ весьма былѣ тронутѣ. Зрители, которыхѣ сей послѣднїй поступокѣ привелѣ еще вѣ большее сожалѣнїе, были вѣ сильнѣйшемѣ движенїи, какѣ вдругѣ услышали тысячи голосовѣ, вмѣстѣ кричащихѣ, прощенїе! Изумленный палачѣ, не зналѣ, что ему должно было дѣлать. Шумѣ усиливался; все предвѣщало мятежѣ. Вѣ сїе самое мгновенїе, пробился сквозь толпу одинѣ какѣ по старости лѣтѣ, такѣ и по честному виду своему, достойный почтенїя мужѣ. Естьли есть еще время, говорилѣ онѣ кѣ начальнику сея печальныя церемонїи, то спасите жизнь нещастной, коея красота, единственное преступленїе; мнѣ попалась не далече отѣ сюда одна умирающая женщина. „Небо наказываетѣ меня „за то, сказала она мнѣ, что я сдѣла-„лась орудїемѣ ужаснѣйшаго злодѣйства. „Терезїя невинна; обстоятельное свѣдѣ-„нїе, и доказательства сего извѣстїя,

най-

,,найдете на сей бумагѣ, которую те-
,,перь вамъ вручаю; я писала съ великою
,,торопливостію. Поспѣшайте милости-
,,вый государь, я боюсь чтобъ вы не
,,опоздали.,, Вѣсть сія вдругъ разнеслась; послѣ сего воспослѣдовалъ радостный крикъ и рукоплесканія собравшагося народа. Сколь блистательна бываетъ красота, естьли добродѣтель возвышаетъ сіяніе оныя какъ скоро воспослѣдовало молчаніе, то судья читалъ въ слухъ слѣдующее:

,,*Находясь ири* послѣднемъ издыха-
,,ніи, не можетъ меня удержать никакое
,,человѣческое побужденіе открыть ис-
,,тинну. Терезія невинна. Кунигунда,
,,дочь ея хозайки, которая сильно влюб-
,,лена въ Терезіи на супруга, одна учи-
,,нила сіе злодѣйство, въ надеждѣ засту-
,,пить со временемъ ея мѣсто. Я по
,,слабости, будучи обольщена, доносила
,,на невинность; по чему и прошу у лю-

„дей и у всевышняго прощенія и при
„смерти моей помилованія.„

Судья приказалъ тотчасъ отвести Терезію обратно въ темницу. Множество народа, наполняющаго воздухъ радостными восклицаніями, слѣдовало за нею. Сей столь ужасный день перемѣнился въ день торжества. Однако Терезія была удалена отъ того, дабы участвовать во всеобщей радости; скорбь слишкомъ уже глубоко вкоренилась въ ея душѣ; печаль была единственное чувство ей свойственное. Легко представить себѣ можно, что добродушная госпожа не изъ послѣднихъ была, кои къ ней спѣшили. Тщетно употребляла она всевозможныя старанія къ ея утѣшенію. — Благодарность моя къ вамъ за оказанное вами благодѣяніе, есть неизреченна, сказала ей Терезія, будьте въ томъ увѣрены; однако я чувствую, что жизнь моя не продолжительна будетъ.

Ме-

Между тѣмъ наказанія достойная Шарлотта спустя нѣсколько минутъ умерла, увѣривъ судей о истиннѣ своего объявленія. Кунигунду въ туже минуту взяли подъ стражу, какъ она хотѣла спастись бѣгствомъ, что не мало способствовало къ подтвержденію подозрѣнія, которое возбудило противъ нее объявленіе Шарлотты. Однако законъ не прежде позволялъ освободить Терезію, какъ послѣ обыкновенныхъ обрядовъ. Естьлибы хотѣла она принимать посѣщенія, коихъ причиною была всеобщая ревность, то темница ея была бы всегда наполнена людьми. Всякой желалъ ее видѣть, и предлагать свои услуги; всѣ сердца и всѣ съ деньгами кошельки были ей открыты. Во всякомъ другомъ состояніи могли бы ее безъ сомнѣнія тронуть всѣ тѣ знаки всеобщаго почтенія, кои она отъ всякаго получала; но ужасное и глубокое впечатлѣніе, которое произвело въ сердцѣ ея

со

со всѣмъ пропивное радости чувствованїе, сдѣлало то, чпю она не съ великимъ вниманїемъ на оное взирала. Она никого почти къ себѣ не впускала, кромѣ добродѣтельной госпожи. Въ одинъ день, какъ онѣ были вмѣстѣ, отворилась нечаянно дверь; и слышенъ былъ любезный голосъ: ,,Гдѣжъ она? - - - - Ахъ! Небо, въ какомъ ,,мѣстѣ, въ какомъ состоянїи я ее нахожу, но довольно, я ее имѣю, ... ,,Я обниму ее, ничто на свѣтѣ не может теперь разлучить меня съ нею. Живое воображенїе, чувствительное сердце, представь себѣ сильную радость Терезїи! это былъ ея супругъ; сей столь нѣжный супругъ, котораго щитала она мертвымъ. Сїя нѣжная чета соединила свои вздохи и слезы и забыла въ своихъ объятїяхъ, все претерпѣнное нещастїе. Сїе трогательное позорище продолжалось долго. Добродѣтельная госпожа обливаясь

ясь слезами, обнимала ихъ попеременно. Когда первый сей жаръ ихъ нежности успокоился, то сказалъ Баронъ своей супруге: итакъ любезнейшая моя Терезія, вы неполучали того письма, которое я тотчасъ какъ меня ранили къ вамъ писалъ? — Оно отвратило бы отъ меня все мои нещастія сказала Терезія! верно перехватила оное Кунигунда. — Поспешимъ оставить сіе ужасное место, сказалъ Баронъ; я самъ податель указа которой освобождаетъ васъ на волю. Сіе чудовище призналось въ своемъ злодействе, и вскоре понесетъ совершеніе наказанія.

Добродушная госпожа, которая какъ по своему достоинству, такъ и по богатству, была въ великомъ уваженіи; предложила имъ свой домъ. Предложеніе сіе было принято, и дружество ея къ Терезіи не приметно сделалось такъ велико, что она не имея законныхъ ближнихъ

на-

наслѣдниковъ, рѣшилась оставить ей большую часть своего имѣнія. Онѣ живутъ въ великомъ согласіи вмѣстѣ.

Любви достойная Терезія наградила своего супруга двумя сыновьями. Онъ послѣ смерти своего отца владѣетъ достаточнымъ имѣніемъ. Къ совершенному Терезіину удовольствію, недоставало ничего болѣе, какъ имѣть вмѣстѣ своего супруга, свою мать и свою благодѣтельницу; симъ щастіемъ она довольствовалась. Всѣ четверо занимаются только тѣмъ, чтобъ вспомоществовать нещастнымъ; разумноежъ хозяйство, господствующее въ управленіи ихъ доходовъ, приводитъ ихъ въ состояніе удовлетворять великодушному намѣренію влекущему ихъ къ пользѣ ближняго.

Такимъ образомъ торжествовала невинность въ ту самую минуту, когда надобно ей было погибнуть, съ величай-

пимъ блистанїемъ; преступленїе же было наказано. Естьли правящїй всѣми движенїями сей обширной вселенной, попускаетъ иногда быть противному, то подвергаемся неизмѣримой глубинѣ его правосудїя, не желая онаго проницать, и въ заключенїе скажемъ, что видъ часто обманываетъ, что заблужденїе насъ окружаетъ; что проницанїя наши слабы, и что судїя не можетъ быть довольно осторожнымъ, чтобъ могъ открыть истинну подъ покрываломъ, скрывающимъ часто оную отъ нашего зрѣнїя.

IX.

ОРАКУЛЪ.

Дорусъ, Король Лидїйскїй владѣлъ чрезмѣрно великимъ государствомъ; народъ почти его обожалъ; ничего небыло такого, чтобы препятствовать могло благополучїю се-

сего Монарха и благосостоянію его подданныхъ, кромѣ того, что недоставало наслѣдника престола, который бы воспитанъ будучи таковымъ отцемъ, могъ утвердить современемъ славу своего государства, и подать народу своему надежду къ таковомужъ впредь благополучному послѣдствію, каково было настоящее.

Сїе одно было его желанїе, которымъ онъ безпрестанно занимался, но небо долгое время оставляло его безъ удовольствїя; наконецъ вдругъ Королева сдѣлалась беременною. Съ превеликою нетерпѣливостїю ожидали разрѣшенїя ея отъ бремени. Напослѣдокъ приближилось то время; она родила сына, о которомъ воспослѣдовала всеобщая радость. Расточительно дѣлаемы были народу всякїя увеселенїя, кои могли быть ему прїятны, и примѣтно было, что во всѣхъ позорищахъ, коими оной утѣшался, радость была болѣе-

лѣе дѣйствіемъ чувствованій, нежели глупаго любопытства.

За всѣми сими празденствами, послѣдовала гораздо величественнѣйшая церемонія. Принесли новорожденное дитя въ храмъ, и спрашивали у боговъ совѣта о столь дражайшемъ для всего государства наслѣдникѣ.

Когда къ сей торжественной и великолѣпной церемоніи все было изготовлено, то безчисленное множество народа собралось около храма. Дорусъ, сопровождаемый всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ, пришедъ къ святымъ вратамъ, взялъ сына своего изъ рукъ его кормилицы и представилъ его первосвященнику, который положилъ его на олтарѣ. Сто воловъ пали подъ жертвеннымъ ножемъ священниковъ и тысящекратныя восходящія къ небу радостныя восклицанія и спрашивали младенцу благосклоннѣйшаго жребія.

 Перво-

Первосвященникъ взошедъ на ступени олтаря, выговорилъ громкимъ голосомъ, которой чаятельно подкрѣпляли сами боги, слѣдующїй оракулъ:

„Небо любитъ тебя Дорусъ; сей драгоцѣнный младенецъ, есть вѣрной залогъ „милости боговъ. Но, ужасный жребїй! „— Что я вижу? одинъ изъ твоихъ „— —Варваръ! — — Кто удержитъ тотъ „ударъ, который предуготовляетъ „ему рука его!„

Сильные боги! вскричалъ Дорусъ, отвратите сїе печальное *прореченїе*.—Ахъ! любезное дитя!—Болѣе не могъ онъ ничего сказать; онъ взглянувъ на своихъ придворныхъ, возвратился съ унынїемъ въ свой дворецъ.

Всѣ увеселенїя прекратились; никто неосмѣлился открыть мыслей своихъ другому. Слова: *одинъ изъ твоихъ*, всѣхъ привели въ страхъ и ужасъ; никто не

смѣлъ

смѣлъ взглянуть на другаго: Всѣ боялись встрѣтить взоры свои со взорами измѣнника.

Дорусъ оправившись отъ первой своей печали, началъ помышлять, какимъ бы образомъ отвратить ударъ, угрожающій его сыну. Онъ пошелъ къ Королевѣ и засталъ ее въ такомъ состояніи, которое подвергало жизнь ея великой опасности. Она увѣдомлена уже была объ ужасномъ прореченіи Оракула, коего угроженіе носилось надъ главою ея сына. Ахъ дражайшій супругъ, сказала она, слабымъ и истощеннымъ голосомъ; Небо угрожая жизни твоего сына, прекращаетъ жизнь матери его.—Можетъ быть можно его спасти, отвѣчалъ съ воздыханіемъ Дорусъ. Дитя сіе принадлежитъ нестолько намъ, сколько государству. Мы удалимъ сына нашего отъ варваровъ, которые покушаются отнять у него жизнь; безъ сомнѣнія находятся они въ тайнѣ и скрываются-

ся при нашемъ дворѣ; сынъ нашъ долженъ быть покрайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ въ безопасности отъ ихъ нападенiй. Время и милость боговъ подастъ намъ можетъ быть въ послѣдствiе времени средства, къ сохраненiю его моему народу на-всегда. Состоянiе, въ каковомъ находилась Королева, препятствовало ей отвѣчать; она пришла въ великое ослабленiе, которое было предвѣстникомъ ея смерти; врачи принуждали Доруса удалиться.

Онъ нѣжно любилъ свою супругу; былъ въ отчаянiи, чтобъ ее непотерять; мысль сiя пронзила его сердце. Однако важнѣйшее попеченiе обратило его вскорѣ на другiя мысли. Онъ ничего невидѣлъ болѣе предъ собою, какъ только своего умирающаго сына и свой народъ требующiй отъ него въ жизни онаго отчету. Онъ приказалъ позвать Орксуса, онаго государемъ своимъ нѣжно любимаго Орксуса быв-

бывшаго поборника геройскихъ его дѣйствiй, который по своей храбрости, а еще болѣе по совершенной опытности въ государственныхъ дѣлахъ славился.

Онъ имѣя славолюбивый духъ, достигъ постепенно чина перваго государственнаго совѣтника; щастiе благопрiятствовало всегда его расположенiямъ: его немогли ни въ чѣмъ болѣе попрекать, какъ только, что онъ къ достиженiю своего предмета употреблялъ слишкомъ насильственныя средства.

Приди, достойная подпора своего государя, вскричалъ Дорусъ, взглянувъ на него, приди и научи меня, какое избрать мнѣ намѣренiе. Извѣстенъ тебѣ ужасный оракулъ, угрожающiй моему сыну; я желалъ бы, естьли возможно, избавить его отъ ударовъ потаеннаго врага, который меня ужасаетъ; скажи мнѣ, какое мѣсто почитаешь ты къ тому способнѣйшимъ. Глубочайшiй адъ не будетъ мнѣ страшенъ,

естьли онъ будетъ тамъ въ безопасности. —Государь, говорилъ Орксусъ, я почитаю намѣреніе сіе премудрымъ; въ одной освященной и отъ разрушенія времени збереженной рощѣ, есть жилище, мнѣ одному только извѣстное. Оное было прежде прибѣжищемъ одного мудреца; Сына твоего съ кормилицею, и двумя женщинами надобно сей же еще ночи ту-да отвести; я беру на себя быть ихъ путеводителемъ.

Въ ту самую минуту, когда Король оказывалъ своему любимцу благодарность за предложеніе, жалостной вопль раздавшійся по всѣмъ палатамъ, обѣявилъ имъ, что Королева скончалась.

Дорусъ, удрученъ будучи печаліїю о потерѣ своей, упрекалъ самъ себя за то, что оставилъ Королеву при послѣднихъ минутахъ ея жизни. Онъ узнавъ, что супруга его, удаляя отъ себя всѣхъ, выключая кормилицу своего сына, имѣла

тайной переговорЪ сЪ первосвященникомЪ, и, какЪ только онЪ вышелЪ, она скончалась.

Сей прискорбный день, стоящій цѣлому государству столь многихЪ слезЪ, началЪ клониться кЪ вечеру. ОрксусЪ по извѣстной одному только ему дорогѣ препроводилЪ младаго Принца сЪ небольшою его свитою, состоящею изЪ кормилицы его, и двухЪ для услуги его означенныхЪ женщинЪ и еще одного такогожЪ возраста какЪ ПринцЪ дитяти, и котораго мать была кормилицею Принца, вЪ хранилище, которое должно было нѣсколько времени скрывать наслѣдника престола.

Прошло уже нѣсколько лѣтЪ; ДорусЪ, занимаясь попеченіемЪ о своемЪ государствѣ, коего бремя пособлялЪ ему сноситЪ ОрксусЪ, ходилЪ часто вЪ священную рощу. Здѣсь наслаждался онЪ, освобожденЪ будучи отЪ тягостнаго великолѣпія сво-

его достоинства въ спокойствіи удовольствіемъ быть отцемъ, и предаваться всѣмъ возбужденіямъ нѣжности, восхищеніе коей вельможи столь мало чувствуютъ. Онъ осыпалъ своего сына ласкавостями, въ коихъ другое дитя, товарищъ первыхъ лѣтъ молодаго Принца, также имѣлъ великое участіе; онъ заслуживалъ оныя по своимъ любезнымъ качествамъ; недоставало ему къ узнанію всей цѣны онаго, болѣе ничего, какъ отцовскихъ глазъ. Нѣжнѣйшая Симпатія совокупила обоихъ сихъ дѣтей; нельзя было ихъ безъ слезъ разлучить; ни какая забава не утѣшала ихъ, ежели они не раздѣляли ее между собою.

Принцъ вступилъ уже на пятнатцатый годъ своего возраста, и Дорусъ думалъ, что уже время было взять его къ своему двору; ибо народъ его начиналъ уже роптать, и требовалъ его видѣть. Онъ долженъ былъ или удовольствоватъ

оной

оной, или опасаться всеобщаго негодованія. Народъ, коего разсудки коротко ограничены, не разсуждаетъ основательно о намѣреніяхъ своихъ обладателей, которые когда содержатъ въ тайнѣ свои предпріятія, то всегда готовъ, толковать оныя въ другую сторону.

Время само уже частію истребило впечатлѣніе прискорбнаго оракула, угрожавщаго молодому Принцу, и Дорусъ казалось мало уже опасался дѣйствія онаго при спокойномъ дворѣ; почему и обьявилъ онъ, что сына его скоро увидятъ.

Поди, любезный мой сынъ! сказалъ онъ ему; время уже показаться тебѣ народу, коимъ долженъ ты будешъ современемъ владѣть. Ступай и научись, повинуясь моимъ законамъ, искуству повелѣвать другими. — Ахъ! родитель мой! вскричалъ Принцъ, падая предъ нимъ на колѣни, я готовъ послѣдовать тебѣ;

не оставь меня на новомъ пути, на которой долженъ я теперь вступить; я осмѣливаюсь также ласкать себя надеждою, что ты неразлучишь меня съ любезнымъ моимъ Агеноромъ. — Нѣтъ, сынъ мой! другъ твой долженъ быть твоимъ спутникомъ и всегда достойнымъ твоей склонности.

Молодаго Принца и Агенора посадили въ великолѣпную колесницу и по везли въ городъ, гдѣ встрѣтилъ его народъ съ неописанною радостїю и восклицанїемъ.

Дорусъ съ великимъ попеченїемъ помышлялъ о воспитанїи своего сына; съ предосторожностїю избиралъ онъ благоразсудительнѣйшихъ во всякомъ искуствѣ людей, которые находились при его дворѣ, и составилъ изъ оныхъ придворный Штатъ своего сына. Съ удовольствїемъ смотрѣлъ онъ, что попече-

ченіе его о немъ съ пользою было употреблено; молодой Анегоръ не уступалъ ему ни въ чемъ, и ревность обоихъ оживлявшая, сдѣлала; что они достигли вскорѣ тѣхъ знаній, коимъ только было можно ихъ научить при первомъ ихъ воспитаніи.

Король хотѣлъ также опредѣлить своего сына и къ дѣламъ въ своемъ совѣтѣ; а Орксусъ, для коего новая честь сія была лестна, не упустилъ ничего, чтобъ сдѣлать домъ свой для Принца пріятнымъ. Однако оной вскорѣ сдѣлался для спокойствія его слишкомъ пріятнымъ.

Орксусъ не имѣлъ болѣе дѣтей, какъ только одну молодую дочь, Осмирою называемую, которая при прелестнѣйшемъ видѣ, одарена была отмѣннымъ разумомъ. Рождена будучи съ нѣжнымъ сердцемъ, не могла она противиться побужденію

любви. Изумленный молодой Принцъ забылъ вскорѣ главную причину, приведшую его къ Орксусу и столько же чувствительной Агеноръ, рачительно скрывалъ сильную свою страсть каковую возбудила въ немъ Осмира. Легкіе способы, кой имѣли оба сіи любовники, съ нею бѣсѣдовать, и неоднократные случаи, кои доставлялъ имъ честолюбивый Орксусъ, питали ихъ любовь, всякими прельстительными возбужденіями.

Когда Принцъ оставлялъ свою любезную, то не зналъ отъ радости, никакого другаго удовольствія, какъ только разговаривать съ Агеноромъ о своей любви. Сколь она прекрасна! любезный Агеноръ! говорилъ онъ ему. Представь себѣ неоцѣненное мое сокровище; естьлибъ я былъ ею любимъ! - - - - - Но, о боги! естьли она ко мнѣ нечувствительна . . . . Естьли душа ея, чувствующая нынѣ то еще спокойствіе, въ коемъ прежде я ослабѣвалъ, не-

неимѣетъ никакого участія въ моей пламенѣющей страсти! . . . . То, ахъ! я былъ бы нещастнѣйшій изъ смертныхъ! - - - - - Любезный другъ! что ты на сіе скажешъ? Какъ ты думаешъ о семъ? думаешъ ли ты, что Осмира къ склонности моей чувствительна? Ахъ! говори нескрывай отъ меня ничего. Можно ли мнѣ осмѣлиться, требовать ее отъ отца ея, или поговорить о томъ съ моимъ отцемъ? не обижу ли я тѣмъ предметъ моей нѣжности? — Ахъ! любезный Принцъ, отвѣчалъ Агеноръ, исполненъ будучи отчаянія, и видя сколь сильна была его любовь, вы любите Осмиру съ такою нѣжностію, что она не можетъ быть къ вамъ нечувствительною. — Итакъ чтожъ; спѣши, тотчасъ со мною, любезный другъ! спѣши, и будь свидѣтелемъ моего признанія; спѣши, защити мою любовь самъ и позволь мнѣ должнымъ быть дружеству частію моего благополучія. Принцъ находил-

дился въ томъ спокойномъ колебанїи щастливой любви, которая намѣревается увидѣть опять восхищающїй ее предметъ. Агеноръ незналъ и самъ, каково у него было тогда на сердцѣ. Онъ любилъ Осмиру; онъ недолженъ былъ ласкать себя никакою надеждою, и преодолѣнїе сїе стоило ему менѣе труда; ибо оное дѣлалось для друга. Принцъ имѣлъ предъ нимъ преимущество, въ чѣмъ онъ былъ весьма увѣренъ, однакожъ все еще имѣлъ ту лестную мысль, будто онъ изъ взоровъ Осмиры примѣтилъ, что она обнаружила состоянїе своего сердца. Ему казалось, какъ будто въ глазахъ ея написано было: для чего ты неродился Принцомъ? сколь щастливы мы были бы! — Прекрасная Осмира, сказалъ ей Принцъ, пришедши къ ней, я не знаю, открыла ли тебѣ тоска моя то, чего сердце мое не можетъ болѣе отъ тебя утаить; въ самое

мое то мгновенїе, какъ я тебя въ первый разъ увидѣлъ, сдѣлался тебѣ на вѣки преданнымъ. Увидѣвъ тебя, позналь въ ту минуту любовь. Ты видишъ меня теперь у ногъ своихъ; благополучїе мое въ твоихъ рукахъ; отъ сей минуты зависитъ, быть ли мнѣ щастливѣйшимъ, или нещастнѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ! — Что ты дѣлаешъ? Принцъ! - - - - - - - - Ты у ногъ моихъ! - - - - - Признанїе твое непозволяетъ мнѣ отвѣчать. — Тутъ Осмира хотѣла бѣжать. — Ты смерти моей желаешъ? вскричалъ Принцъ ее удерживая. Ты лишая меня надежды, божественная Осмира, отъемлешь жизнь мою. — Государь, вспомни свое рожденїе, свое достоинство! — Препятствїя сїи ничто; восхитительная надежда взаимной любви, все, все для меня составляетъ. Всего надѣюсь я отъ милости отца моего; престолъ, есть твой; тебѣ стоитъ только

его

его принять . . . . Подойди сюда, любезный другъ, соедини усильныя твои прозьбы съ моими . . . . . Осмира, не опасайся его; онъ знаетъ мои чувствованія . . . . . Онъ есть другой я - - - - - Онъ знаетъ всю цѣну сердца твоего; онъ знаетъ, сколь мало я способенъ обольстить тебя. — При сихъ словахъ Осмира опустила въ низъ глаза и покраснѣла. —Осмира! сказалъ Агеноръ, находящійся въ великомъ замѣшательствѣ, мысли Принца столь чисты, какъ твоя душа; я имѣю довѣренность въ его любви и знаю его намѣренія; добродѣтели твои достойны той блистательной чести, которая ожидаетъ тебя. —Довольно, прервала рѣчь его Осмира; я не требую блистательной чести и не знаю другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, кои предписываетъ мнѣ мой долгъ.

При сихъ словахъ она вышла, и оставила Принца въ величайшемъ уныніи.

Сколь

Сколь лестны ни были для Агенора мысли сердца Осмирина, однако не видѣлъ онъ въ сïю минуту ничего, кромѣ печали своего друга; состоянïе его тронуло его столько, что никакое другое чувствованïе не могло занимать его сердца. Дражайшïй Принцъ, сказалъ онъ ему, я ничего не вижу въ Осмириномъ отвѣтѣ, что тебя могло бы столь много обезпокоить; долгъ ея по видимому превозмогаетъ ея склонность. Вспомни, что Осмира рождена для того, дабы быть со временемъ въ числѣ твоихъ подданныхъ, и что она съ лишкомъ дерзко бы поступила, естьлибъ соотвѣтствовала твоей нѣжности. Она видитъ великое неравенство, которое васъ съ нею разлучаетъ, также и опасность признанïя; коего должна бы она была стыдиться. Получи ты ее прежде отъ Короля; онъ любитъ тебя столь нѣжно, что пожертвуетъ тебѣ другимъ бракосочетанïемъ, чрезъ которое могъ

бы онъ присовокупить къ владѣнїю своему союзниковъ; онъ довольно великъ, дабы желать еще вышшихъ честей; естьли ты только въ соизволенїи его увѣренъ будешь, то увидишь тогда, что Осмира съ меньшею робостїю; или съ меньшею гордостїю соотвѣтствовать будетъ любви; въ коей можетъ быть она теперь уже учавствуетъ. —Можетъ быть ты мнѣ ласкательствуешь, мой другъ, однакожъ я предаюсь сей надеждѣ; я пойду къ Королю, открою ему мои къ Осмирѣ расположенїя. Красота ея, ея добродѣтели, заслоги ея отца непремѣнно его тронутъ, а отъ милости его ожидаю я всего.

Сколь великїя расположенїя ни сдѣлалъ Дорусъ въ разсужденїи будущаго бракосочетанїя своего сына, однако не могъ противиться его слезамъ, и будучи разуменъ согласился лучше позволить ему имѣть супругою Осмиру, нежели пожер-

жертвовать гордости, которая могла бы сдѣлать его могущественнѣе, но нещастливѣе. Добродѣтельное его сердце находило въ томъ пріятнѣйшую радость удовлетворить желаніямъ своего сына, нѣжно имъ любимаго, и наградить заслуги Орксуса, кои оказалъ онъ его государству и ежедневно еще оказываетъ.

Орксусъ получилъ сіе извѣстіе отъ самаго Принца. Политика удерживала его прежде изъявить радость, которую ему оное извѣстіе причинило. Принцъ, сказалъ онъ ему, Король родитель твой, чрезъ милость столь великой цѣны, возвышаетъ всѣ благодѣнія свои до высочайшей степени, однако я опасаюсь, что любовь будучи единственною причиною, побудившею тебя къ союзу, которой предпочелъ ты оному со многими Государями, будетъ непродолжительна; и чтобъ ты иногда не раскаевался о всѣхъ тѣхъ вы-

годахъ, коими жертвуешь моей дочери. — Перестань Орксусъ, перервалъ его рѣчь Принцъ; я не могу хулить твоей ревности; я признаю по оной вѣрнаго политика, который безъ сомнѣнія готовъ пожертвовать собственною своею честію славѣ своего Государя; но я не вижу въ Орксусѣ ничего болѣе, какъ втораго отца, и прошу его, чтобъ онъ поступалъ какъ отецъ. — Государь! отвѣчалъ Орксусъ, я ничего болѣе не могу, какъ только повиноваться; естьли знаетъ дочь моя, какая предстоитъ ей честь, то конечно соотвѣтствовать станетъ съ великою ревностію, которую заслуживаетъ любовь Государя. Я пойду о семъ ее увѣдомлю. Прошу тебя чрезъ нѣсколько минутъ войти въ ея комнату, гдѣ меня найдешь.

Орксусъ совершенно будучи увѣренъ, что дочь его станетъ упорствовать противъ его радости, пришедши къ ней объявилъ

торжество ея прелестей, и съ изумленіемъ смотрѣлъ, какое она оказала при таковомъ объявленіи равнодушіе.

Что я вижу? сказалъ онъ, ты плачешь! Развѣ честь, которую мы получаемъ есть для тебя причиною печали? - - - - - -Откройся, успокой отца тебя любящаго, котораго слезы твои обижаютъ— Ахъ родитель мой! недумай, что бы дочь твоя была недостойна твоей любви; воля твоя всегда будетъ моимъ закономъ. Я столькоже понимаю какъ ты блистательность союза, коего требовать мнѣ все запрещаетъ. Однако сія великая честь мало меня прельщаетъ. Извини меня, Государь! Любовникъ, кто бы онъ таковъ нибылъ, естьли имѣетъ другія права, нежели тѣ, какія доставляетъ любовь, сдѣлается скоро презрительнымъ тиранномъ.

Принцъ, будучи не въ состояніи противиться болѣе своей нетерпѣливости

вошелъ въ сїе мгновенїе въ комнату. Видъ отца, который обнаружило его замѣшательство, и слезы дочери, причину коихъ онъ очень примѣтилъ, лишили его почти языка.—Ахъ! Осмира! Я довольно вижу; ты пренебрегаешь моею любовїю, я нещастливѣйшїй человѣкъ..... смерть одна......—Постой Принцъ! вскричалъ Орксусъ; къ чему побуждаетъ тебя слѣпое отчаянїе? Оно для тебя неприлично. Дочь моя, сколько теперь ни неблагодарна, признаетъ свой долгъ; Я даю тебѣ мое слово и оное здержу.—Нѣтъ, Орксусъ, перервалъ Принцъ, ты не долженъ употреблять своей власти; Я былъ бы чудовище въ Осмириныхъ глазахъ; я потерялъ бы свою добродѣтель.—Нѣтъ, время и тщательныя мои старанїя увѣрятъ ее можетъ быть лучше о моей любви....... Будь спокойна, прекрасная Осмира, отецъ твой не употребитъ

воз-

во зло своихъ правъ, и естьлибъ захотѣлъ онъ тебя принуждать, то я всѣмъ моимъ могуществомъ буду противиться.

По окончанiи сихъ словъ Принцъ вышелъ вонъ. Въ сiе мгновенiе чувствовалъ онъ менѣе суровость Осмирина сопротивленiя; онъ доказалъ ей также сколь великодушна была любовь его; но вскорѣ ищезло какъ тѣнь утѣшенiе сихъ мыслей; онъ видѣлъ ее только нечувствительною къ горячей его любви и даже къ предложенiю престола.

Честолюбивый Орксусъ немогъ удержать своего гнѣва; онъ дѣлалъ дочери своей жестокiя выговоры. Будучи не въ состоянiи достигнуть истинной причины ея сопротивленiя, примѣчалъ онъ однако, что должна быть всему тому причиною препятствiя одна потаенная склонность въ душѣ его дочери, что предложенной бракъ имѣлъ для нее лестное. Утвердясь

 та-

такимъ образомъ въ подозрѣніи своемъ, старался онъ изыскать средства, чтобъ провѣдать объ ономъ; онъ видѣлъ, что Осмира непременно влюблена; между женщинами въ услуженіи ея находящимися была одна ею любимая; сію онъ нашелъ и узналъ отъ нее, что дочь его любила Агенора. Съ сего часа положилъ онъ его погубить.

Между тѣмъ Принцъ впалъ въ задумчивость, которая принудила его убѣгать всѣхъ увеселеній; онъ являлся при дворѣ въ такихъ только случаяхъ, когда требовалъ того долгъ его. Агеноръ составлялъ всю его компанію, а охота единственную его радость, коею могъ онъ довольствоваться. Въ одинъ день, когда удалился онъ отъ своей свиты и въ прискорбіи съ Агеноромъ прохаживался, напали на нихъ четыре вооруженные незнакомца, изъ которыхъ одинъ вскричалъ: Агеноръ! мы готовы тебѣ служить

жить, защити насЪ ! — Сопротивленія воспослѣдовали столь же скоропостижно, какЪ и нападеніе. АгенорЪ, незная и невидя ничего другаго, какЪ только опасность своего друга, заградилЪ его собою, сражался сЪ удивительною храбростію, прогналЪ убійцевЪ, избавилЪ Принца и отвелЪ его обратно во дворецЪ отца его.

АхЪ! любезный другЪ, сказалЪ ему тогда ПринцЪ, ты имѣешЪ враговЪ, кои сколько скрыты, столько и опасны; приключеніе сіе доказываетЪ мнѣ о томЪ, я гораздо болѣе еще безпокоюсь о твоей жизни, нежели о своей.

Едва только слова сіи были выговорены, какЪ пришли брать Агенора подЪ стражу. Тщетно старался ПринцЪ тому противиться. Государь! сказалЪ ему караульный ОфицерЪ, Король, родитель твой повелѣваетЪ сіе исполнитЪ. Естьли АгенорЪ, невиноватЪ, то покрайней мѣрѣ

сдѣлается преступникомъ по своему преслушанїю. Съ воздыханїемъ обнявъ Принцъ своего друга, побѣжалъ къ своему отцу.

Поди, сынъ мой, вскричалъ Дорусъ, увидя его, Боги даруютъ тебя на всегда твоему отцу; Оракулъ исполнился, и измѣнникъ, который тайнымъ образомъ хотѣлъ лишить тебя жизни, падаетъ самъ отъ тѣхъ ударовъ, кои тебѣ прїуготовлялъ. Такъ, мой сынъ, съ самаго рожденїя твоего угрожалъ жребїй жизни твоей; спрашиваемые о совѣтѣ боги отвѣчали чрезъ своихъ истолкователей, что одно въ нѣдрѣ моемъ воспитанное чудовище прекратитъ нить дней твоихъ. Однако гнѣвъ ихъ утолился, и я неспрашусь теперь болѣе о тебѣ. Слѣпая и тщетная предосторожность, Долгое время скрывалъ я тебя въ сокровеннѣйшемъ мѣстѣ одной пустыни, дабы предать тебя ударамъ твоего прїятеля, од-

одного бѣднаго, котораго приказалъ я вмѣстѣ съ тобою воспитать, - - - - Забудемъ на всегда тѣ опасности, коимъ ты былъ подверженъ, а преступникъ долженъ умереть. — Ахъ! родитель мой, вскричалъ Принцъ, ахъ! Государь! тебя обманываютъ. Агенору желаютъ погибели - - - - - - Какъ? онъ? онъ станетъ посягать на мою жизнь? онъ, который тойже самой минуты защитилъ оную съ опасностїю своей собственной? Нѣтъ, Государь! нѣтъ, я знаю моего друга; заслуги его слишкомъ велики, и можетъ быть приводятъ къ зависти какое нибудь чудовище, которое не способно узнать всей цѣны онаго; я самъ порукою въ Агеноровой невинности.

Когда великодушный сей Принцъ защищалъ такимъ образомъ своего друга, пронесся въ то время слухъ по всему городу объ Агеноровомъ преступленїи; народъ

родъ толпами собравшись требовалъ правосудія, и Король, для успокоенія мятежа своихъ подданныхъ, приказалъ объявить, что виновникъ вскорѣ получитъ достойное наказаніе по всей строгости законовъ.

Осмира скрылась въ сокровеннѣйшее мѣсто въ палатахъ отца своего, и получила позже всѣхъ извѣстіе, касающееся болѣе всѣхъ до нее. Сперва опасались въ ея жизни, однако вскорѣ пришла она опять въ чувство, и поелику догадывалась она, отъ какой руки происходитъ ударъ, угрожающій предмету ея нѣжности, то и не почитала она Агенора иначе, какъ на окровавленномъ срубѣ. Онъ теперь умеръ, кричала она, и я та самая, которая чрезъ то, что попустила примѣтить сильную любовь, пронзаю мечемъ грудь его ..... Нѣтъ, дражайшій любовникъ! хотя я навлекла на себя и гнѣвъ боговъ, но ты не будешь жертвою

че-

честолюбія варвара.— Тысяча ужасныхъ мечтаній умножали ея смятеніе; она забыла долгъ къ своему полу, достоинству и благосостоянію. Она не была уже болѣе разумная и добродѣтельная Осмира, но свирѣпая львица. которая бѣжала въ темницу, гдѣ содержался ея любовникъ и приняла на себя имя своего отца, дабы безпрепятственно пройти въ преисподнюю, гдѣ воздыхалъ злощастный Агеноръ.— Узнай меня дражайшій любовникъ, сказала она ему. . . . Въ сіе ужасное мгновеніе должна я тебѣ признаться въ моей къ тебѣ любви; нещастіе твое дѣлаетъ тебя онаго достойнымъ, и я пришла очистить преступленіе моего отца! . . . . Это онъ, онъ самъ . . . . . его честолюбіе ведетъ тебя насмерть, дабы взойти мнѣ напрестолъ, коимъ я гнушаюсь; онъ одинъ побудилъ убійцевъ къ злодѣйству, которыхъ рука твоя поразила и обратила въ бѣгство. Жребій его въ твоихъ рукахъ; я

все

все то сдѣлала, что долгъ мой мнѣ велѣлъ . . . . однако вспомни притомъ, вспомни Агеноръ, что сей свирѣпой, есть мой отецъ.— Ахъ сколькобы онъ ни былъ лютъ, однако я должна его почитать. Естьли тайна сїя дойдетъ до Короля, то мы обое погибнемъ; покрайней мѣрѣ понесешь ты безчестїе отъ того на всегда; я возьму тайну сїю съ собою во гробъ . . . . . Варваръ! недовольно ему было обезопасить предпрїятїе свое моею смертїю; онъ хотѣлъ еще, чтобъ и законы сдѣлали смерть сїю поносною . . . . Ахъ прекрасная Осмира, забудь любовь, которая произошла подъ весьма печальнымъ предзнаменованїемъ; живи, дабы быть щастливою, и царствуй съ любезнѣйшимъ принцемъ, который достоинъ быть твоимъ супругомъ.

Между тѣмъ собравшїйся сенатъ единогласно осудилъ мнимому злодѣю умереть на эшафотѣ отъ руки первосвящен-

щен-

щенника, яко благосостоянію государства посвященной жертвѣ; Орксусъ приказалъ убійцевъ допросить; они показали, что Агеноромъ подкуплены были, а исполненіе Оракула, которой такого роду злодѣйства казалось пророчествовалъ, не оставляло болѣе никакого сомнѣнія въ дѣйствительности сего ужаснаго предпріятія. Наконецъ получилъ Принцъ съ великимъ трудомъ, что совершеніе приговора отложено было до другаго дни.

Выходя изъ Сената, наполнилъ сей нѣжный и отчаянія исполненный другъ, палаты своимъ крикомъ, проклиналъ свою породу, и ожесточился на радость, которую видѣлъ онъ у всѣхъ на лицахъ начертанную. Жестокіе Граждане, вскричалъ онъ, какая адская радость оживляетъ васъ? когда я еще живъ, то кому долженъ я моею теперешнею жизнію? моему другу, моему избавителю; а вы посту-

ступаете съ нимъ какъ съ убійцею! . . . . Ахъ! естьли онъ умретъ, то вы будете моими мучителями; удары, кои вы ему предуготовляете поражаютъ мое сердце,

Отчаяніе его повлекло въ темницу. Онъ спѣшилъ къ преисподней, гдѣ Агеноръ, утѣшая Осмиру, просилъ ее удалиться изъ мѣста, гдѣ болѣе медлить ей было непристойно. *Принцъ* вышедши, хотѣлъ броситься въ объятія своего друга, ... но вдругъ увидѣлъ Осмиру. Смертная дрожъ разлилась по его жиламъ; языкъ его онѣмѣлъ, смятенные его взоры, едва могли проницать облако, сокрывавшее отъ него сіи бѣдственные предметы; страшное молчаніе умножило еще ужасъ ихъ окружающій. Наконецъ произнесъ онъ удрученнымъ отъ печали голосомъ: Агеноръ! - - - - - - Осмира! . . . . Сильные боги, какое ужасное подозрѣніе? . . . . . Осмира! какое сильное побужде-

денїе влечетъ тебя въ сїе вмѣстилище ужаса? чего ты ищешъ здѣсь? - - - - - Небо! не уже ли вы обое мои предатели? Когда я пришелъ сюда, дабы или избавить моего друга, или съ нимъ умереть, то неужели нахожу здѣсь вѣроломныхъ? — Постой Принцъ, вскричалъ Агеноръ, дай нещастному умереть безъ обиды. Я иду на смерть безъ роптанїя - - - - - Однако чувствую, что она будетъ для меня ужасна; я умираю предъ глазами твоими достойнымъ наказанїя. Такъ свирѣпой, я люблю Осмиру! вотъ мое преступленїе . . . . . Но вскорѣ не будешъ ты болѣе презрѣннаго соперника опасаться, коего можетъ быть почитаешъ теперь своимъ убїйцею. Придетъ время, что будешъ ты сожалѣть о злощастномъ Агенорѣ. Ты узнаешъ всю лютость моихъ враговъ; но свирѣпому жребїю моему угодно, чтобъ я предоставилъ попеченїе времени, доказать тебѣ мою невинность.

Между тѣмъ Дорусъ по полученіи извѣстія о поступкѣ своего сына и Осмиры, далъ повелѣніе ихъ изъ темницы вывести. Тотъ, которому поручилъ онъ приказъ сей исполнить, пришелъ въ самое то время, какъ Принцъ въ объятіяхъ Агенора просилъ у него за несправедливое подозрѣніе прощенія. Ужасное состояніе, въ коемъ находился его другъ, мало по малу истребило въ немъ всю ту ревнивость, которую съ начала возбудило въ немъ присутствіе Осмиры. Но Осмира отъ отчаянія видѣть смерть своего любовника, и отъ стыда, что нечаянно засталъ ее Принцъ, не въ состояніи была отвѣчать. Между тѣмъ посланный отъ Короля принуждалъ ихъ повиноваться повелѣнію Монарха. Агеноръ просилъ ихъ о томъ самъ. Ступайте, сказалъ онъ имъ, вы единственные предметы, коихъ потеря несносна моему сердцу, и никакъ не старайтесь отваживаться на

то,

то, чтобы обидить могло Доруса. Вотъ печальный жребiй королей! и самые справедливѣйшiе могутъ быть обмануты. Но какая мнѣ въ томъ нужда, какъ бы ни думалъ обо мнѣ весь свѣтъ, естьли только вы почитаете меня невиннымъ?

Насталъ уже день долженствующiй освѣщать смертную казнь Агенора, и достигъ уже половины своего теченiя; уже сооружено было возвышенное мѣсто посреди открытой площади, на которомъ должна пасть жертва. Всегда къ таковымъ печальнымъ позорищамъ жадный народъ наполнилъ окружность онаго, и съ нетерпѣливостiю ожидалъ минуты, въ которую появиться долженъ преступникъ. Внезапной шумъ предвозвѣстилъ его прибытiе. Показался онъ на траурной колесницѣ, окруженной помощниками смерти. Когда нещастный Агеноръ пришелъ подъ эшафотъ, то всходилъ на него

то постоянными шагами и съ веселымъ видомъ. Всеобщая тишина воспослѣдовала по народномъ шумѣ; всѣ устремили глаза на преступника; какъ вдругъ слышенъ былъ издали сильной шумъ, и вскорѣ пронесся до самаго мѣста, гдѣ долженъ былъ свершиться смертный приговоръ. Это была толпа воиновъ, которые съ вооруженною рукою, со щитами на главахъ и съ покрытыми лицами пробившись сквозь народъ и прибѣжавши къ самому Эшафоту вскричали: постойте, варвары! при сихъ словахъ вскочилъ предводитель ихъ на верхъ, толкнулъ Первосвященника и помощниковъ его въ сторону, разбилъ Агеноровы оковы, и хотѣлъ его принудить за нимъ слѣдовать. Дорусъ, получивши о семъ нечаянномъ нападенiи извѣстiе отдалъ караульнымъ своимъ приказъ, итти противъ мятежниковъ.

Сра-

Сраженіе продолжалось недолго; при первыхъ ударахъ палъ оный воинъ, который казался быть предводителемъ; прочіе, коихъ при сей потерѣ поразило отчаяніе, здались безъ всякаго сопротивленія, и кричали: нещастные! что вы сдѣлали? вы видите у ногъ своихъ сына вашего Короля!

Всѣ бросились къ убіенному; сняли съ него щитъ; узнали въ немъ Принца; ужасной вопль возвѣстилъ народу, что наслѣдника престола не было уже болѣе въ живыхъ, всѣ спѣшили во дворецъ, чтобъ обьявить Дорусу сіе печальное приключеніе. — Жестокіе боги! вскричалъ онъ, утолился ли гнѣвъ вашъ? вы лишаете меня сына, избравъ самаго меня орудіемъ, чтобъ пронзить ему сердце! —

Съ трепетомъ поспѣшалъ онъ къ открытому оному мѣсту со всею свитою своего двора. Орксусъ, наказанія до-

стойный Орксусъ шелъ съ нимъ вмѣстѣ. Присутствїе Короля, перемѣнило крикъ въ слезы и воздыханїя; онъ узрѣлъ своего сына безъ чувствъ лежащаго. — Ахъ! нещастный! вскричалъ онъ, повергшись на окровавленное тѣло, какая слѣпая ярость побудила тебя спѣшить на смерть? ------ Слишкомъ бѣдственное дружество! ты хотѣлъ избавить твоего убїйцу, а самъ погибъ! —

Въ сїе самое время продирался сквозь толпу народа Первосвященникъ, и приближась къ мѣсту, гдѣ Дорусъ держалъ еще въ объятїяхъ своего сына, и казался что хочетъ послѣдовать за нимъ во гробъ, привлекъ на себя вниманїе всего народа; онъ далъ рукою знакъ, дабы съ молчанїемъ выслущали его и обратясь къ Дорусу, сказалъ: великїй государь! отри слезы твои; сынъ твой еще живъ; тотъ, коего потерю ты оплакиваешъ, и котораго прижимаешъ ты къ своей груди

ди, есть посторонній человѣкъ, котораго милосердные боги благоволили избрать на жертву. Тутъ вынулъ онъ изъ подъ платья письмо. Вотъ говорилъ онъ Государю, узнай сіе достопочтенное писаніе. Изумленный Король, распечатавъ письмо, узналъ руку королевы. Ахъ! дражайшая супруга! вскричалъ онъ, ты хочешъ сыну своему дать новую жизнь? онъ началъ читать письмо и нашелъ въ ономъ слѣдующія слова: Дражайшій супругъ, я ничего не беру съ собою во гробъ, кромѣ страха объ опасности угрожающей моему сыну. но причтется ли мнѣ въ благоразуміе, или въ неосторожность, довольно того, я убѣдила его кормилицу, воспитать двухъ младенцовъ; одинъ изъ нихъ есть нещастный сирота, коего родители неизвѣстны. Сего должна она была выдать за Принца, воспитывая между тѣмъ нашего сына, вмѣсто своего собственнаго дитяти подъ именемъ Агеноръ. Я вручила письмецо сіе Первосвященнику съ приказаніемъ

сїю важную тайну не прежде открыть, пока онъ почтетъ за нужное. Такъ государь! я почелъ сїе за долгъ мой, сохранить тайну сїю до сей самой минуты. Разсуди, могъ ли я, получивъ повелѣнїе совершить сїю презрѣнную жертву произнести ударъ. Я зналъ, что сынъ твой небылъ достоинъ наказанїя; однако боги немогутъ ошибаться; и я думалъ обождать, пока бы они сами изъяснились. Они должны были имѣть жертву; они обязаны тѣмъ дружеству, и сынъ твой даруется тебѣ на всегда.

При сихъ словахъ бросился Агеноръ къ ногамъ Дсруса. Ахъ! родитель мой! сказалъ онъ ему, естли позволено мнѣ называть тебя столь сладкимъ именемъ, то удостой выслушать сына, который не достоинъ бы былъ сего имени, есть-ли бы могъ ты имѣть на него подозрѣнїе, что онъ достоинъ наказанїя. Тщетно стараюсь я съ воздыханїемъ молчать; вышлушай меня, великїй Государь! и

уз-

узнай истинну; время уже открыть оную; я ею дожен тебѣ, твоеиу народу,, мое_му бездушному другу и самому себѣ. Будучи готовъ претерпѣть поносную смерть, умеръ бы я безвинно, я умеръ бы какъ жертва одного вѣроломнаго человѣка; я былъ бы пожертвованъ жестокому его честолюбiю. Такъ, измѣнникъ, посрамленiе твое да будетъ наказанiемъ за твое преступленiе. Государь! я дерзнулъ любить его дочь. Осмира казалась быть къ нѣжности моей столько чувствительна, что предпочла меня тому, котораго почиталъ ты своимъ сыномъ, и который съ твоего соизволенiя предлагалъ ей свою руку и престолъ. Орксусъ хотѣлъ насъ за то наказать; онъ рѣшился погубить. Онъ подкупилъ нещастныхъ убiйцевъ, и видалъ меня за ихъ предводителя, а дабы совершить свое злодѣйство, хотѣлъ онъ, чтобъ ты самъ вспомоществовалъ его лютости, и нанесъ бы невинности удары. Говори, Орксусъ, отвѣ-

чай, естли можетъ, на сїю ужасную истинну! —

Взоры всѣхъ устремились на Орксуса, который по краткомъ молчанїи вдругъ вынулъ мечь свой, подошедъ нѣсколько ближе къ Королю, сказалъ ему: Дорусъ! дочь моя невинна, но одинъ я ---- я наказываю себя.

Народъ хотѣлъ на него броситься; но Король требовалъ, дабы его почтили, ибо потерявши его весьма будетъ сожалѣть; и при томъ говорилъ, что преступленїе его онъ забываетъ. Нашедъ въ Агенорѣ столь достойнаго нѣжности своей сына, предался онъ вскорѣ радости послѣ ужаса, который по справедливости причинило ему сїе печальное позорище.

Принцъ приказалъ похоронить тѣло своего друга на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ потерялъ онъ свою жизнь, желая избавить его отъ смерти, и соорудить

надъ

надъ нимъ великолѣпный столпъ. Онъ употреблялъ все то, что только любовь вымышлить могла къ утѣшенію Осмиры, которая какъ только позволили обстоятельства, увѣнчала его желанія бракомъ, который надолгое время основалъ ихъ взаимное благополучіе и благосостояніе ихъ подданныхъ.

X

НАГРАЖДЕННАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ (*)

Нѣкогда въ Фуси, одномъ не большомъ городѣ въ провинціи Кіянгѣ-нанъ, обитала одна фамилія изъ средняго состоянія людей. Оная состояла изъ трехъ братьевъ; стара-

---

(*) *Гопорятъ, что сія Исторія переведена съ Китайскаго на Аглинской языкъ для одной госпожи, которая желала научить ея письменному стилю* сего *народа.*

ршій назывался Лїу алмазъ, средній Лїу сокровище, а меньшій Лїу жемчугъ. Два старшіе были женаты, а третій былъ еще молодъ для супружества. Жена старшаго называлась Квангъ, а другаго Іїангъ; онѣ обѣ были весьма пригожи.

Лїу сокровище имѣлъ пристрастіе къ вину и игрѣ и провождалъ въ томъ свое время. Жена его имѣла почти такіяжъ свойства, и почитала добродѣтель столькоже мало, сколько невѣстка ея держалась оной съ благоговѣніемъ. Между тѣмъ жили онѣ однако вмѣстѣ со всѣми наружными знаками ни мало не подозрительнаго согласія, и мужья ихъ слѣдовали томужъ примѣру.

Квангъ имѣла одного сына, именемъ Ги-кулъ, что значитъ, дитя радости, которой достигъ уже четвертаго года своего возраста. Какъ онъ въ одинъ день на улицѣ забавляясь, смотря на Мандариновъ

новъ мимопроходившихъ, между множествомъ зрителей затерялся.

Неутешные его родители тщетно дѣлали всяческія въ таковыхъ случаяхъ обыкновенныя изслѣдованія, и когда отецъ долгое время оплакивалъ своего сына, и ему все въ его домѣ о немъ напоминало, то рѣшился онъ оставить оной по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Онъ занявъ у пріятелей своихъ нѣкоторую сумму денегъ, поѣхалъ по городамъ, гдѣ промышлялъ небольшою торговлею въ надеждѣ во время своихъ поѣздокъ услышать что нибудь о своемъ сокровищѣ, котораго онъ лишился.

Занять будучи единственно сими мыслями о своемъ сынѣ, мало заботился онъ о выгодахъ изъ торговли получаемыхъ, продолжалъ однако оную пять лѣтъ неудаляясь далеко отъ своего дому, въ которомъ ежегодно провождалъ осеннее время.

Но

Но когда ненадѣялся онъ болѣе найти сына своего въ своемъ отечествѣ а равно и отъ жены своей получить другаго, то принялъ намѣреніе производить торговлю подалѣе, пребывая всегда въ тѣхъ мысляхъ, что гдѣ нибудь щастливый случай возвратить ему дитя сіе въ такое время, когда онъ менѣе всего надѣяться будетъ

Одинъ весьма богатой купецъ, встрѣтившійся съ нимъ на дорогѣ и вскорѣ узнавшій всѣ его способности къ торговлѣ, сдѣлалъ ему столь выгодныя предложенія, что Ліу согласился вступить съ нимъ къ коммерческое товарищество.

По прибытіи ихъ въ провинцію Хангси, удавалось имъ все по ихъ желанію; они получили отъ товаровъ своихъ весьма достаточный барышь. Но поелику означены были платежемъ сроки на два года по причинѣ заразительной болѣзни, коею Ліу самъ вскорѣ занемогъ, то товарищъ

его

его принужденъ былъ оставить его тамъ какъ для сбереженія его здоровья, такъ равно и для полученія тѣхъ денегъ; и такъ непрежде трехъ лѣтъ могъ отправиться Лïу въ путь и возвратиться въ свое отечество.

Въ одинъ день, какъ онъ для отдохновенія отъ дорожнихъ безпокойствъ въ предмѣстіи города Тегин-Лицеу сѣвши подъ деревьями, увидѣлъ подлѣ ногъ своихъ поясъ изъ синяго сукна наподобіе длинной и узкой сумки, какія у насъ носятъ подъ платьемъ для денегъ. Сей кошелекъ былъ тяжелъ. Лïу удалившись отъ дороги, въ намѣреніи оной осмотрѣть, нашелъ въ ономъ около двухъ сотъ таэловъ.

При семъ взглядѣ овладѣла его сердцемъ радость. Послѣ сихъ первыхъ возбужденій, размышлялъ онъ самъ въ себѣ: щастливый жребій мой подаетъ мнѣ со-

сровище сїе въ мои руки, и я могу его присвоить себѣ безъ всякаго страха - - - - - Но долженъ я при томъ представить себѣ, сколь велика должна быть печаль того, который оное потерялъ! говорятъ, что наши праотцы, когда имѣли таковыя находки, то брали оныя, для того только, чтобъ возвратить ихъ кому принадлѣжали, а сїе мнѣ кажется въ теперешнемъ случаѣ, тѣмъ справѣдливѣе будетъ, что я уже прихожу въ старость; не имѣю никакого наслѣдника, и деньги сїи по тому только мнѣ принадлежатъ теперь, что не нашелся еще хозяинъ оныхъ.

Въ тожъ самое время, подошедши къ тому мѣсту, гдѣ поднялъ оной поясъ, провелъ цѣлой день въ ожиданїи непридетъ ли кто нибудь и не станетъ ли спрашивать о потерѣ, но тщетно; и такъ спустя послѣ того день продолжалъ онъ путь свой далѣе.

По

По шестидневиомъ путешествіи, прибылъ онъ около вечера въ Нанъ-су-Цегсу, и сталъ на квартирѣ въ постоялому дворѣ, гдѣ нашелъ разныхъ купцовъ, коихъ разговоръ былъ предметомъ о разныхъ коммерческихъ приключеніяхъ. Одинъ изъ оныхъ сказалъ съ воздыханіемъ: Ахъ! я недавно испыталъ жестокое о томъ доказательство. Сего дня пять дней минуло, какъ я на дорогѣ въ Цегинли-Ку усталъ, и дабы спокойнѣе отдохнуть развязалъ мой поясъ. Одинъ Мандаринъ, мимо меня проходившій съ своею свитою, вдругъ привелъ меня въ такой безпорядокъ, что я отъ того забылъ взять свой поясъ, и не прежде, какъ въ вечеру уже раздѣваясь примѣтилъ свое безуміе, которое стоитъ мнѣ двухъ сотъ таэловъ. Я хотѣлъ опять воротиться, но подумавъ, что дорога сіяни когда не бываетъ безъ проѣжжихъ, неразсудилъ за полезное продолжать свой путь обратно для того

 един-

единственно, дабы искать того, о чѣмъ я увѣренъ былъ, что никогда уже найти не могу.

Всѣ сожалѣли объ немъ, а Лїу старался сыскать случай спросить какъ о его имени, такъ и о городѣ, въ которомъ онъ живетъ.

Купецъ сказалъ ему, что имя его Цегинъ, а живетъ въ Іїянгцегсу, гдѣ имѣетъ лавку съ довольнымъ числомъ товару. Но могу ли и я равнымъ образомъ узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Лїу объявилъ ему о своемъ имени, и что онъ былъ житель изъ Фу-си; что дорога туда идетъ чрезъ Иянг-цегсу, и что онъ почелъ бы за удовольствїе проводить его до самаго дому.

Цегинъ принялъ предложенїе сїе съ учтивостїю. Они выѣхали на другой день, и вскорѣ прибыли въ Иянг-цегсу.

Послѣ оказанія обыкновенныхъ учтивостей, просилъ Цегинъ своего спутника къ себѣ на ужинъ, и во время онаго Ліу завелъ рѣчь о потерянныхъ деньгахъ.

Какого цвѣту, сказалъ онъ, былъ оной поясъ, въ коемъ спрятаны были деньги, и какъ былъ онъ сдѣланъ?

Онъ былъ синій, отвѣчалъ Цегинъ, и отличался отъ всякаго тѣмъ, что на одномъ концѣ онаго вышито было шолкомъ мое имя.

Ну, узнаете ли вы его? Сказалъ Ліу снявъ съ себя и бросивъ оной на столъ.

Подлинно, это онъ! вскричалъ Цегинъ. Итакъ я имѣю теперь болѣе удовольствія, оной вамъ возвращая, сказалъ Ліу, обнимая его, нежели сколько радовался я нашедши его на дорогѣ въ Цегин-ліу.

Съ чувствительнѣйшею радостію и благодарностію принужалъ его Цегинъ

принять по крайней мѣрѣ половинную часть суммы; однако Лїу никакъ на то не согласился. Принесли самаго лучшаго вина, и они изряднымъ образомъ роспивали его о здоровьи другъ друга.

Цегинъ время отъ времени становился задумчивымъ, и думалъ самъ въ себѣ: гдѣ мнѣ сыскать въ наши времена истиннаго друга? Но долженъ ли я быть ему обязаннымъ за такое его благопрїятство, не оказавъ ему за то какимъ нибудь образомъ моей признательности? Дочери моей исполнится скоро тринатцать лѣтъ, и естьлибы имѣлъ онъ сына, то могъ бы я сдѣлать его щастливымъ.

Любезный другъ! сказалъ онъ съ горячностїю, вы конечно имѣете сына; сколько бы ему было отъ роду лѣтъ?

При сихъ словахъ покатились у Лїу изъ глазъ слезы. Ахъ! сказалъ онъ воздыхая, я имѣлъ одного только сына, котораго

любилъ очень нѣжно. Восѣмь лѣтъ тому назадъ, какъ вышелъ онъ однажды изъ дому, такъ, что никто того не примѣтилъ, дабы посмотрѣть на мимопроходившихъ Мандариновъ; бѣдное дитя пропало; никогда не получалъ я о немъ никакого извѣстія, и къ большему еще нещастію съ того времени не имѣю другаго.

При сихъ словахъ сдѣлался Цегинъ еще задудчивѣе. Напослѣдокъ началъ онъ продолжать рѣчь свою: — Братъ мой! другъ мой! благодѣтель мой! сказалъ къ нему съ горячностію, сколькихъ лѣтъ былъ сынъ вашъ какъ вы потеряли его? — Четырехъ лѣтъ. — Какъ его звали? какое имѣлъ лице? — Я далъ ему имя Ги Кулъ, на немъ была оспа, однако оной не было почти примѣтно, видъ его былъ пріятенъ.

Цегинъ показывая себя при сихъ отвѣтахъ равнодушныхъ, говорилъ тихо нѣчто одному слугѣ, которой тотчасъ

и вышелъ. Лїу изумленный отъ различныхъ вопросовъ, кои дѣлалъ ему его хозяинъ; и отъ горячности, которую сколько нистарался Цегинъ удерживать вдругъ пришелъ въ радость, незная и самъ, что ему изъ того нонимать должно; вдругъ одинъ молодой служитель, которой казался быть двенатцати, или много тринатцати лѣтъ, сталъ позади своего господина. Онъ былъ хорошо одѣтъ, имѣлъ скромной видъ, и весьма прїятныя поступки; черные и огненные его глаза проницали Лїу до самой души.

Молодой человѣкъ, при взглядѣ на гостя, приближась къ нему сдѣлалъ низкой поклонъ и сталъ опять подлѣ своего господина, онъ смотрѣлъ на Лїу учтивымъ образомъ пристально. По томъ оборотился онъ къ Цегину и сказалъ: Батюшка! въ чемъ можетъ вамъ теперь служить Ги-Кулъ.—Я тотчасъ скажу те-

тебѣ, отвѣчалъ ему господинъ его, оставайся здѣсь и подожди моихъ приказаній.

При имени Ги-Кулъ, почувствовалъ Лїу несамоизвольное безпокойствїе, и неизвѣстныя тайныя побужденїя. Внутреннее чувствованїе природы начертавало ему опять образъ его сына, его лице, его движенїя и его станъ. Все нашлось опять вмѣстѣ въ предметѣ, который разсматривалъ онъ съ жадностїю отъ головы до ногъ, и ничто не противорѣчило его надеждѣ, какъ только названїе отца, коимъ назвалъ молодой человѣкъ своего мнимаго господина.

Китайцы всѣ вообще застѣнчивы и весьма уважаютъ вѣжливость. Лїу не отважился спросить своего хозяина, точно ли сїе дитя былъ его сынъ, ибо неудивительно, что два человѣка могутъ называться одинакимъ именемъ, и, что

еще болѣе бругъ на друга быть похожими.

Занимаясь такими размышленіями, Ліу забылъ почти, гдѣ находился; крайнее его замѣшательство обнаружилось во всемъ его видѣ. Глаза его устремлены были на юношу, котораго разсматривалъ онъ съ величайшимъ наблюденіемъ. Ги-Кулъ напротивъ того, не смотря на скромность и робость свойственную его возрасту не выпускалъ ни наминуту изъ глазъ своихъ Ліу, какъ бы природа внушающая его сердцу говорила ему: человѣкъ этотъ есть твой отецъ.

Ліу не могъ болѣе терпѣть. Другъ мой, сказалъ онъ ему съ горячностію, подлинно ли этотъ молодой человѣкъ твой сынъ? — Я содержу его такъ какъ сына; однако онъ необязанъ мнѣ жизнію.

Около семи лѣтъ тому назадъ, какъ пришелъ ко мнѣ одинъ человѣкъ, который

рый проѣжжая чрезъ сей городъ заѣхалъ нечаяннымъ случаемъ въ мой домъ, и просилъ меня, сдѣлать ему въ крайней его нуждѣ пособіе. Жена его сказалъ онъ мнѣ, недавно умерла и оставила ему сіе дитя; худыя его обстоятельства принудили оставить на нѣкоторое время отечество свое и ѣхать въ Гоай-ганъ къ родственникамъ, отъ коихъ надѣялся онъ получить денегъ столько, сколько ему надобно было для поправленія своего состоянія; но онъ будучи не въ силахъ продолжать своего пути, просилъ меня оказать ему милость дать въ займы нѣсколько таэловъ, кои при возвращеніи своемъ обѣщался опять возвратить. Въ доказательство того, что сдержу свое слово примолвилъ онъ, удержите между тѣмъ, что мнѣ милѣе всего на свѣтѣ, удержите единственнаго моего сына порукою. Ничто не будетъ болѣе меня тревожить, когда я къ вамъ пришедши

опять заплачу мой долгъ и возьму его отъ васъ обратно.

Состоянїе его тронуло меня. Я далъ ему то, чего онъ отъ меня требовалъ; Онъ со слезами удалился отъ меня. Между тѣмъ, примѣтилъ я однако, что дитя при разлученїи съ нимъ не было ни тронуто ни опечалено. Все, что я отъ него узнать могъ, было то, что оно уведено было отъ родителей своихъ либо тѣмъ самимъ, который оставилъ мнѣ его въ залогъ или кѣмъ нибудь другимъ у коего этотъ человѣкъ похитилъ самъ. Его лѣта, его нещастїе и его скромность возбудили во мнѣ сожалѣнїе; а поведенїе его привязало къ нему мое сердце. Во время сего разговора, держали себя отецъ и сынъ въ объятїяхъ, сердечно плакали и попеременно прижимали себя съ нѣжностїю къ груди.

Лїу какъ только отъ восхищенїя своего пришелъ въ память, то вдругъ

бросился къ Цегину въ объятіе и говорилъ; о любзный другъ! по истиннѣ щастіе мое, которымъ я вамъ одолженъ, велико. И дабы не было въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то растегните его платье и осмотрите лѣвую сторону его груди, вы сыщете красноватое пятнушко на подобіе вишни, съ которымъ сіе любезное и слишкомъ нещастливое дитя родилось, и котораго ничемъ согнать не можно.

При взглядѣ на сей знакъ, которой съ радостнымъ крикомъ показалъ молодой человѣкъ, умножилось сердечное восхищеніе отца съ сыномъ въ неописанной степени. Цегинъ, участвующій въ ихъ радости, воспользовался вскорѣ чувствованіемъ ихъ благодарности и плакалъ отъ радости съ ними.

О! дражайшій мой благодѣтель! сказалъ онъ наконецъ къ Лïу, небо награждаетъ доброе и похвальное дѣло, которое

рое ты сдѣлалъ, доставивъ мнѣ двѣсти таэловъ, кои всякъ бы другой могъ по справедливости присвоить; небо привело тебя сюда, дабы нашелъ ты то, что самъ потерялъ и чего столь многїе годы тщетно искалъ; и, естьли я вижу въ немъ твоего сына, то жалѣю только о томъ, что со времени его у меня пребыванїя не оказалъ я ему въ тысячу кратъ большей нѣжности.

Повергнись къ ногамъ его, сынъ мой, сказалъ Лїу, докажи твоему благодѣтелю, сколь чисто сердечна есть твоя благодарность.

Цегинъ пригласивъ ихъ опять сѣсть за столъ, и указавъ Ги-кулу мѣсто подлѣ его отца, говорилъ къ Лїу: любезной мой братъ! (ибо съ сего времени стану называть тебя симъ именемъ) дочерѣ моей исполнится скоро тринатцатъ лѣтъ намѣренїе мое есть, выдать ее за твоего

го сына, дабы тѣмъ тѣснѣе мнѣ съ обоими соединиться.

Предложенїе сїе выражено было съ чистосердечїемъ, такъ, что Лїу, который и безъ того отъ радости былъ внѣ себя и обыкновенныя учтивости отлагалъ на сторону, въ тотъ же часъ на то согласился.

Они разошлись весьма уже поздо. Гикулъ спалъ въ комнатѣ своего отца; легко можно представить себѣ сколь прїятна должна быть обоимъ сїя восхитительная ночь при взаимной ихъ нѣжности.

На другой день Лїу намѣренъ былъ съ хозяиномъ своимъ разстаться, однако Цегинъ на сїе несогласился, и приготовилъ новое празденство, для коего нещадилъ онъ ничего, дабы угостить будущаго свекра своей дочери, такъ равно и будущаго своего зятя великолѣпнѣйшимъ

об-

образомъ. на семъ отмѣнномъ празденствѣ господствовала всеобщая радость.

Предъ окончанїемъ пиршества Цегинъ вдругъ вынулъ изъ кармана своего кошелекъ съ двапцатью таэлами и обратясь къ Ги-кулу сказалъ: — любезный мой сынъ, въ продолженїе времени, которое ты у меня жилъ, можетъ быть причинилъ я тебѣ противъ желанїя моего какїя нибудь маленькїя оскорбленїя. Прошу тебя, прими между тѣмъ, пока я тебѣ могу сдѣлать сильнѣйшїя доказательства моей дружбы, вмѣсто удовлетворенія сей небольшой подарокъ, и знай, что отговорка твоя меня обидитъ.

Лїу хотѣлъ говорить, и доказать Цегину сколь совѣстно было принять молодому человѣку предлагаемое, который и безъ того обязанъ ему великою благодарностїю. Но Цегинъ не только принуждалъ будущаго своего зятя принять

нять подарокъ, но и послалъ его еще во внутренніе покои, отдать свой долгъ будущей своей тещѣ, и истребовавъ на то ея согласіе разсказать ей все случившееся.

Лïу, который удалился въ свою комнату, предался размышленіямъ, къ коимъ подало поводъ сіе странное приключеніе. Я долженъ признаться, думалъ онъ, что доставивъ двѣсти таэловъ настоящему ихъ хозяину, учинилъ благое дѣло, за которое небо меня награждаетъ столь выгоднымъ бракомъ моего сына. Вотъ что называется щастье за щастьемъ; точно такъ, какъ бы на хорошемъ и самому по себѣ богатомъ штофѣ, еще захотѣлось нашивать золотые цвѣты. Какъ могу я доказать небу мою несказанную благодарность? Могу ли я дватцать таэловъ, кои даетъ Цегинъ моему сыну лучше употребить, какъ когда роздамъ ихъ добродѣтельнѣйшимъ изъ нашихъ бонзовъ?

Такъ

Такъ, подлинно такъ, я чрезъ сїе сдѣлаю новую на землѣ добродѣтель.

На другой день послѣ завтрака, приготовившись Лїу и его сынъ въ путь, простились съ своимъ хозяиномъ. Они пошли на пристань и нанявъ судно поѣхали.

Но лишъ только нѣсколько часовъ находились они въ своемъ плаванїи, какъ невнятной крикъ многоразличныхъ голосовъ, и нечаянное движенїе рѣки привлекло на себя ихъ вниманїе. Это было другое судно, которое будучи перегружено пасажирами, начинало тонуть. Вопль сихъ нещастныхъ немогъ тронуть народа, на берегу стоящаго, а матросы, какъ родъ дикихъ и корыстолюбивыхъ людей, нехотѣли для нихъ вдаться въ опасность небывъ точно увѣрены о довольномъ награжденїи.

Лїу видя близкую погибель странствующихъ, разсуждалъ самъ въ себѣ:

спа-

спасти жизнь человѣка, есть конечно предъ очами Всевышняго существа благоугоднѣе, нежели благополучіе Бонзовъ. На сіе дѣло употреблю я тѣ дватцать таэловъ, кои получилъ сынъ мой отъ Цегина.

Лишъ только намѣреніе сіе было принято, то бросились не только матросы, но и всѣ почти зрители, которые могли плавать въ водѣ и избавили странствующихъ.

Ліу сдержалъ свое обѣщаніе; отдалъ имъ дватцать таэловъ, и благодарилъ Небо, за добрую мысль, которую въ него вложило.

Избавленные отъ потопленія нещастные, упали къ ногамъ его; одинъ изъ оныхъ посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ ему: Небо! тебѣли брату моему, обязанъ я теперь жизнію моею?

Лїу разсмотря черты лица его, узналъ въ немъ точно меньшаго своего брата Лїу жемчугъ, и былъ отъ радости внѣ себя.

О высочайшїй Тїенъ! вскричалъ онъ, воистинну ты и по нынѣ тотъ, который въ сїю минуту привелъ меня сюда, дабы спасти жизнь моего брата.

По оказанїи долгу благодарности старшему брату, спросилъ Лїу жемчугъ кто таковъ тотъ молодой человѣкъ, котораго онъ видитъ подлѣ него, и который такъ на него похожъ? это мой сынъ отвѣчалъ онъ; небо возвратило мнѣ его такимъ же чуднымъ образомъ, какъ и подало мнѣ случай спасти жизнь твою.

Послѣ сего расказалъ онъ ему исторїю, какимъ образомъ нашелъ онъ сего любезнаго сына, а Лїу жемчугъ слушалъ его съ удовольствїемъ. Но скажи мнѣ пожалуй, прибавилъ онъ къ тому съ ревно-

ностію и прервавъ свою рѣчь, какимъ нечаяннымъ случаемъ нахожу я тебя въ землѣ столь отдаленной отъ нашего отечества?

Расказываніе, сказалъ Лïу жемчугъ, покажется тебѣ особливо скучнымъ. Я скажу тебѣ только, что почетырехлѣтнемъ отсутствіи твоемъ, сказали намъ, что ты въ провинціи Ханг-си отъ одной болѣзни умеръ. Послѣ чего братъ нашъ Лïу сокровище, какъ начальникъ фамиліи, принялъ во время отсутствія твоего на себя стараніе, о семъ дѣлѣ освѣдомиться, и увѣрялъ насъ, что это точно правда.

Это былъ громовой ударъ для твоей жены, которая была неутѣшна и тотчасъ надѣла на себя глубокій трауръ. Что касается до меня, то я всегда сомнѣвался, и не знаю по какому предвѣщанію, никогда не отчаявался тебя опять увидѣть.

Спустя послѣ того нѣсколько времени принуждалъ нашъ среднїй братъ мою невѣстку, чтобъ она помышляла о новомъ бракѣ; однако она всегда съ презрѣнїемъ опровергала сїе предложенїе; однимъ словомъ, она принудила меня наконецъ къ тому, чтобъ предпринять путь въ Ханг-си, дабы могъ я освѣдомиться о твоемъ жребїи въ самомъ мѣстѣ; и въ самую ту минуту, когда я долженъ былъ погибнуть въ волнахъ, нахожу моего брата, которому обязанъ моею жизнїю! между тѣмъ повѣрь мнѣ, что тебѣ недолжно терять ни мало времени, естьли хочешъ видѣть любви достойную и печальную твою жену. Гоненїя, кои должна она претерпѣвать со стороны брата нашего, могутъ привести ее до крайности, въ чемъ повидимому нельзя будетъ сдѣлать никакого пособїя.

Послѣ сего увѣдомленїя приказалъ изумленный Лїу хозяину судна, хотя уже

и поздно было, поднять опять парусы и плыть во всю ночь.

Когда Лїу алмазъ узналъ все сїи приключенїя, тогда жена его Кванг впала въ глубочайшую печаль; ничто немогло ее уверить, что мужъ ея умеръ; но когда Лїу сокровище сделался въ доме хозяиномъ, то уверилъ онъ ее о томъ такъ, что она принуждена была поверить.

Этотъ человекъ имелъ злое сердце и былъ ко всему способенъ. Невестка его была молода и пригожа; родственники ея были слишкомъ отъ нее отдалены, и по тому не могла она отъ нихъ ожидать ни какой помощи. Впрочемъ онъ былъ въ весьма худыхъ обстоятельствахъ; онъ принялъ намеренїе, выдавъ ее замужъ доставить тебе чрезъ то знатную сумму, дабы привести дела свои опять въ порядокъ, и быть въ состоянїи делать издержки по своей роскошной жизни.

Жена его Iянгъ имѣла у него довѣренность, и была такихъ же мыслей какъ и онъ. Онъ открылъ ей свои намѣренiя, и дабы оныхъ достигнуть, научилъ онъ ее, употребить всю способность, и уговорить одного изъ ея прiятелей, которой былъ славной свадебной маклеръ дабы понудить Квангъ, къ принятiю тѣхъ предложенiй, кои должны быть ей вскорѣ объявлены.

Однако Квангъ для сего была неупросима; она требовала справедливѣшихъ доказательствъ о смерти ея мужа, и наконецъ получила, что Лiу жемчугъ долженъ былъ объ немъ самъ освѣдомиться.

Отсуствiе младшаго брата было между тѣмъ причиною, что Лiу сокровище, сдѣлался еще ревностнѣе прежняго къ исполненiю своихъ намѣренiй. Обстоятельства его пришли въ бѣдственнѣйшее положенiе; игра привела его въ крайнее

нее разоренїе; онъ не зналъ болѣе въ какихъ источникахъ искать себѣ пособїя, и не видѣлъ никакихъ болѣе, какъ въ продажѣ своей невѣстки.

Съ симъ намѣренїемъ, привелъ къ нему свадебной маклеръ одного богатаго купца изъ Ханг-си, которой не давно предъ тѣмъ лишился своей жены, и искалъ другой, но съ тѣмъ чтобъ она была пригожа.

Лїу сокровище употребилъ его слабость въ свою пользу; выхвалялъ прелести своей невѣстки, и когда купецъ забралъ нужныя справки, чтобъ не обмануться, то и заплатилъ ему пятьдесятъ таэловъ.

Какъ скоро Лїу сокровище получилъ сїю сумму, то почелъ за нужное предувѣдомить купца, что невѣстка его горда и крайне уважаетъ учтивство; что она весьма противиться будетъ, чтобъ не-

оставить дому умершаго своего мужа, и что может быть трудно будет принудить ее к сему решенію. Вы должны, прибавил он к тому, для прекращенія всяких сопротивленій запастись хорошо убранными и запертыми носилками, имѣть хороших носильщиков, и тихонько пріостановиться у дверей. Женщина, которую увидите вы там в черном платьи, есть моя невѣстка; однако вы с нею ничего не говорите и не слушайте, что она будет вам говорить. Ни мало не медля схватите ее, посадите в носилки и несите ее как возможно скорѣе на свое судно. При звукѣ инструментов, от коих будет шум около носилок, не будет слышно ея крику и она вскорѣ думаю сдѣлается скромнѣе. Сія выдумка купцу показалась. Он пошел, дабы для будущей ночи имѣть все в готовности, а Лїу сокровище возвратился домой, дабы предувѣдомить о том жену свою.

Лишь

Лишь только онъ расказалъ ей все то, что происходило съ купцемъ, и приказалъ, что ей должно дѣлать, объявилъ притомъ, что по нѣкоторымъ причинамъ нехотѣлъ онъ быть дома тогда, какъ придетъ упомянутой купецъ, и вдругъ услыша у окна шумъ, прервалъ тотчасъ свою рѣчь и побѣжалъ смотрѣть тому причины.

Это была его невѣстка, печальная Квангъ, которая, прошла мимо комнатнаго окошка. Опасаясь, не услышала ли она его, наполнился онъ толикимъ страхомъ; что выбѣжалъ весьма скоро на улицу, непомышляя о томъ, что не сбъявилъ еще женѣ своей о томъ что онъ сказалъ купцу, брать ту на которой будетъ черной головной уборъ.

Квангъ съ своей стороны довольно примѣтила, что причиненный ею подлѣ окошка шумъ принудилъ ея шурина перервать вдругъ съ женою своею разговоръ. Изъ голосу, каковымъ онъ говорилъ, довольно уже было примѣтно, что онъ того невыговорилъ, что намѣренъ былъ сказать. Она слышала толь-

ко сїи слова: Вы должны ее въ туже минуту взять и бросить въ носилки; а сего и довольно уже было, дабы опасаться всего отъ своего шурина, и открыть свой страхъ своей невѣсткѣ, которая сперва испужалась, однакожъ въ скорѣ оправилась.—По истиннѣ, сестрица, сказала она ей, я немогу понять твоего страху. Или ты думаешь, что естьли бы мужъ мой и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ такїя намѣренїя, то ты моглабы его отъ того удержать. Къ чемужъ этотъ плачь, отчаянїе? На что бросаться самому въ воду, когда можно сидѣть спокойно на суднѣ.

Слово: судно, которое выговорила невѣстка ея увѣрило ее совершенно что слышанное ею изъ устъ ея шурина ни къ кому болѣе некасается, какъ къ ней самой. Сїе чувствительно ее тронуло.

Въ крайнемъ отчаянїи вышла она скоропоспѣшно вонъ и заперлась въ своей комнатѣ; гдѣ предавшись горчайшей печа-

ча-

чали, невидѣла наконецъ никакого средства, къ избавленїю себя отъ жестокихъ умысловъ сколько злобнаго, столько и всѣмъ сосѣдамъ опаснаго ея шурина, какъ въ наступившую ночь лишить себя жизни.

Веревку, которая нечаянно попалась ей въ руки, привязала она надъ своей постелью къ кольцу; стала на стулъ, сбросила съ головы траурный свой чепецъ на полъ, надѣла петлю нашею и призвавъ высочайшаго Тїэнъ оттолкнула ногою стулъ. Но къ щастїю веревка немогла ее сдержать. Нещастная Квангъ упала на полъ полумертвая. По щастїю, невѣстка ея проходя мимо, испугалась отъ стуку паденїемъ ея ученнаго, и нашедъ дверь заперту, сыскавши отломокъ желѣза, выломила дверь.

Ночь была очень темная. Їянгъ какъ только вошла въ комнату, то запута-

лась, ногами въ платье своей невѣстки, и когда отъ страху опомнилась, то, находилась ужe съ открытою головою. Первое старанiе ея было чтобъ принести лампаду; увидѣвъ при свѣтѣ оной съ ужасомъ сестру свою полумертву на землѣ поверженную, взяла она спирту, помощiю коего произвела въ сей нещастной опять нѣкоторой знакъ жизни.

Услыша нечаянный шумъ произшедшiй въ сiежъ самое время на дворѣ, не сумнѣвалась она, чтобъ то не былъ купецъ пришедшiй за своею женою. Iiангъ бросилась тотчасъ туда, въ намѣренiи, принять его, и отвести въ комнату своей невѣстки, дабы могъ онъ быть свидѣтелемъ тому приключенiю. Но въ крайнемъ своемъ ужасѣ и торопливости, выходя изъ покоя, надѣла вмѣсто своего чепца траурной невѣсткинъ.

Это былъ подлинно купецъ изъ Хангъ-си, пришедшiй за своею добычею. Носилки его были великолѣпно украшены шел-

шелковыми занавѣсами, цвѣтами, и разными тесмами; обвѣшаны разными фонарями; окружены множествомъ служителей, держащихъ зажженные факелы, и шайкою музыкантовъ, которые ожидали только купцова приказанія, чтобъ загремѣть на своихъ трубахъ, барабанахъ и свирѣляхъ. Музыканты сіи были поставлены въ долѣ у ограды, и наблюдали величайшую тишину.—Купецъ одинъ только подошелъ къ дверямъ и тихонько постучался; но увидя отпертую дверь вошелъ съ нѣсколькими слугами съ факелами.

Лишь только Іиангъ показалась, то купецъ бросился, увидѣвъ ее въ траурномъ чепцѣ и притомъ плѣненъ будучи ея пригожимъ видомъ, какъ хищная птица на невиннаго глубя; служители его тотчасъ помогли ему и бросили въ носилки. Она тщетно кричала; вы ошиблись, я не та,

ко-

которую вы ищете; шумъ, которой производили ея тащившіе, и музыканты инструментами своими, былъ причиною, что не можно было ее слышать; какъ между тѣмъ носильщики, которымъ обѣщанія купцовы придали крылья, принесли ее на судно.

Во время сего произшествія, Квангъ чрезъ полученную отъ невѣстки своей помощь пришла опять въ память. Сильной шумъ возбудилъ въ ней опять страхъ, но когда она изъ окошка увидѣла, что церемонія и шумъ удалились, то мало по малу ободрившись, хотѣла итти къ невѣсткѣ, и спросить ее о причинѣ онаго.

Какъ она не однократно, но тщетно ее кликала, то пришло ей на мысль, что можетъ быть купецъ ошибся, взявъ ея невѣстку вмѣсто ее самой; не менѣе однако опасалась она возвращенія Лїу сокровища, котораго воображала она за сїю ошибку уже бѣснующимся.

Запершись опять въ своей комнатѣ, и собравъ всѣ свои дорогія вещи проводила остатокъ ночи въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

Лишь только начало разсвѣтать, то Квангъ встала и начала искать траурнаго своего чепца, какъ вдругъ нѣкто сталъ стучаться и кричать: отопри это я; это не иной кто былъ, какъ страшный ея Шуринъ.

Она недолго помышляла что дѣлать. Попустила ему стучать сколько хочетъ. Лïу сокровище будучи уже полупьянъ, кричалъ и шумѣлъ до тѣхъ поръ, пока невѣстка его отъ того соскучила и на конецъ неотпирая дверей спрашивала, кто осмѣливается производить такой шумъ у дверей честнаго гражданина.

Лïу сокровище услыша голосъ сей женщины, почувствовалъ въ себѣ дрожъ; оправясь однакожъ отъ страха своего, ска-

сказалъ потихонько: отопри любезная моя невѣстушка, я принесъ тебѣ радостное извѣстіе: Лїу жемчугъ возвратился, и старшій братъ нашъ находится здоровъ .... Отопри пожалуй скорѣе, прошу тебя.....

Когда за сіи слова легковѣрная Квангъ отперла ему, то взявши скоропоспѣшно оставленный невѣсткою ея чепецъ, побѣжала съ торопливостію съ лѣсницы, дабы встрѣтить любезнаго своего Лїу. Но какъ ужаснулась она и досадовала, не видя ни кого другаго, кромѣ своего шурина!

Обыскавъ весь домъ свой и не нашедши ни гдѣ жены своей притомъ видя чепецъ ея на головѣ Квангъ, спросилъ онъ съ трепетомъ, куда дѣвалась Іянгъ? о томъ вы должны лучше меня знать, отвѣчала она, ибо вы сами начали и совершили сей похвальной поступокъ.

Злодѣй, совершенно будучи увѣренъ о нещастномъ приключеніи, непритворялся

болѣе. Покрайней мѣрѣ, я имѣю еще надежду, кричалъ онъ изо всего горла; у меня остается еще невѣстка; за ту цѣну, которую надѣюсь я за нее получить, могу сыскать другую жену, и ни кто не узнаетъ, что я продалъ свою. Я потерялъ въ сїю ночь всѣ тѣ деньги, кои далъ мнѣ купецъ изъ Ханг-си; онъ уже далеко съ моею женою; я не увижу ее болѣе ------ Тмощай; ты недолго ожидать будешь моего отмщенїя.

Сей жестокосердный человѣкъ, пошелъ съ тѣмъ, дабы сыскать случай продать вновь свою невѣстку. Но лишъ только вышелъ онъ за двери, то вдругъ остановили его пять человѣкъ, которые шли въ его домъ. Это былъ большой его братъ Лїу Алмазъ, Лїу Жемчугъ, и его племянникъ Ги-кулъ, съ двумя служителями, которые несли за ними ихъ пожитки.

Лїу Сокровище, увидѣвъ ихъ, отъ страха окаменѣлъ; онъ опамятовался отъ изумленїя своего для того, чтобъ отъ нихъ уйти и ищезнуть какъ молнїя.

Любви достойная и добродѣтельная Квангъ, восхищенная отъ радости, бросилась въ объятїя своего мужа, который радость ея и изумленїе болѣе умножилъ, представивъ ей своего сына.

Не прежде, какъ по прошествїи цѣлаго часа Лїу Алмазъ могъ расказать ей исторїю своихъ похожденїй; равно и Квангъ не прежде, какъ на другой день могла успокоиться и расказать имъ, всѣ нещастныя приключенїя, претерпѣнныя отъ Лїу сокровища.

Лїу Алмазъ, отдавъ всю ту справедливость и похвалу женѣ своей, кои заслужила она постоянствомъ и добродѣтелью своею, сказалъ: естьлибъ слѣпая при-

прихоть къ богатству польстила меня удержать двѣсти Таэловъ, кои нечаянно я нашелъ, то не могъ бы я сыскать своего сына. Ежели бы скупость удержала меня отдать дватцать Таэловъ, для избавленія, предъ глазами моими тонувшихъ, то братъ мой нашелъ бы смерть свою въ водѣ, и я ни когда бы болѣе не увидѣлъ его. А естьлибы я его не увидѣлъ, то какъ бы могъ узнать о тѣхъ нещастныхъ приключеніяхъ, кои угрожали моему дому? ----- О любезные мои друзья, соединитеся со мною и благодарите провидѣнію,

Что касается до другаго моего брата, который противъ желанія своего продалъ самъ свою жену, долженъ онъ приписать свое нещастіе только самому себѣ. Высочайшій Тіэннъ поступаетъ съ нами такъ, какъ мы заслуживаемъ; ни кто не можетъ избѣжать его правосудія.

Ги-кулъ вскорѣ потомъ получилъ отъ родителей своихъ позволенїе къ отъѣзду за своею невѣстою въ Іянгъ-цегеу. Доброй и великодушной Цегинъ захотѣлъ привезти ее самъ своему другу Лїу Алмазу и любви достойной Квангѣ. Молодые супруги жили долго и щастливо; ихъ потомство существуетъ еще и понынѣ, между которымъ находятся славнѣйшїе ученые и занимающїе знатнѣйшія должности въ Китайскомъ Государствѣ.

XI.

НЕИЗВѢСТНАЯ.

Сиръ Генри Фрелове, одинъ аглинской Баронъ, произведши о себѣ довольное вниманїе, бывши въ блистательнѣйшихъ всякаго рода собранїяхъ первою особою, на тритцатомъ году своея жизни находился въ весьма худыхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Въ одинъ день, какъ онъ

онъ всталъ съ постели, доложили ему о Сиръ Вилліамѣ одномъ изъ прежнихъ его друзей, который недавно пріѣхалъ изъ Америки, куда предпринималъ онъ путешествіе съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы поправить состояніе свое; что совершенно щастливо воспослѣдовало.

По окончаніи перваго радостнаго привѣтствія, и между друзьями, кои другъ друга давно невидали, обыкновенныхъ дружескихъ разговоровъ, Вилліамъ сказалъ: Любезный Генри, хотя нѣтъ еще трехъ дней, какъ я нахожусь въ семъ городѣ, однако знаю можетъ быть еще лучше тебя, въ какомъ положеніи теперь твои обстоятельства. Намѣреніе мое не то, чтобъ тебя укорять въ томъ; я знаю, что главное твое имѣніе столь сильными обременено закладными, что естьли не сыщемъ мы ни какихъ спасительныхъ къ тому средствъ, то подверженъ ты бу-

дешь опасности прежде трехъ мѣсяцовъ оставить оное у твоихъ заимодавцовъ. Ахъ, любезный Сиръ Виллїамъ отвѣчалъ Генри съ воздыханїемъ, какое средство можетъ отвратить зло, коему чаятельно никакъ пособить нельзя? — Выгодный бракъ, любезный другъ?—Поздо уже, любезный Виллїамъ. Какая женщина согласится быть за мною при таковомъ положенїи, въ каковомъ ты меня теперь находишь? —Вдова бальшаго твоего заимодавца, бывшая супруга одного стараго крохобора, который въ тритцатилѣтнее время обогатясь въ городѣ торговлею и лихоимствомъ, и достигнувъ посредствомъ золота дворянства, умеръ три мѣсяца тому назадъ въ великолѣпнѣйшихъ палатахъ неподалеку отъ дворца.

Ахъ! небо· что я тебѣ сдѣлалъ? ты желаешь, чтобъ я на ней женился . . .—

Такъ

Такъ, я того желаю. Выслушай меня; мнѣ довольно извѣстно, что Лади Упстартъ имѣетъ въ себѣ много смѣшнаго; какъ она хвастаетъ своимъ благородствомъ, и, что еще глупѣе, славится юношествомъ въ квартирѣ С. Ямеса. Однако знаю я и то, что невѣроятно велико ея имѣнїе. Сколь многїе изъ нашихъ знатныхъ господъ дѣлаютъ величайшїя издержки, и въ такихъ же худыхъ обстоятельствахъ находясь, какъ и ты, всячески стараются получить ея руку; сколькоже ты, можетъ быть незная того, успѣлъ ей понравиться; сколько наконецъ былобы тебѣ легко, естьлибы ты захотѣлъ только одну недѣлю принудить себя, чтобъ вырвать у твоихъ соперниковъ, сїе золотое руно. Итакъ подумай о семъ хорошенько, любезный Генри; смотри съ одной стороны на избавленное твое имѣнїе и соединенное съ неописанными богатствами, а съ другой, или на нищенскїй посохъ, ли-

бо на стыдъ, быть въ тягость своимъ друзьямъ; теперь медли еще долѣе твоимъ выборомъ, ежели столько смѣлости имѣешь . . . . .—

Выборъ мой уже рѣшенъ, любезный Виліамъ. Но я долженъ тебѣ признаться, въ одной слабости, которой и самъ стыжусь, однако не могу преодолѣть. Я влюбленъ, мой другъ; ты будешь тому смѣяться, я уже вижу, и можешь то дѣлать тѣмъ съ большимъ еще правомъ, что я получая отъ тебя прежде столь часто упреки, незналъ сего восхитительнаго чувства, а теперь чувствую оное единственнымъ предметомъ, коего до сихъ поръ не могъ лучше узнать.—Что ты мнѣ говоришь? ты раскызываешь не возможное, или возобновляетъ любезная твоя съ тобою невѣроятную комедію неизвѣстной госпожи? —

Повѣствованіе мое весьма краткое, любезный другъ; въ Церкви, увидѣлъ я ее;

го-

говорилъ съ нею, и плѣнился, какъ ея разумомъ, такъ и ея видомъ; въ Паркѣ видѣлъ я ее опять и думалъ почти, что успѣлъ ей понравиться; кромѣ, что по сїе время не возможно мнѣ было узнать ея имени, ни фамилїи и ниже того, гдѣ она живетъ.

Приключенїе странное, сказалъ ему Вилліамъ; однако я почитаю тебя болѣе благоразумнымъ, нежели, чтобъ ты случай сей щиталъ важнѣйшимъ, каковымъ заслуживаетъ быть подозрительное сїе приключенїе. Впрочемъ въ твоей волѣ состоитъ окончить сїю Исторїю, только-бы о томъ ничего не думала вдова; ибо вдовы имѣютъ столь проницательной взоръ, что ошибки наши рѣдко отъ нихъ скрываются, а ты долженъ отъ нашей тѣмъ болѣе беречься, что одинъ извѣстной Баронъ, который по скаскамъ его, имѣетъ въ Сѣверной части Англїи вели-

кія богатства, но котораго никто не-знаетъ, цѣлую недѣлю столь сильно къ ней пристаетъ, что я для тебя во всемъ вижу опасность, естьли любовныя дѣла съ твоею незнакомою дойдутъ до ушей госпожи. Прощай, любезной другъ, я стану пользоваться доступомъ, которой доставляютъ мнѣ мои дѣла у лади Упстартъ, на тотъ конецъ, дабы возбудить вновь къ тебѣ ея чувствованія, и побудить ее, къ благосклонному принятію при твоемъ посѣщеніи. Но помни болѣе всего, что соперникъ твой хотя во всемъ настоящая нарядная куколка, однако чрезъ свое не пріятное, глупое ласкательствующее чувство, можетъ ее до того довести, что ей понравится, и что имѣетъ причину думать, что онъ горничную дѣвушку госпожи умѣлъ склонить на свою сторону. Однако естьли ты хочешь показать любовь, и поддержишь то, что я для тебя сдѣлать хочу, то легко можно

но препятствія сіи преодолѣть, и я скоро буду имѣть удовольствіе видѣть тебя такъ щастливымъ, какъ желаю.

Какъ только Сиръ Вилліамъ вышелъ, то Генри нимало немедля, одѣвшись просто, пошелъ въ паркъ С. Ямеса, дабы скрывшись въ кустарникахъ, подумать о предложеніяхъ своего друга. Лишъ только онъ туда пришелъ, какъ не подалеку отъ него чиханіе побудило его приподняться. Онъ увидѣлъ въ напротивъ стоящемъ кустарникѣ ту незнакомую особу, которая столь часто уже убѣгала отъ его поисковъ.

О!. вскричалъ онъ, теперь вѣрно вы отъ меня не уйдете и я недостойнъ бы былъ щастія, которое доставляетъ мнѣ теперешній случай, естьлибы упустилъ воспользоваться щастіемъ, ощущать чувствованія, кои составляютъ восхищеніе и вмѣстѣ мученіе моея жизни.

Я

Я не стану отъ васъ убѣгать, сказала ему неизвѣстная; но естьли вы меня хотя мало почитаете, то берегитесь усиливаться далѣе къ открытїю той тайны, которой неузнаете, неподвергнувъ себя опасности лишиться меня на вѣки. Довольно для васъ знать, что вы мнѣ непротивны, что ваши какъ прошедшїя такъ и настоящїя поведенїя мнѣ столько же извѣстны, какъ и худыя обстоятельства вашего имѣнїя; что мои. безъ всякихъ однако долговъ, не въ лучшемъ же находятся положенїи; что я о томъ стараюсь, дабы привести и тѣ и другїя въ лучшее состоянїе, и что я для достиженїя онаго должна быть вамъ еще нѣсколько дней не извѣстна, притомъ особливо для васъ нужно, меньше нерадѣть объ одной извѣстной вдовѣ, которой требованїя на ваши отчины причиною, что жребїй вашъ состоитъ въ ея рукахъ. Вы безъ сомнѣнїя понимаете меня

ня. Прощайте! Не слѣдуйте за мною, естьли хотите избѣжать моего негодованія. Вы увидите меня опять скоро; и я думаю, что уже я довольно сказала къ успокоенію вашему, какъ вразсужденіи моего характера, такъ и моихъ чистыхъ намѣреній.

Тщетно старался Сиръ Генри удержать ее. Белинда, (такъ станемъ мы называть сію неизвѣстную) была уже далеко, но оглянувшись увидѣла, что онъ въ слѣдъ за нею смотрѣлъ, вдругъ пришла къ нему назадъ и говорила: я буду нещастна, естьли не сыщу того опять! — Что такое? — Портретъ моего отца ...... Онъ оторвался отъ моихъ часовъ ...... Ахъ! прошу васъ, пройдите по этой алѣи. Естьли бы я могла быть обязанною вамъ за ту вещь, которая для меня неоцѣненна! ----

Неуспѣла она еще выговорить, какъ Сиръ Генри бросился искать. Сколь я нещас-

щастливЪ! сказалЪ онЪ пришедши обратно, искавЪ нѣсколько минутЪ тщетно. . . . . . Но гдѣже Белинда? . . . . . АхЪ! Небо! я сугубой глупецЪ, не предвидѣвшїй, что она посредствомЪ сего новаго лукавства еще однажды уйдетЪ отЪ меня? я долженЪ покрайней мѣрѣ исполнить то, что она предписала мнѣ, и сего дня послѣ обѣда тотчасЪ пойти ко вдовѣ лихоимца, отЪ которой зависитЪ теперь все мое щастїе.

УпотребивЪ тщательно все то, что служить могло кЪ возвышенїю прїятнаго вида, пошелЪ СирЪ Генри около вечера кЪ старой и богатой лади, которую засталЪ одну и которая дабы наказать его за весьма явное кЪ ней небреженїе, объявила ему сЪ равнодушнымЪ видомЪ и голосомЪ свою предстоящую свадьбу сЪ БарономЪ СирЪ МодисгомЪ, имѣющимЪ отЪ роду не больше дватцати двухЪ лѣтЪ, и при-

притомъ которой въ сѣверной части Англїи имѣетъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу.

Сиръ Генри показывалъ, будто тронуло его сїе извѣстїе. Милостивая Государыня, сказалъ онъ съ воздыханїемъ, вы слишкомъ строго наказываете меня за учиненную мною погрѣшность, которая между тѣмъ по наружности только назваться можетъ погрѣшностью. Я подлинно былъ съ лишкомъ вамъ долженъ, и намѣренїя мои, чтобъ требовать вашей руки, не понравились въ завистливыхъ глазахъ нынѣшняго свѣта и показались нѣсколько подозрительными; я хотѣлъ прежде заплатить вамъ мой долгъ, а потомъ осмѣлился бы предложить вамъ сердце, которое при любви къ вамъ никакой другой выгоды, не искало, какъ только получить ваше.

Учтивость сїя была такъ дѣйствительна, что должно было имѣть желанной

ной успѣхъ. Оная столько понровилась вдовѣ, что Сиръ Генри вскорѣ имѣлъ причину надѣяться, что естьлибы только хотѣлъ нѣсколько продолжать быть любезнымъ, легко бы могъ опровергнуть названнаго будущаго супруга, коимъ угрожала ему сїя госпожа.

Лади Упстартъ была симъ стертымъ цвѣточкомъ, которой представилъ ей Сиръ Генри въ искуснѣйшемъ видѣ, столько восхищена, что распростерла признательность свою столь далеко, признаваясь въ чувствованїи сердца своего, что негодованїе, щитая себя презрѣнною отъ того человѣка, котораго почитала она больше всего, ослѣпило ее такъ сильно, что она приказала управителю своему все на его требованїе подать ко взысканїю; Сиръ Генри чувствовалъ въ сїю минуту не только все, чѣмъ онъ своему другу Виллїаму, но и то, чѣмъ обязанъ

былъ

былъ полезному совѣту своей любви достойной незнакомки.

Онъ былъ столько уменъ, что не могъ упустить въ слѣдствіе онаго, и оставить Лади Упстартъ въ такомъ положеніи, дабы она была совершенно увѣрена, объ искреннемъ его къ ней расположеніи. Лишъ только онъ отъ Госпожи Упстартъ вышелъ, получивъ безъ труда позволеніе посѣтить ее на другой день, то ввели къ ней одну молодую особу.

Какъ? Мисъ! вы уже опять здѣсь, вскричала Лади Упстартъ, или не платятъ вамъ порядочно Пенсіи вашей? Вы опять пришли мучить меня прежнимъ непріятнымъ для меня повѣствованіемъ?—

Притѣсненная сирота неможетъ конечно быть пріятнымъ предметомъ въ глазахъ тѣхъ, кои неправедно владѣютъ ихъ имѣніемъ, сказала ей, съ воздыханіемъ

емъ, молодая та особа. Отдайте мнѣ оное обратно, Лади, то никогда неувидите меня болѣе! — Ваше имѣнїе! все ваше имѣнїе! да было ли у васъ какое нибудь имѣнїе? и я ли у васъ его отняла? Не обязаныли вы напротивъ того гораздо болѣе вашимъ содержанїемъ, нежели состоянїю вашему приличнымъ одѣянїемъ и тою обидною гордостїю, которую примѣчаю я въ вашихъ рѣчахъ, моему соболѣзнованїю? Итакъ мы сдѣлаемъ дѣлу сему конецъ, Мисъ; не нарушайте моего спокойствїя, или не надейтесь въ противномъ случаѣ ни какихъ отъ меня благодѣянїй. — Ахъ! Итакъ я должна вамъ Лади! должна столь часто повторять, что отецъ мой служивъ со славою государству и на смертномъ уже одрѣ будучи, поручилъ меня съ десятью тысячами фунтовъ стерлинговъ вашему супругу, котораго щиталъ онъ своимъ другомъ, дабы отдать мнѣ оныя, и призрить меня,

какъ

какѣ только достигну я шестнатцати лѣтѣ; вы при жизни его должны быть обо всемѣ томѣ извѣстны; послѣ смерти его доставшїяся вѣ ваши руки свидѣтельства мои, должны о томѣ васѣ увѣрить; право мое столько знаете вы, что хотя и употребляете во зло сожалѣнїя достойное состоянїе мое, вѣ которое привели вы меня, какѣ молодую, неимѣющую ни защитника ни родственниковѣ, ниже прїятелей, кои моглибы защитить меня; однако, угрызенїе совѣсти вашей столько превозмогло васѣ, что принуждаетѣ давать мнѣ небольшую пенсїю! . . . Ахѣ Лади! подумайте, сколь вы богаты, и какѣ я бѣдна, и не принуждайте меня . . . . —Какѣ! вы осмѣливаетесь грозить мнѣ? . . . . Знайте Мисѣ, что я объ исторїи, или больше о подобныхѣ баснямѣ вашихѣ жалобахѣ на моего покойнаго мужа не знаю ни слова; люди управляющїе

моими дѣлами, говорили мнѣ, что все его имѣнїе принадлежитъ мнѣ; я столько имѣю къ нимъ довѣренности, что ничто не въ состоянїи опровергнуть принятаго мною однажды мнѣнія въ разсужденїи ихъ доказательства. Итакъ, сдѣлайте милость, я повторяю вамъ еще, не нарушайте спокойствїя моея жизни своимъ тщетнымъ шумомъ.—Берегитесь, Лади, можетъ быть не одна только я, которая вооружаетъ противъ васъ теперь по справедливости вопїющую на небо справедливость; наконецъ, можетъ статься услышанъ будетъ вопль притѣсненной невинности. Опасайтесь моихъ жалобъ, Лади! подумайте !, естьли отчаянїе . . . . .
—Какая неслыханная дерзость! — Жестокость ваша возбуждаетъ оную; трепещите воспалить оную еще болѣе — Ахъ! небо! столь многїя безстыдныя грубости, дѣлаются наконецъ нестерпимыми . . . .
Однако сдѣлаемъ дѣлу сему конецъ. . . .

Мисъ

Мисъ, соболѣзнованіе мое (тутъ подала она ей съ деньгами кошелекъ) принуждаетъ меня подарить вамъ еще и сіе, но удалитесь отсюда скоро и не отваживайтесь болѣе приходить. — Ваше соболѣзнованіе, говорите вы? Ахъ! небо! какое противъ меня выраженіе! ...... Вотъ *Фурія*! бросивъ ей обратно кошелекъ сказала она: возьми золото свое назадъ; помни, что сіе имѣніе принадлежитъ сиротѣ; она отъ тебя своего требуетъ; я оставляю тебѣ времени еще на три дни, для разсужденія о твоихъ должностяхъ; но по прошествіи сего времени научишься ты бояться сей сироты.

Когда представленіе сіе не очень увеселило Лади Упстартъ, тогда Сиръ Генри, имѣя намѣреніе итти къ Сиръ Вилліаму, замѣшкался въ одной лавкѣ, гдѣ покупалъ разныя мѣлочи; вдругъ показалось ему, что мимо его пронесли

въ носилкахъ его любви достойную незнакомку. Онъ бросился къ онымъ. Это была она въ самомъ дѣлѣ.

Наконецъ, вижу я васъ опять! вскричалъ онъ, приказавъ остановиться носильщикамъ; наконецъ мое исполненное благодарности сердце, находитъ желанной случай, изобразить превосходнѣйшей и прекраснѣйшей особѣ все то, чѣмъ обязанъ благосклонности вашей чувствительнѣйшій и влюбленнѣйшій человѣкъ. Войдите, прошу васъ, на минуту въ ту лавку, изъ которой я теперь только вышелъ..... Я теперь только иду отъ вдовы. Безъ Вашего совѣта, пропалъ бы я безнадежно; отчины мои были бы отобраны отъ меня; погибель моя и стыдъ были бы совершенны; одной вамъ, обожанія достойная незнакомка, вамъ одной, обязанъ я буду щастіемъ, что могу надѣяться будущаго, которое безъ сомнѣнія

не

не будетъ такъ жестоко, какъ то, которымъ мое легкомыслїе, мое безумїе, словомъ все казалось мнѣ угрожаетъ.

Я весьма радуюсь, видя въ васъ такїя мысли, сказала Белинда; вы мнѣ прїятны, и я надѣюсь доказать вамъ вскорѣ, *что* оныхъ достойна. Но прошу васъ, *отпустите* меня; собсвенная ваша польза, которую щитаю я теперь и моею, зоветъ меня не далеко отсюда къ Милади Фридерикѣ. Недожидайтесь меня отнюдь, естьли не хотите мнѣ быть противнымъ, и можетъ быть во мгновенїе уничтожить мои расположенїя. — Какъ? возможно ли, чтобъ вы были столь жестоки .... Молчи Сиръ Генри! любовь возбраняетъ мнѣ то .... Но поелику говорю я о любви, то не оказывайте впредь болѣе любви вдовѣ, а только, сколько нужно будетъ содержите ее въ спокойныхъ мысляхъ какїя вы въ не впечатлѣли, а о прочемъ положите попеченїе на меня. ---- Прощайте.

те; по прошествїи трехъ дней, увидите вы опять вашу незнакомку и совершенно ее узнаете.

Сиръ Генри притворился, будто хотѣлъ повиноваться ей, однако съ твердостїю рѣшился ожидать ее въ ближайшей алеи, пока она выдетъ изъ того дому, въ которой видѣлъ онъ что она вошла, отославши своихъ носильщиковъ. Намѣренїе его было, итти за нею въ слѣдъ, такимъ образомъ, чтобъ могъ освѣдомиться о жилищѣ своей любезной, къ коей нѣжныя чувствованїя, къ которымъ присевокупилось еще любопытство, дошли до высочайшей степени. Между тѣмъ отважился онъ, дожидавшись съ величайшею нетерпѣливостїю болѣе часа, постучать въ двери, гдѣ съ изумленїемъ узналъ онъ, что Лади Фридерика, мѣсяца съ два находится уже въ деревни, и что молодая незнакомка ее спрашивавшая, прошла только чрезъ домъ, дабы пойти къ своей подругѣ, кото-

торая по сказкамъ ея, въ другой улицѣ противъ другихъ воротъ того дому.

Но мы оставимъ Сиръ Генри въ великомъ замѣшательствѣ, и посмотримъ, что происходило въ то самое время у Лади Упстартъ.

Читатель долженъ вспомнить, что горнишная дѣвушка (Урсилою называвшаяся) была очень благосклонна къ молодому и весьма страстному любовнику своей госпожи, Сиръ Модису. Почему и не весьма удивително покажется, что сія дѣвушка, отъ которой вдова ничего не скрывала, не медлѣнно увѣдомила находившагося подъ покровительствомъ ея Барона о всемъ томъ, чего онъ опасаться могъ отъ вдовиныхъ новыхъ мыслей.

Молодой Баронъ пришелъ на другой день ко вдовѣ, въ ту самую минуту, какъ она встала изъ за своего туалета; и многимъ стараніемъ, учтивостію и ла-

скательствомъ разгорячилъ въ ней угасшую ревность опять, какъ вдругъ доложилъ слуга, что пришелъ сиръ Генри.

Замѣшательство обоихъ соперниковъ было сперва для вдовы утѣшительно, и льстило суетной ея гордости; Сиръ Генри посмотрѣвъ пристально на Барона, сказалъ ему: Сиръ Модисъ; мы видимся, мнѣ кажется не впервое; но я тщетно покушаюсь вспомнить, когда и прикакомъ случаѣ.....—Я тоже самое хотѣлъ было сказать вамъ, отвѣчалъ другой, я думаю, въ театрѣ, на гуляньи; или при дворѣ ----- Постойте ----- Такъ, вѣрно, Сиръ Генри, это былъ у Лади Куртевиллы, у Мисъ Легеръ, Мисъ-рисъ Коммосъ и у десяти другихъ госпожъ, гдѣ вы меня чаятельно отогнали, ибо я давно уже ихъ болѣе не посѣщаю, и мнѣ казалось бы, Сиръ Генри долженъ мнѣ за то оказывать нѣкоторую благодарность-----

Сиръ

Сиръ Генри покраснѣвши говорилъ: Сиръ Модисъ! кто изъ насъ ошибается ------- Я осмѣливаюсъ признаться, что вы.— Хорошо! для чего же вы краснѣете отъ сей малости? не извѣстенъ ли вообще Сиръ Генри, какъ веселѣйшій, добрѣйшій, не постояннѣйшій, но всѣми красавицами искомый человѣкъ? — Признаюсь, что можетъ быть прежде заслуживалъ я нѣкоторые изъ сихъ знатныхъ названій, коихъ вы меня удостоивать извольте; я былъ молодъ, и ваши рѣчи подаютъ мнѣ чувствовать, сколь много требуется на то времени, дабы исправить пороки юношества. —Вы удостовѣряете меня подлинно, сиръ Генри. и естьлибы не имѣлъ я чести знать васъ такъ хорошо ---- —Въ семъ то самомъ мы съ вами и несходны, говорилъ Сиръ Генри съ горячностію, ибо я не имѣю чести васъ знать, и думаю, что всѣ тѣ, съ которыми я обхожусь, столько же въ семъ слу-

случаѣ нещастливы, какъ и я.— По истиннѣ! тѣмъ хуже для васъ, сказалъ молодой человѣкъ; провинцїя знаетъ по крайней мѣрѣ, какой я въ оной имѣю чинъ и вы научитесь оной знать; впрочемъ естьли еще однажды за то осердитесь, то сказываю вамъ, однако, что вы безъ сомнѣнїя имѣете свои причины, показывать столь торжественно вашу мудрость, и что надобно пожелать той госпожѣ щастїя, которую старается скромной Сиръ Генри удостовѣрить къ собственной пользѣ о своей перемѣнѣ.

Сиръ Генри вышелъ изъ терпѣнїя, и хотѣлъ только отворить ротъ, и чаятельно посуровѣе прежняго отвѣчать на сїю послѣднюю пилюлю, какъ Лади Упстартъ, притворившаяся будто хотѣла во все горло захохотать, просила его не при-

принимать того въ правду, что повидимому была только одна шутка.

Вы сказали правду, Лади, перервалъ ея рѣчь Сиръ Модисъ съ такоюже усмѣшкою, ибо естьлибъ намѣренїе мое было озлобить его, то могъ бы я ему доказать, что о великихъ тайнахъ, кои онъ скрываетъ отъ насъ, мы столько же извѣстны, сколько не можетъ онъ вообразить . . . . —

Теперь долженъ я васъ къ доказательству вызвать, перервалъ Сиръ Генри съ горячностїю его рѣчь. — Вы вызываете меня къ доказательству? . . . берегитесь! . . . — Говорите; мы посмотримъ, имѣетъ ли сей тонъ справедливости нѣкоторое основанїе, которое мнѣ самому неизвѣстно. — Вы покрайней мѣрѣ нестанете таиться, что есть въ свѣтѣ неизвѣстная, т. е. незнакомая, къ коей сердце ваше - - - - - — Одна незнакомая! . . . . Да Сиръ Генри! одна незнакомка . . . . Отъ чего же вы приходите въ изумленїе?

она

она достойна любви; она учтива и скромна, я въ томъ ручаюсь; но можете ли и вы столько же сказать? Можете ли вы ясно истолковать, на чемъ основывается та страсть, которая столь горяча и сильна, что принуждаетъ васъ простить ей нетолько всѣ тѣ шутки, кои она уже съ вами сыграла, но и пожертвовать ревнивому ея подозрѣнїю извѣстными предметами, кои для васъ должны быть милѣе? — Сиръ Модисъ! перестаньте. — Сиръ Генри! вы этого хотѣли; я могу сказать еще больше, и небоюсь того, что назовете вы меня лгуномъ. Когда бы не были вы столь смертельно влюблены въ сїю узнанную особу, то для чего вы вездѣ ищете ее, для чего вездѣ присматриваете, для чего она васъ вездѣ бѣгаетъ? вѣрители вы тому совѣту, которой отъ нее слышали, чтобъ менѣе пренебрегать одну извѣстную вдову, коея долговыя требованїя на ваше имѣнїе причиною, что жре-

жребїй вашъ состоитъ въ ея рукахъ? предписывала ли она вамъ вчера, сей богатой вдовѣ не оказывать впредь болѣе любви, какъ только, сколько нужно будетъ содержать ее въ спокойныхъ мысляхъ, кои вы вперили ей? неговорила ли она, что естьли послѣдуете ея предписанїю, то увидите ее опять по прошествїи трехъ дней? - - - - Ну сиръ Генри! что будете мнѣ отвѣчать на сїе? подлинно ли я имѣю вѣрныя извѣстїя?

Сиръ Генри все сїе слыша, стоялъ, какъ неподвижный столпъ. Ужасъ и вражда совсѣмъ обезобразили его. Слабость его противъ незнакомки, которую съ сей минуты щиталъ недостойною; стыдъ, быть предъ Лади Упстартъ столь жестокимъ образомъ измѣненнымъ; уничиженїе, что въ присутствїи ея соперникъ его, отъ котораго немогъ онъ болѣе таиться, говорилъ столь дерзко и приспыдилъ его; всѣ сїи различныя чувствованїя,

при-

привели его въ такую разстройку, что не могъ бы онъ произнесть ни одного слова, естьлибъ раздраженная вдова не не встала вдругъ, и съ запальчивостію къ нему не сказала: покрайней мѣрѣ я надѣюсь, что Сиръ Генри избавитъ себя отъ труда, дѣлать мнѣ честь своими посѣщеніями. При сихъ словахъ Сиръ Генри тотчасъ всталъ и запинаясь говорилъ: Лади! подлинно, что самъ Дьяволъ замѣшался въ сію игру! но повѣренной его, сколько онъ имъ ни защищается, не будетъ всегда у васъ. Прощайте, Лади, ---- чтожъ касается до васъ, Сиръ Модисъ, то я постараюсь вскорѣ увидѣть васъ въ другомъ мѣстѣ. — Какъ вамъ угодно, Сиръ Генри, я не стану отъ васъ долго убѣгать.

Соперникъ мой бѣжалъ, сказалъ Сиръ Модисъ съ восхищеніемъ, какъ только вышелъ отъ нихъ Сиръ Генри; я одержалъ совершенную побѣду. Вы не можете

мнѣ-

мнѣ отказать въ похвалѣ за такую побѣду; за васъ и за всѣхъ женщинъ отмстилъ я тому безстыдному, который слишкомъ заслужилъ вашъ гнѣвъ. — Ничто неможетъ быть справедливѣе, Сиръ Модисъ, Мы тотчасъ поѣдемъ во флотъ (*); я дарю вамъ съ рукою моею и мое имѣнїе . . . . Пойдемъ; лишъ бы могли мы быть столь долго щастливы, сколько желаетъ мое сердце,

Когда распаленная вдова съ своимъ любовникомъ равномѣрно соревновали, крѣпко утвердить свой союзъ, тогда Сиръ Генри, наполненъ отчаянїя, болѣе отъ выдержаннаго имъ жестокаго зрѣлища, нежели отъ мыслей быть обманутуща, отъ незнакомки, къ коей противъ желанїя пылало еще его сердце, пошелъ съ

(*) *Флотъ у Агличанъ называется родъ привиллегированной капеллги, гдѣ противъ изданнаго парламентскаго указа о супружествѣ можно безъ дальныхъ обрядовъ вѣнчаться.*

унынiемъ къ своему другу Виллiаму, который весьма удивился, какъ расказалъ онъ ему всѣ обстоятельства своего нещастнаго приключенiя.

Сей достойной другъ, который не могъ почти понять, и который не предвидѣлъ, чтобъ возможно было Сиръ Модису воспользоваться вдругъ симъ случаемъ, сожалѣлъ о своемъ другѣ, утѣшалъ его столько, сколько ему возможно было, и обѣщался, что онъ надругой день постарается тайну сiю вывѣдать, и привести его опять у вдовы въ милость. Явитесь къ ней прибавилъ онъ, въ одинатцать часовъ; я надѣюсь, что буду столько щастливъ, что естьли не возстановлю совершенно примиренiя, то покрайней мѣрѣ, столько успѣю, что вы въ разсужденiи правъ кои имѣетъ она на ваше имѣнiе, ничего небудете опасаться отъ ея гнѣва. На другой день Сиръ Виллiамъ и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ былъ туда итти

ти, какъ одинъ слуга прибѣжавши къ нему запыхавшись сказалъ, что Лади Упстартъ приказала его усильно просить, притти къ ней какъ можно скорѣе.

Какъ скоро пришелъ онъ къ сей госпожѣ, то ввели его въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ онъ ее на канапѣ въ величайшемъ безпорядкѣ распростертую и сильно плачущую.

Подойдите Сиръ Вилліамъ! сказала она ему со слезами; утѣшьте, естьли возможно нещастливѣйшую въ свѣтѣ женщину! — какъ? Милади! что такое съ вами со вчерашняго дни повстрѣчалось? — Величайшее нещастіе, и повидимому.... Неизлѣчимое. — Прошу васъ, изъяснитесь по-яснѣе. — Злодѣй .... Сиръ Модисъ .... Со вчерашняго дни .... — Ну? — уже мой супругъ! вашъ супругъ? — да, Сиръ Вилліамъ! онъ, измѣнникъ, мой супругъ ..... А между тѣмъ .... Я немемѣе того остаюсь вдовою! — Милади!

 ли-

либо печаль мѣшаетъ вашимъ мыслямъ, или, то, что вы мнѣ говорите, превышаетъ мой разумъ. — Вы знали и видѣли всю мою къ нему слабость . . . . Вчера . . . . . Точно сущею ложью списавъ мнѣ друга вашего чернѣйшими красками, и воспользовавшись чрезмѣрностїю моего гнѣва, смутилъ, бездѣльникъ безпокойной мой духъ столь сильно, что довелъ меня до того, что я пошла съ нимъ во флотъ . . . . . Гдѣ обвѣнчалась съ нимъ . . . . . — Теперь Милади! я все понимаю; и чаятельно сей доброй супругъ оставилъ васъ, прибравъ къ себѣ лучшее изъ вашихъ драгоцѣнныхъ вещей. — Ахъ, онъ поступилъ еще беззаконнѣе . . . . . Какъ, возможноли, чтобъ онъ обезчестилъ васъ? Ахъ, Сиръ Виллїамъ, болѣе, нежели вообразить можно . . . . . Со вчерашняго дни неговорилъ онъ со мною ни одного слоса . . . . — Чтожъ онъ сдѣлалъ? — Ничего, — Теперь кажется, я васъ уже понимаю. — Въ семъ слу-

случаѣ можно легко отгадать, Сиръ Вилліамъ, сколько должна мнѣ быть сія высочайшая степень презрѣнія огорчительна, и какой должна я чувствовать гнѣвъ къ сему неблагодарному. Какъ вдова продолжала до сихъ поръ свое расказываніе, то доложили о Сиръ Генри. Въ продолженіе того времени, пока Лади утопала въ слезахъ, увѣдомилъ Сиръ Вилліамъ своего друга о причинѣ ея печали, и когда она извинялась предъ нимъ съ выраженіемъ раскаянія, за свою противъ него несправедливость, то взошелъ нечаянно Сиръ Модисъ въ покои и еще болѣе умножилъ ея изумленіе. Оба други будучи равномѣрно огорчены поступкомъ сего молодаго человѣка, соединились вмѣстѣ, и представляли ему его не благопристойность. — Мы прекратимъ сіе, государи мои сказалъ къ нимъ Сиръ Модисъ съ усмѣшкою. Станемъ говорить другъ съ другомъ откровенно Сиръ Генри.

чувствовалиль вы точно сильнѣе склонность къ Милади нежели я? безъ долговыхъ ея требованій, на ваше имѣніе, безъ совѣту Сиръ Вилліама, моглоли бы вамъ когда нибудь притти на мысль, чтобъ получить отъ нее благосклонной взоръ? Имѣніе ея безспорно понравилось намъ обоимъ; способность моя одержала побѣду надъ вашею. Милади обвѣнчалась со мною, а я съ ея денежными сундуками. Чтожъ всѣмъ вамъ осталось мнѣ теперь говорить?

Способъ, съ какимъ вы поступаете въ семъ дѣлѣ кажется мнѣ грубымъ и мало великодушнымъ, отвѣчалъ Сиръ Генри.

Что касается до сего перервалъ Сиръ Модисъ, то она уже моя жена, и мнѣ ненужно въ томъ отдавать никому отчоту. Естьли Милади жалуется, то мы можемъ въ сію жъ минуту другъ друга оставить. Лѣта и здоровье ея для ме-

меня столько важны и нужны, что я предлагаю ей какъ прiятное, такъ и спокойное уединенiе въ округѣ Виллiамской, гдѣ чистота воздуха, изобилiе съѣстныхъ припасовъ, и недостатокъ въ деньгяхъ, будетъ доставлять ей преславную жизнь гдѣ, посредствомъ пенсiи пятидесяти фунтовъ стерлинговъ, кои обязываюсь я вѣрно и исправно ей платить, Лади Модисъ можетъ дѣлать фигуру и даже превозноситься еще горделивымъ дворянствомъ той земли.

Ахъ! Варваръ! вскричала она, ахъ! государи мои! сдѣлайте милость, защитите меня отъ такого тиранна.

Ваша безразсудность Милади; сказалъ ей тихонько Сиръ Виллiамъ, поистиннѣ подаетъ ему ужасныя надъ вами права.

Нѣтъ въ томъ нужды вскричалъ Сиръ Генри: Мы станемъ защищать Милади. —Неторопитесь, государь мой! Ми-

лади моя супруга; вы здѣсь не имѣете власти указывать. Кто бы былъ столь дерзокъ, что захотѣлъ бы быть посредственникомъ между мужемъ и женою? — Покрайней мѣрѣ, мы избавимъ ея имѣнїе — Ея имѣнїе? Оно столькоже принадлежитъ и мнѣ; всѣ ея долговыя требованїя; всѣ ея дѣла; всѣ контракты лежатъ въ моемъ комодѣ; это все подарки, которыми она меня наградила; посмотримъ, кто можетъ отнять у меня право оными владѣть. Не я ли ея господинъ иповелитель? — Вы въ глазахъ моихъ, сказалъ къ нему Сиръ Генри. . . . . Все, что уже я объ васъ слышалъ. . . . . обманщикъ, которой никогда не имѣлъ чести быть дворяниномъ? — Развѣ господа сїи ваши любовники Малади? развѣ имѣютъ они приказанїе, въ собственномъ моемъ домѣ меня обижать? . . . . Милади положимъ такъ, что вы нелюбите меня болѣе; но говорите скромнымъ голосомъ, такъ, какъ своему мужу. Сдѣлайте мнѣ

безъ

безъ шуму предложенїе, какъ можно найти средство, къ приведенїю дѣла сего въ порядокъ и справедливость; можетъ быть тогда захочу я васъ выслушать.

Ахъ! вскричала она; говорите скажите мнѣ сами, сколь высоко цѣните вы навсегда нещастливыя узы, кои мы заключили .... Предпишите ваши договоры — Милади! Они будутъ малы. .... Десять тысячь фунтовъ стерлинговъ, и ваши долговыя требованїя на имѣнїе Сиръ Генри, будутъ достаточны удовольствоватъ меня.

Противъ сего послѣдняго договора, я протестуюсь, сказалъ съ жаромъ Сиръ Генри; Милади конечно не допуститъ меня во власть такого заимодавца. Естьли угодно Сиръ Модисъ, выдемъ на минуту со мною вонъ. —Пустое государь мой надобно прежде рѣшить сїе дѣло. По веселѣ, дражайшая моя Лади, старайтесь привести все въ порядокъ добровольно;

чтожъ касается до Сиръ Генри, то сожалѣю я объ немъ; но нужда измѣняетъ закону. Чудовище! такъ защищайся вскричалъ Сиръ Генри, въ намѣренiи будучи напасть на молодаго человѣка.

Какъ? Сказалъ ему сей послѣднiй; я думалъ, что Сиръ Генри имѣетъ болѣе чести. По крайней мѣрѣ болѣе благопристойности ------ Милади! или приведемъ теперь же дѣло сiе въ порядокъ, или я беру свое слово назадъ, я публично объявлю мое супружество, и вашъ стыдъ; а Сиръ Генри долженъ трепетать..... Итакъ посовѣтуйте о томъ всѣ вмѣстѣ, я даю вамъ на то четверть часа времени, а между тѣмъ выду въ другую комнату.

Сиръ Виллiямъ и Сиръ Генри всячески старались успокоить вдову и уговорить ее дабы объявила она сiе супружество недѣйствительнымъ. Но ужасъ, который навелъ на нее Сиръ Модисъ; страхъ

страхъ видѣть себя подверженною вредному слуху, могущему распространиться отъ сего приключенія, и отвращеніе жить хотя одинъ день, съ такимъ, какъ ея супругомъ; столь многія для нее рѣшительныя причины, сдѣлали ее наконецъ нечувствительною ко всему тому, чтобы ей ниговорили; наконецъ оба пошли отъ нее съ негодованіемъ, досадуя на слабость госпожи и на безчестные поступки ея супруга.

О чемъ Сиръ Генри болѣе всего досадовалъ и безпокоился; то былъ весьма основательной страхъ отъ мщенія, которое онъ думалъ, употребитъ противъ него заимодавецъ, котораго имѣлъ онъ причину почитать немилосердымъ. Другая стольже мучительная мысль умножала еще болѣе его нещастіе; т. е. что незнакомка его извѣнила ему въ пользу безчестнаго человѣка, котораго презрѣнія

нія достойныя свойства возбудили въ немъ величайшее отвращеніе.

Въ сихъ мысляхъ проведши мучительную ночь, пригоповился онъ на другой день выпти къ своему другу Сиръ Вилліяму, куда долженъ былъ припти одинъ стряпчій, которому препоручены были его дѣла, но вдругъ доложили ему о Сиръ Модисѣ другимъ дворяниномъ сопровождаютъ.

Я заключаю изъ вашего изумленія, сказалъ къ нему сей молодой человѣкъ, такъ какъ и изъ другихъ чувствованій вашихъ, кои примѣчаю изъ взоровъ вашихъ, сколь мало ожидали вы моего посѣщенія.... Однако прежде всего успокойтесь, естьли хотите, чтобъ я говорилъ съ вами, и можетъ быть обрадовалъ бы васъ.—

Сиръ Генри не говорилъ ни слова.— Болѣе всего признайтесь мнѣ, сказалъ ему опять съ усмѣшкою Сиръ Модисъ, какія

бы

были со вчерашняго дни истинныя ваши мысли къ незнакомкѣ, коей вы клялись, весьма страстною любовiю? Какiя были бы противъ нее ваши расположенiя, естьлибъ она щастливымъ оборотомъ обстоятельствъ была въ состоянiи чисто и справедливо доказать свое рожденiе и свои права, и предложить Сиру Генри съ довольно достаточнымъ именiемъ, и свою руку? —Естѣли судить мнѣ о ней смотря на того, которому осмѣлилась она поручить свои непотребныя старанiя, то кажется мнѣ не нужно отвѣчать вамъ. — Но вы должны бы вспомнить, сколько я ни презрѣнъ вами, и что контракты ваши находятся въ моихъ рукахъ - - - - - Однако - - - - Сиръ Генри не можетъ оскорбить меня; итакъ болѣе о томъ ни слова, но будемъ говорить только о незнакомой. Прежде нежели узнаете вы сколько она мнѣ знакома, говорите чистосердечно. - - - - - Точно ли вы были сердечно въ

нее

нее влюблены? Это есть единственная истинна, которой я требую отъ васъ, и, отложа на сторону ваше ко мнѣ презрѣнїе, имѣю я право, требовать отъ васъ сея истинны. Итакъ говорите безъ всякихъ околичностей, и неопасайтесь ничего въ разсужденїи признанїя, которое для васъ нужнѣе, нежели вы вообразить можете. —Извольте, не смотря на мысли и подозрѣнїе, кои не премѣнно долженъ возбудить во мнѣ Сиръ Модисъ, я столько чистосердеченъ, что не опасаюсь признаться, что любовь моя къ незнакомкѣ, была столько чиста, сколько оная отъ сердца происходила, словомъ сказать, что никогда не возбуждала во мнѣ ни одна женщина столько ревностныхъ, и той, каковою я ее почиталъ столь достойныхъ чувствованїй. —Когда такъ, то она и всегда такова, каковоюы почитали ее, и именемъ ея, прибавилъ къ тому молодой человѣкъ, вручаю я вамъ всѣ сїи пись-

письменныя дѣла, всѣ сїи контракты, о коихъ вы вчера столь сильно испужались, что оныя достанутся въ мои руки. Ея именемъ имѣетъ Сиръ Модисъ приказъ, объявить вамъ Сиръ Генри, чтобъ онъ всѣ сїи доказательства, кои я ему вручаю, *бросилъ въ огонь*, все свое имѣнїе почиталъ совершенно свободнымъ, и не опасался бы болѣе своихъ мнимыхъ непрїятелей.

Невозможно изобразить того изумленїя, которое оказывалъ Сиръ Генри, услыша сїе предложенїе, и расматривая сїи бумаги. Пришедъ отъ своего смятенїя нѣсколько въ себя, сказалъ онъ съ горячностїю: ахъ, Сиръ Модисъ, нежелая проницать сего чуднаго приключенїя, для чего непозволяетъ мнѣ все то, что я объ васъ знаю, для чего непозволяетъ оно мнѣ, столь благородной поступокъ и вашу состоящую еще столь короткую съ незнакомкою связь сообразить вмѣстѣ? —

О!

О! что касается до сей связи, то я очень понимаю, какое должна произвести оная дѣйствїе въ столь благородномъ и нѣжномъ сердцѣ, каково ваше. Однако я сказываю вамъ чистосердечно, и безъ всякаго моего сожалѣнїя, что сїя самая связь подлинно и истинно неразлучима, должна быть, и всегда будетъ. —

Въ семъ случаѣ подите вы опять своею дорогою, государь мой, и возмите обратно ваши бумаги; я не требую ничего ни отъ нее ни отъ васъ.

Сїи мысли поистиннѣ назваться могутъ героическими, и подлинно столь благородны и велики, что трогаютъ меня самаго. Между тѣмъ моглибъ вы однако притти на другїя мысли, естьлибы захотѣлъ я только постараться оное предпринять. — Вы? — Я самъ. Позвольте мнѣ, чтобъ мой доброй другъ, и я вышла на время въ другую комнату, по,

пока вы просмотрите всѣ ваши бумаги - - - Естьли мнѣ къ нещастiю въ томъ не удастся, то останусь не утѣшнымъ.

Сиръ Генри, оставшись одинъ и находясь въ положенiи, которое легко можетъ читатель вообразить себѣ, просматривалъ, и узналъ разные контракты, кои превышали почти сумму его имѣнiя, какъ между ибѣими особами, кои взошли опять въ комнату, узналъ онъ ту самую незнакомку, коея связь съ Сиръ-Модисомъ казалась ему столь подозрительною.

Праведное небо! это вы? вскричалъ онъ, приподнявшись, и какъ въ обморокѣ опять упавъ въ крѣслы.

Это я, Сиръ Генри! — и это было возможно, что я васъ не узналъ? . . . . . Не ужъ ли черной парикъ и такого жъ цвѣта брови, могли скрыть отъ меня черты лица вашего? . . . . . но кто далъ вамъ

бодрость къ таковому предпріятію?— любовь, честь, и отмщеніе . . . . . Лади Упстартъ удержала мое имѣніе, которое отецъ мой (Полковникъ Римеръ) при смерти своей препоручилъ безчестному ея супругу. Я жила у одной моей родственницы, коея качества извѣстны были болѣе нежели богатства, съ не большею пенсіею, которую платила ей вдова; между тѣмъ щастіе доставило мнѣ случай узнать васъ; я скоро узнала кто вы ; ваши нравы, ваши склонности и ваша опасность въ разсужденіи обстоятельствъ, касающихся до вашего имѣнія. Въ слѣдствіе сего я поступила; Марія, которую видите вы въ семъ платьи, воспитала меня; она по прошенію моему, пошла къ Лади Упстартъ во услуженіе, снискала у ней довѣренность и умѣла столь хорошо меня поддерживать, что удалось мнѣ обмануть госпожу, которая симъ приключеніемъ обруганная и оскорбленная бѣжала въ свои деревни

ревни и повидимому ни когда нестанетъ хвалиться симъ дѣломъ. Въ сихъ словахъ заключается моя исторія. Я обѣщалась до прошествія трехъ дней видѣть опять васъ сиръ Генри и обьявить вамъ о себѣ. Я сдержала мое слово, и не требую отъ васъ онаго такоже, прежде нежели узнаете вы всему, тому что я вамъ теперь говорила совершенную истинну. . . . . Между тѣмъ, въ вашей волѣ состоитъ, всѣ сіи договоры или у себя удержать, или разодрать. Только вспомнить вы должны, что естьли увѣрены будете о нравахъ и о состояніи той незнакомой, коея имя и надпись находится здѣсь, то она ожидаетъ вашихъ приказаній, естьли въ случаѣ того пожелаете принять ея руку съ десятью тысячами фунтовъ Стерлинговъ, кои чаятельно оставила ей Лади Упстартъ на всегда.

Излишне уже кажется, прибавлять, что Сиръ Генри, отъ радости, удивленія и

любви, внѣ себя повергшись къ ногамъ своей не сравненной незнакомки, немедлѣнно послалъ за своимъ другомъ Сиръ Вилліамонъ, котораго радость была столь же велика, какъ и его; онъ вскорѣ исполнилъ желанія свои, и обстоятельства его имѣнія щастливою женидьбою пришли опять въ прежнее состояніе.

XII.

ЛЮБОВЬ ВЪ СВОЕМЪ СУЩЕСТВѢ.

Цинтія была одна вдова, и жила съ дочерью своею Флорою въ Аѳинахъ: намѣреніе ея было, вкоренить дочери своей нѣкоторое равнодушіе и на всегда оное сохранить въ ней. Цинтія очень знала трудность своего предпріятія; она предчувствовала, что Флора многихъ изъ тѣхъ, которые увидятъ ее плѣнитъ; предчувствовала притомъ и то, что Флора-

ра не долго будетъ свободна, естьли всѣхъ видѣть будетъ. Къ какому приступить мнѣ рѣшенїю? разсуждала попечительнѣйшая вдова. Сослать ли мнѣ дочь свою къ Минервиной жрицѣ? Но и до сего охранительнаго мѣста досягаютъ стрѣлы любви и коварныя хитрости любовниковъ. Впрочемъ не всегда остается жрицѣ неизвѣстнымъ то, чего недолжна знать она. Тѣ, кои научены, научаютъ другихъ, и отъ того раждается та печаль, то раскаянїе, отъ коихъ могъ бы избавить щастливый недостатокъ въ знанїи. Я хочу, чтобъ дочь моя не была даже и въ мысляхъ нещастлива; я удалю отъ нее всѣ понятїя, могущїя нарушать ея спокойствїе и попеченїя сего не должна я препоручать ни кому, кромѣ себѣ самой.

Съ другой стороны пребывая въ Аѳинахъ, могу сдѣлать попеченїе сїе тщетнымъ. Какой нибудь молодой льстецъ, могъ бы сыскать болѣе вниманїя, нежели

Цинтія. Почти было вѣроятно, что сіе точно бы сбылось. Сего было довольно, чтобъ подать поводъ сей предосторожной матерѣ къ рѣшительности, бѣжать сего опаснаго города; она избрала для спокойнаго и уединеннаго себѣ и дочери своей жилища одинъ домъ, которой имѣла она въ деревни, разстояніемъ отъ Аѳимъ на нѣсколько часовъ. Сего совсѣмъ особливо лежащаго мѣста незналъ почти ни кто. Рядъ сцепившихся холмовъ и кустарниковъ окружалъ оное равно со всѣхъ сторонъ; но сіи холмы и кустарники и сія долина, представляли пріятнѣйшую страну. Со спокойствіемъ наслаждались онѣ тутъ сокровищами и украшеніемъ природы. Оная казалась здѣсь перемѣняющеюся, играя подъ тысящекратными видами. Смотри дочь моя, сказала Флорѣ Цинтія, смотри, представляли ли тебѣ когда нибудь Аѳины такой видъ? Въ городѣ все чудесно; а здѣсь все истинно; ни что не обманываетъ

ваетъ здѣсь ни души ни взоровъ ; слушай пѣнїе сихъ птичекъ; онѣ усладятъ твой слухъ, но сердце твое не имѣетъ отъ того ни какой опасности. Въ городѣ какъ только прельстится слухъ, то и сердце уже обольщено.

Флора внимала пѣнїю птичекъ и словамъ своея матери. Видно любовь должна быть опасна, думала она, потому то мать моя столь худо объ ней говоритъ. Видно птички не влюблены, что кажутся быть всегда веселыми.

Далѣе не простирались ея понятїя ; но Цинтїя предчувствовала, что оныя распространяться могутъ далѣе. Въ томъ даже и сумнѣнїя нѣтъ, думала сїя благоразумнѣйшая мать. Естьли же такъ! то ускорю происхожденїе оной я сама; я возбужу оную, но съ тѣмъ, чтобъ ее отвратить. Она думала, что весьма есте-

ственное и тѣмъ лучшее изобрѣла къ тому средство, поелику дочь ея была чистосердечна.

Она начала украшать внутреннюю часть своего дома. Флора умѣла рисовать; но не рисовала она никогда чего нибудь другаго, кромѣ равнодушныхъ предметовъ; цвѣтки, птички, лица нѣкоторыхъ богинь и тому подобное. Время уже, думала Цинтія представить ей другія изображенія. Что пріятно глазамъ, то проницаетъ и въ душу. Съ сея минуты начала она собирать въ своемъ домѣ разныя живописныя картины и рѣзныя вещи. Она предпріяла стараніе сіе подъ видомъ украшенія своего тихаго жилища: но сіи картины, сіи статуи представляли все печальныя изображенія; вездѣ видны были вѣроломные и нещастливые Любовники. Басня, рявно какъ и исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, способствовали къ

начертанїю сего собранїя. Здѣсь представлялась умирающая Тизба послѣ умершаго предъ нею и за нее Пирама; далѣе видна была Дидона съ вонзеннымъ въ груди кинжаломъ, умирающая на кострѣ. Тамъ на холстѣ изобразилъ живописецъ отдаленное позорище; на берегу одного острова, представлялась глазамъ оставленная Арїадна, протягивающая свои руки къ кораблю, которой уноситъ вѣроломнаго ея любовника. На другой картинѣ написана была ревнивая и свирѣпствующая Медея умерщвляющая обоихъ сыновъ своихъ. Другїе предметы были столь же ужасны и страшны. Унылая Флора не могла поднять глазъ, чтобъ не увидѣть чего нибудь такого, что бы не опечалило ея сердца. И это та любовь! сказала она, это та любовь, которая приключила столь многїя нещастїя! . . . . . Признаюсь, нельзя довольно ее убѣгать, а еще болѣе опасаться.

Всякой день усиливалось въ ней сїе предразсужденїе, и ничего не случалось такого, что моглобы опровергнуть оное. Цинтїя крѣпко держалась принятой своей уединенной жизни; ни одинъ смертный не долженъ былъ приходить въ окружность ея жилища. Чтенїе способствовало такъже къ содѣланїю сего уединенїя прїятнѣйшимъ. Ни чего здѣсь нельзя было найти, кромѣ нравственныхъ и метафизическихъ книгъ. Онѣ причинили Флорѣ скуку, и она думала, что рождена только на то, дабы безпрестанно сносить ее.

Одинъ родъ увеселенїя, который былъ ей дозволенъ состоялъ въ рисованїи и малеванїи; и въ томъ и въ другомъ она весьма успѣла; то обыкновенно бываетъ прїятно, что исполняется по желанїю. Правда, что работа сїя не имѣла для мыслей ни чего увеселительнаго. Она имѣла предметами поражанїя только трогатель-

ныя изображенія, кровопролитныя произшествія; печаль и ненависть любви; утѣшенія же и восхищенія оной и не воображала. Дочь моя! сказала однажды Цинтія, не забудь хорошо изобразить отчаянія Юноны, когда вѣроломной Парисъ сдѣлался ей измѣнникомъ; послѣ нарисуй нещастную Елену, какъ она симъ клятвопрестунным любовникомъ обманута. Флора рисовала съ величайшимъ ужасомъ.

Прошолъ уже годъ, какъ онѣ перешли въ сіе уединенное жилище. По прошествіи сего времени, лишилась Флора своей матери, которую жестокая болѣзнь въ короткое время низринула во гробъ. Цинтія неимѣла почти времени внушить дочери своей наблюденіе тѣхъ основаній, кои предписала ей, но это было бы излишнее, естьлибъ она говорила ей о томъ; они были глубоко впечатлѣнны въ ея душѣ; сдѣлавшись же свободною, была она менѣе не-

жели когда либо склонна пользоваться своею вольностію.

Вездѣ начали говорить о семъ рѣдкомъ предпріятіи; въ Аѳинахъ всякъ говорилъ о томъ, но ни кто не ободрялъ онаго. Стенорь, одинъ молодой Аѳинянинъ, находилъ предпріятіе сіе болѣе сожалѣнія, нежели осужденія достойнымъ. Онъ видѣлъ Флору въ то время, когда еще можно было видѣть ее, то есть, прежде нежели мать ея удалилась съ нею отъ Аѳинскихъ стѣнъ. Онъ употреблялъ всяческія, но тщетныя старанія, дабы войти въ ея уединеніе, и занимался послѣ того средствами, дабы оттуда ее вывести.

Но какъ можно ему было въ томъ успѣть? къ Флорѣ нельзя было пуще прежняго доступить. Она не пускала къ себѣ ни кого, кромѣ одной Аѳинянки, которая славилась въ живописномъ искуствѣ, и ее тому учила. Херея (такъ называлась она)

но

не ободряла вовсе страннаго намѣренія своей молодой ученицы. Она желалабы отвлечь ее отъ ея предразсуждеия, и не основательнаго страха. Стенорѣ, будучи ей знакомъ, не имѣлъ никакого труда сдѣлать ее себѣ помощницею; онъ имѣлъ все, что нужно было, къ ея подкрѣпленію; благородной, пріятной, пленяющій видъ и разумъ, такъ какъ тогда называли его, то есть, истинной разумъ, словомъ сказать, все, что нужно бываетъ къ плѣненію души и взоровъ всякой женщины, которая способна видѣть и чувствовать.

Что намъ дѣлать? сказалъ Хереи Стеннорѣ; какимъ образомъ вывести намъ ее изъ ея заблужденія. — Вы еще непоказывайтесь, сказала ему его пріятельница. Она должна только увидѣть сперва вашъ портретъ. — Ахъ! и портретъ мой, перервалъ Степоръ ее устрашимъ, — Предоставте сіе мнѣ; она привыкнетъ

къ

къ тому. Мы примемся только за дѣло. Я начну оное рисованіемъ вашего портрета. — А, я понимаю тебя; ты хочешь представить меня подъ какимъ нибудь изображеніемъ пожертвованія любви изъ древности. Иносказаніе сіе очень исправно. — Нѣтъ, я хочу сдѣлать изъ васъ Гипполита, героя равнодушія. — Я не имѣю съ симъ никакого сходства и нехочу онаго имѣть. — Не въ томъ дѣло состоитъ; позвольте только списать съ васъ портретъ, а въ прочемъ положитесь на меня.

Стеноръ сидѣлъ предъ Хереею нѣсколько разъ. Она сдѣлала изъ портрета его великую картину. Онъ представленъ былъ въ оной героемъ со всею збруею принадлежащею къ охотѣ. Перемѣни предметъ сей ревности, сказалъ Стеноръ, то увидишь, что никогда небыло сходства совершеннѣе. — Я хочу, говорила Херея, чтобъ наша нечувствительная, пожелала

са-

ма сей перемѣны, естьли она узнаетъ однажды начертанїе картины, а между тѣмъ, хочу я, чтобъ она сожалѣла, что сїе изображенїе болѣе несуществуетъ.

На другой день приказала Херея отнести свою работу къ своей молодой ученицѣ. Такой картины недостаетъ еще у васъ, сказала она къ ней.— Не опять ли это вѣроломной любовникъ? сказала Флора.— Нѣтъ онъ небылъ никогда любовникомъ; онъ былъ образцомъ нечувствительности. Хорошо имѣть его для виду только, нежели для примѣра.— Съ охотою; но имя его?— Это нечувствительной сынъ славнаго Тезея. Ни когда неподражалъ онъ примѣру отца своего. Тезей любилъ всегда, какъ скоро имѣлъ къ тому случай и онаго искалъ. Гипполитъ, не искалъ ни какого случая, и непользовался ни какимъ.— Гипполитъ находился, думаю притомъ очень спокоенъ, прервала Флора, а Тезей весьма худо.—

Из-

Извините, конецъ сего послѣдняго былъ нестолько печальной, какъ перваго. Тезей умеръ при старости въ объятїяхъ Ѳедры; а Гипполитъ скончался молодъ, разбитъ и растасканъ своими лошадьми.— Ахъ! небо! ахъ, жестокой жребїй, по справедливости жребїй несправедливъ; ибо Гипполитъ небылъ влюбленъ?— Ахъ, нѣтъ— Тезей былъ напротивъ того почти всегда таковымъ?— Ахъ! такъ! —какаяже польза небыть таковымъ?— Этого я незнаю. —Нѣтъ въ томъ теперь нужды, продолжала Флора, это изключенїе правила, о которомъ нельзя еще дѣлать ни какого заключенїя. Такимъ образомъ разговаривая, расматривала она портретъ мнимаго Тезеева сына. Она сожалѣла о нещастїи столь скромнаго и столь пригожаго Героя. Я хочу, сказала она сїю картину скопировать; я буду чрезъ то имѣть чаще случай размышлять о постоянствѣ Принца, котораго оная представляетъ; я

тѣмъ

тѣмъ болѣе научусь подражать его примѣру.

Несомнѣвайтесь въ томъ, сказала ей Херея, которая и сама весьма въ томъ сумнѣвалась; примѣрами научаются и укрѣпляются. На другой уже день принялась младая пустынница за работу. Она начертала планъ картины, и отмѣнно старалась скопировать его лице. Натуральнымъ образомъ дошла она послѣ и до снарядовъ; каждое заслуживало особливаго вниманія; но Флора занималась только вниманіемъ особливо надъ охотникомъ. Она съ ревностію находила ошибки въ своей работѣ, дабы начать ее опять вновь. Она думала также охотно, что видъ сего предмета прекраснымъ будетъ для нее наставленіемъ. Чего было ей опасаться, естьли она тѣмъ занималась? дѣйствительной предметъ не существовалъ болѣе. Конечно опаснѣе былобы его разсматри-

 вать

вать, ибо вся сія наружность (думала Флора) есть трогательна; сіи глаза представляютъ щастливую смѣсь скромности; сіи черты правильны и благородны; сіи уста желательно былобы видѣть улыбающіяся или говорящія; все заставляетъ удивляться сей осанкѣ. Должно признаться, что было щастіе для красавицъ его времени, что Гипполиту угодно было ихъ убѣгать; онѣ неубѣгалибъ отъ него, естьлибъ онъ искалъ ихъ, и я благодарю Минерву, что не имѣю такого искушенія.

Такъ размышляла Флора и поправляла потомъ то руки, то нѣчто въ глазахъ. Херея примѣтила, что она всякой день изображала взоры молодаго охотника скромнѣе. Она думала, что надобно, въ томъ ей противорѣчить. Въ этихъ глазахъ, сказала она, сіяетъ слишкомъ много влюбленной пріятности. Извѣстно, что Гипполитъ былъ гордъ и почти нѣсколько дикъ.—Дикъ, прервала ея рѣчь

Фло-

Флора, сїе слово грубо; равнодушной, это быть можетъ. — Вы не ошиблись, сказала Херея, но дикъ, есть истинное слово. Гипполитъ недовольствовался тѣмъ, что не любилъ; онъ имѣлъ почти и видъ презирающаго. Одна охота занимала его и казалась ему достойною занимать его. — Я непонимаю отвѣчала Флора съ живостїю, какїя можетъ имѣть охота прелести? — Она должна быть очень прелестна. Смотрите въ одной изъ сихъ картинъ, умирающаго Адониса; онъ вырвался изъ объятїй Венеры, чтобъ заниматься охотою. — Я думаю, Венера весьма за то осердилась, да для чегоже она любила его? но его самаго не извиняетъ ни что. Сражаться со звѣрьми, опасное увеселенїе; невинныхъ умерщвлять означаетъ жестокую радость. — Однакожъ всегда быть можетъ радостїю. Чтоже желалибъ вы, чтобъ Гипполитъ дѣлалъ? недолжно ли ему было любить? — Нѣтъ; однако и безъ любви мо-

можно имѣть спокойныя утѣшенія.— Извините меня; молодому человѣку надобно быть или любовникомъ, или охотникомъ. Охота есть единственное предохраніе отъ любви.—Я признаюсь, что непорочная Діана служитъ тому примѣромъ.— Между тѣмъ и это не ложно, что Діана оказала Эндиміону нѣкоторыя благосклонности; однако богиню, которая однажды только полюбитъ, недолжно тѣмъ менѣе щитать нечувствительною. О смертной же не такъ понимаютъ.—Но, откройтесь мнѣ яснѣе; всякой ли охотникъ равнодушенъ?—Такъ, сказала Херея, понимающая ея намѣреніе; каждой охотникъ старается терять время, чтобъ отдалить любовь.—И такъ я погрѣшила, что убѣгала ее видѣть?— Конечно; ее можно видѣть, не опасаясь отъ того худыхъ слѣдствій, почти также какъ вы смотрите на сіи картины.

Младая уединенная Флора повѣрила въ томъ Херее, которая съ своей стороны-

ны предуготовляла коварство. Она увѣдомила о томъ Стенора, которой немедлѣнно ее подкрѣпилъ. Онъ сдѣлался Флорѣ сосѣдомъ. Съ великимъ трудомъ и иждивенїемъ купилъ онъ домъ, которой недалече отстоялъ, отъ того въ которомъ она жила. Онъ показался въ сосѣдственныхъ окружностяхъ въ означенный день въ егерскомъ платьи.

Его одежда, охотничья збруя, все было течно такъ, какъ на картинѣ; подобїе во всѣхъ частяхъ было очень примѣтно. Флора прохаживалась въ то самое время на одномъ возвыщенномъ мѣстѣ, превышающемъ въ виду лежащїя поля. Сколь великое было ея изумленїе, какъ увидѣла она за тритцать шаговъ подлинникъ любимой своей картины! Она кричала отъ удивленїя, а можетъ быть и отъ радости. Трудно было изобразить то, что она чувствовала; она и сама немогла описать того. Между тѣмъ чув-

ствованіе сіе было для нее пріятное и она чувствовала нѣжность онаго незная и не изслѣдывая причины онаго.

Чтожъ касается до Стенора, то онъ зналъ лучше свои побужденія; онъ не сомнѣвался о томъ, что была любовь, но любовь сильнѣйшая. Между тѣмъ принужденъ онъ былъ играть роль равнодушнаго; онъ долженъ былъ показывать болѣе ревности къ преслѣдованію оленя, нежели вниманія къ разсматриванію Флоры. Онъ долженъ былъ смотрѣть на нее, не показываясь ни побѣжденнымъ ни радостнымъ. Сія роль, была для Стенора весьма трудная роль, которую онъ игралъ нѣсколько фальшиво. Всякая женщина, имѣвшая нѣсколько опытности не ошиблась бы въ томъ, но Флора того непоняла. Она видѣла Стенора, что онъ пристально на нее смотрѣлъ, и спустя нѣсколько минутъ удалился, показывая будто занимался

толь-

только продолженїемъ и щастливою удачею своея охоты. Ты не обманула меня, сказала она Хереи, охотникъ есть совершенно равнодушной человѣкъ. Стольже мало опасно, чтобъ онъ на меня глядѣлъ, какъ и мнѣ его видѣть. Тотъ, которой удаляется, кажется, что только старается преслѣдовать звѣрей. Онъ такую же имѣетъ ревность къ охотѣ, какъ Тезеевъ сынъ. Правда, что онъ и въ чертахъ лица имѣетъ сходство. Онъ похожъ на него? спросила Херея съ равнодушїемъ.— Какъ? прервала младая ея ученица съ живостїю, развѣ ты не примѣтила сего сходства?—Я не очень пристально на него смотрѣла.—Ты занималась видно чѣмъ нибудь другимъ; ни когда не было сходства во всемъ совершеннѣе!— Я въ томъ сомнѣваюсь; нѣтъ такого человѣка, которой похожъ бы былъ на Гипполита, что на вашей картинѣ.— А я, я доказываю тебѣ, что этотъ еще пригожѣе.—

Вспомните однако, что изображенїе Гипполита имѣетъ правильность, которая тотчасъ глазамъ видна.—Можетъ статься.—И вы хотите, чтобъ природа превосходила всѣ правила искуства?— Для чегожъ не такъ? развѣ не послѣ природы изобрѣтено искуство? Впрочемъ мы вскорѣ станемъ разсуждать о томъ лучше. Нашъ охотникъ не замедлитъ показаться опять. Этому я невѣрю, сказала Флора съ нѣкоторымъ видомъ негодованїя; онъ столь скоро удалился, что мнѣ кажется не имѣлъ намѣренїя опять сюда возвратиться.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ не возвратился и тщетно былъ ожидаемъ. Херея совѣтовала ему сїе сдѣлать; но сколь трудно ему было по оному поступать! Какъ? размышлялъ онъ, я видѣлъ Флору, ту которую люблю, которая съ давняго времени скрыта отъ меня; взоры ея устремлены были на меня; они на мнѣ прїостановились, казалось, будто она видѣла меня

ня не охотно; а можетъ быть и съ охотою; и я бѣжалъ отъ нея! я удалился отъ ея взоровъ, коихъ столь часто искалъ я тщетно, и коикъ можетъ быть впредь также тщетно искать стану! Но нѣтъ въ томъ нужды; я стану слѣдовать предписанію; я имѣю нужду въ Хереиной помощи; я недолженъ показать виду, какъ бы презиралъ ея совѣтъ.

Во время сего самимъ съ собою разговора, удалялся онъ далѣе. Флора на противъ того не оставляла своей прогулки. Видишь ты, что я не солгала, онъ неявляется болѣе. Это весьма удивительно, продолжала она съ нѣсколько досаднымъ видомъ, что я теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе понимаю нежели ты.

На другой день погода показалась Флорѣ весьма пріятною къ прогулкѣ; она избрала обыкновенное къ тому мѣсто способнѣйшимъ. Херея согласались на то съ весьма равнодушнымъ видомъ. Она предвидѣла, что противорѣчіе было един-

ственное средство къ возбужденію ея ревности еще болѣе. Употребленіе средства сего хотя и не новое, однако всегда останется дѣйствительнымъ. Флора прохаживалась уже цѣлой часъ, какъ Стенорь появился подъ стѣною ея сада. Его одѣяніе и упражненіе были тѣже самыя, какъ и прежде, и поступки его мало отъ прежнихъ отличались. Нечаянное приключеніе подало ему случай, показать предъ глазами Флоры свое искусство. Онъ радовался о сей побѣдѣ; а особливо, что оное доставило ему причину не такъ скоро удалиться. Флора сама участвовала въ щастливомъ его успѣхѣ. Она думала, что сіе участіе происходило отъ сходства его съ Гипполитомъ: сему чрезвычайному сходству удивлялась она всегда; но чѣмъ подробнѣе разсматривала она Стенора, тѣмъ болѣе сравненіе сіе клонилось въ его пользу. Онъ казался ей во всемъ гораздо превосходящимъ изображеніе картины.

Нако-

Наконецъ онъ удалился; Флора ни чего не могла открыть во взорахъ его, что доказывало, что сїе не охотно дѣлалось. И на этотъ разъ могъ онъ принудить себя. Довольно сего размышлялъ онъ; и почти уже слишкомъ много; ни когда не буду я болѣе въ состоянїи притворяться, а особливо скрывать свое притворство.

Флора между тѣмъ все еще заблуждалась. Охота, сказала она, должна имѣть въ себѣ нѣчто плѣнительное. Она опровергаетъ всѣ другїе предметы охотника; ни что неможетъ отвлечь его отъ такого упражненїя. Напротивъ того мое уединенное жилище, не защищаетъ меня отъ скуки. Здѣсь не свободна я отъ разсѣянїя мыслей. Жалко мнѣ, что еще опаснѣе его оставить.

Она простирала рѣчь сїю къ Хереѣ, которая не осталась безъ отвѣта. Да ктожъ мѣшаетъ вамъ, говорила Херея въ уединенїи вашемъ веселиться? Я не говорю

рю, чтобъ вы оставили оное. Вы почитаете его нужнымъ для вашего спокойствія; тѣмъ лучше! я прошу Минерву, дабы она всегда надзирала оное не дремлющимъ окомъ; но неужели для того быть на вѣки заключенною между четырмя стѣнами? Все, что окружаетъ ваше жилище, есть почти стольже уединенное, какъ и оно само; отважтесь пойти чрезъ сію степь. Это должно быть нечаяннѣйшему въ свѣтѣ приключенію, естьли вы увидите здѣсь, хотя слѣдъ человѣческой. —А охотникъ? сказала къ ней Флора, нѣсколько покраснѣвъ.— Охотникъ можетъ быть не придетъ уже болѣе сюда. —И ты вѣришь тому?— Я надѣюсь. Охотникъ никогда недѣлаетъ преимущества одной странѣ предъ другою; онъ смотритъ только на ту, которая для его охоты выгоднѣе.— Но естьлибъ онъ пришелъ опять сюда?— Это было бы великое нещастіе!—О! я боюсь, чтобъ съ нимъ не

повстрѣчаться.—Ну! такъ обождите нѣсколько дней; въ продолженіе сего времени вы увидите, покажется ли онъ опять, или нѣтъ; но я еще разъ сказываю, можетъ быть онъ уже вовсе недумаетъ, притти сюда опять.—Сія примѣта не полюбилась Флорѣ, которая незнала и сама тому причины. Между тѣмъ слѣдовала она совѣту, но въ сердцѣ желала, чтобъ Хереино сумнѣніе было несправедливое.

Желаніе ея не исполнилось. Херея взяла къ воспрепятствованію нужныя мѣры.—Непоказывайтесь здѣсь прежде восьми дней, сказала она Стенору.—Восѣмъ дней! сказалъ онъ; восѣмъ дней, составляютъ ужасное время! развѣ ты думаешь, что любящій..... Каждой любовникъ есть бѣшеной волокита; будьте предосторожны, а иначе Флора не престанетъ быть таковою.—Тутъ обьявила она ему всѣ причины, требующія отъ него сего принужденія. Менѣе не требовалось, содержать

жать въ границахъ его нетерпѣливость. Онъ согласился, не прежде четырехъ дней показаться.

На другой день явилась Флора на своемъ гульбищѣ. Посмотримъ, размышляла она, вѣрноли отгадала Херея. Къ неудовольствію своему примѣтила она сїю справедливость. Ну! авосьлибо завтре будетъ иначе. Флора пришла ранѣе нежели обыкновенно на свое гульбище, но также безполезно. Теперь начинаю я вѣрить, думала она, что Херея не ошиблась. Но въ прочемъ какая въ томъ нужда? я буду тѣмъ свободнѣе. Мнѣ можно будетъ ходить чрезъ сїи мѣста, кои онъ теперь оставляетъ; я должнабъ была то оставить, естьлибъ приходилъ онъ сюда.

Уже на третїй день приказала Херея принести нѣкоторыя охотничьи уборы. — Что ты хочешь дѣлать съ сими уборами? спросила ее Флора. — Я еще не знаю,

отвѣча

отвѣчала она: посмотримъ; кто знаетъ не получители вы желанія къ охотѣ? охота столько же запрещена одному полу, какъ и другому. Лукъ и копье весьма украшаютъ наши руки. — Это правда; говорила Флора, что оружія могутъ быть намъ полезны. Ты сказываешь, что охота есть предохранительное средство отъ любви; оружія также могутъ быть онымъ отъ нападенія охотниковъ.

Херея знала на передъ, что Флора не могла предвидѣть; она видѣла, что сія молодая преступница, нечувствовавшая еще ни какой склонности, и не имѣвшая даже случая, видѣть оныя примѣты, тѣмъ менѣе противиться станетъ первому впечатлѣнію. И такъ она была въ томъ увѣрена, что охота ей понравится, и сумнѣвалась еще менѣе въ томъ, что сей образъ увеселенія послужитъ въ пользу Стеноровыхъ намѣреній. Охота могла ему доставлять тысячекратныя увеселе-

нія

нія и встрѣчи съ Флорою, которая съ своей стороны не всегда будетъ имѣть средства и желанія, убѣгать его; ибо наконецъ думала Херея, надодно симъ любезнымъ дѣтямъ когда нибудь сойтить поближе и другъ противъ друга изъясниться. Однако я хочу, чтобъ Стеноръ показался пожже, нежели какъ намѣревается. Онъ долженъ мнѣ отсрочку сію позволить.

Стеноръ на конецъ согласился на то, хотя не съ окотою. Ни что казалось не препятствовало новымъ охотницамъ въ первые дни ихъ упражненія. Флора упражнялась въ сіе время въ своемъ искуствѣ. Я щастлива, сказала она, что нѣтъ ни какого свидѣтеля моему неумѣнію. Однако неизвѣстно то, не опасалась ли она, говоря сіе, всякаго роду свидѣтелей. Но то заподлинно извѣстно, что она сколь часто ни ошибалась съ нѣкоторою пріятностію вскрикивала: что сказалъ бы на сіе нашъ охотникъ!

Онъ

Онъ слышалъ сіи слова въ первой день, какъ отважился ей показаться. Флора въ этотъ разъ его неусмотрѣла; но онъ ее примѣтилъ. Вдругъ показался предъ ея глазами, таща молодаго оленя, коего тогдаже поразилъ стрѣлою. Онъ принадлежитъ вамъ, вскричалъ онъ къ Фрорѣ; изъ вашей руки пущенная стрѣла повергла его на землю. Флора изумленная его явленіемъ и его разговоромъ, польстилась можетъ быть и тѣмъ и другимъ, но казалась между тѣмъ намѣреніе имѣющею удалиться; однакожъ осталась; Херея, подоспѣвши на то время не имѣла ни какого труда ее удержать. Какъ она прекрасна! думалъ Стеноръ самъ въ себѣ. Сіе оружіе, сія одежда, возвышаютъ лучшія ея прелести безконечно болѣе. Ее почитать бы должно за Діану; или Діана желала бы сама быть Флорою. Стеноръ позабылъ почти роль, которая ему была предписана. Онъ хотѣлъ гово-

рить о любви съ тою, предъ которою долженъ былъ показаться равнодушнымъ. Одинъ взоръ Хереи привелъ его опять въ порядокъ. Онъ говорилъ только какъ охотникъ.—Охота по этому есть пріятнѣйшее увеселеніе? сказала Флора.—Какъ? прервалъ Стеноръ, вы занимаетесь оною и незнаете радости оной? какое напримѣръ восхищеніе выѣхать еще до разсвѣту утренней зари, видѣть ее въ блестящемъ сіяніи восходящую, наслаждаться прохладностію, которую около нее распространяетъ Зефиръ; видѣть, какъ цвѣты украшаются скромными слезами, кои она проливаетъ; слушать какъ птички при первомъ ея пробужденіи воспѣваютъ ея любовь.—Ея любовь! прервала рѣчь его Флора; мнѣ сказывали, что охотникъ презираетъ любовь; развѣ любовь птичекъ можетъ быть плѣнительна?— Правда, сказалъ Стеноръ; однако опасности охотно примѣчаютъ издали только тѣ, которые

торые отъ нихъ освобождены. Я представляю себѣ васъ, сидящую у берега Пиррейской гавани; ваши взоры будутъ необозримымъ моремъ, которое вы предъ собою видите, приведены въ изумленїе и ужасъ; но видъ самъ по себѣ для васъ есть прелестенъ; легкой ветеръ едва колеблетъ поверхность воды; должно бы сказать, что Ѳетиса избрала сей день для своего Трїумфа, или что Венера должна праздновать день своего рожденїя. Вы видите десять кораблей старающихся отвалить отъ берега; постепенно распускаются парусы; слышно радостное восхищенїе матросовъ, которые поютъ похвалу Нептуну и Бахусу; уже воображаютъ они быть обладателями сокровищъ, кои скрываютъ въ себѣ отдаленнѣйшїя страны; они думаютъ, что обуздали вѣтры и щастїе.—Я признаюсь, отвѣчала Флора, что такое зрѣлище можетъ быть плѣнительно.—Такъ точно и пѣнїе птичекъ,

 про-

продолжалъ Стеноръ; но мы останемся при Пиррейской гавани. Картина перемѣняется; прежнее свѣтлое небо покрывается облаками и дѣлается мрачнымъ; катится громъ; воздухъ свирѣпствуетъ; море волнуется и пѣнится; корабли оное покрывающїе, то возвышаются до облаковъ, то низвергаются въ средину пропасти; воздухъ, вода и огонь подымаютъ между собою сраженїе; страхъ и ужасъ заступаютъ мѣсто радости; дѣлаютъ обѣщанїя, но неожидаютъ ничего другаго кромѣ смерти.—Перестаньте, прервала рѣчь его Флора, вы приводите меня въ трепетъ! я вижу, что вы представляете въ семъ изображенїи, тѣ опасности, коимъ подвергаетъ насъ любовь. Мнѣ изображали ее всегда таковыми красками.— Это правда, сказала Херея, оборотясь къ Стенору, это правда, что ей всегда представляли любовь подъ ужаснымъ изображенїемъ. Все окружающее въ уединен-

номъ

номъ ея жилищѣ, воспоминаетъ ей сіе противное представленіе, и вы стараетесь изобразить ей сію картину еще чернѣе?— Я! сказалъ Аѳинянинъ, принуждая себя опять къ притворству, я изображаю только по природѣ; но послушайте еще совсѣмъ новаго и всѣмъ изображеніямъ чуждаго примѣра. Можетъ быть говорили вамъ о Лесбирѣ Сапфо. Ее здѣлали десятою Музою, которая какъ и прочія девять Музъ гордилась своею нечувствительностію. Лѣта Сапфины умножались съ ея славою. Удивлялись ея дѣламъ, но презирали ея самую. Она не могла рѣшиться быть презираемою. Она хотѣла наложить оковы на молодаго Фаона; узы ея немогли его удержать. Тщетно воспѣвала она его имя во всѣхъ своихъ пѣсняхъ, и увѣряла его безсмертіемъ. Фаонъ ищезнувши поставилъ морскую глубину между Сапфою и собою; но Сапфо бросилась въ сію глубину, и тѣмъ облегчила его въ побѣгѣ.

Ахъ! небо! сказала Флора съ ревностію, сего начертанія недостаетъ въ моемъ собраніи картинъ; какъ сожалѣю я о Сапфѣ, что она уступила любви! сколь многоразличныя и нещастныя приключенія слѣдуютъ за оною! Ахъ! когда предохраняетъ насъ отъ того охота, то я по жизнь мою буду заниматься оною.

Намѣреніе сіе неустрашило Стенора. Оно было ему милѣе, нежели когдабъ Флора рѣшилась остаться въ уединеніи. Все идетъ прекрасно, сказала ему тихонько добрая Херея, вы хорошо сдѣлали, что распестрили картину; вы увидите, что Флора сама желать будетъ чтобъ краски были послабѣе.

Стеноръ продолжалъ бы съ охотою разговоръ, естьлибъ далѣе должно было говорить ему противъ любви. Онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ ту выгоду, что говорилъ съ Флорою; но надобно было раз-

статься. Великая отрада для него была, когда Флора сказала къ своей соперницѣ, что она надѣется на другой день въ тойже странѣ быть на охотѣ.

Это было такое дѣло, которое онъ нелегко забыть могъ. На другой день явился онъ на томъ же самомъ мѣстѣ, прежде нежели пришла туда Флора, однакожъ и она пришла ранѣе обыкновеннаго. Онъ подошелъ къ ней съ предосторожностїю, но невзялъ въ помощь ни какого вида.— Знаетели, сказала она ему, что мнѣ чрезъ всю ночь грѣзилось о буряхъ, корабляхъ и объ утопшихъ? Добрая Сапфо вовся невыходитъ изъ моихъ мыслей! Признаюсь, отвѣчалъ Стеноръ, что произшествїе сїе ужасно. Какъ могла Сапфо, продолжала Флора, имѣя столь проницательной разумъ, непредвидѣть сего печальнаго конца и не отвратить его отъ себя?— Потому что разумъ пособляетъ намъ пу-

теводительствовать другимъ , а самихъ насъ приводитъ часто въ заблужденіе.— Но Сапфо жила долгое время, не впадая въ заблужденіе?—Можетъ быть съ лишкомъ долго.—Какъ мнѣ сіе разумѣть?— Задватцать лѣтъ ранѣе не бѣгалибъ отъ нее, и она небросилась бы въ море.—Какъ! по этому желали бы вы , чтобъ она любила?—Я ничего нежелаю ; но сказываю только, что она, имѣя на конецъ желаніе любить, должна была начать ранѣе.— Но любви надобно всегда опасаться. Развѣ не помните вы болѣе, что вы сравнивали любовь съ ужаснѣйшею бурею?—Прекрасная Флора! буря не всегда потопляетъ корабль. Часто пособляетъ она ему при его бѣгѣ; онъ возвращается въ гавань нагруженной сокровищами, украшенъ флагами, среди радостнаго восклицанія матросовъ.—И такъ, продолжала Флора , сравненіе ваше было несправедливое?—Извините. Я никогда не имѣлъ намѣренія говорить'

рипь, что любовь дѣлаетъ всѣхъ тѣхъ нещасливыми, которые ей покоряются. Я думаю даже, что число щасливыхъ любовниковъ большее, нежели тѣхъ, кои учинились жертвою любви.—Какъ! сказала она въ великомъ замѣшательствѣ, и такъ вы нестараетесь ее убѣгать?— До сихъ поръ, продолжалъ Стенорь, всѣми мѣрами старался я къ тому привести, чтобъ сравнивая ваши опасности съ опасностями, коимъ подвергается корабль, щиталъ я себя между зрителями; я разсматривалъ корабль только съ берегу.

Сей отвѣтъ могъ успокоить Флору; но неизвѣстно, былали она тѣмъ довольна. Начали опять охоту, которая была не изъ щасливѣйшихъ. Стенорь былъ разсѣянъ, Флора въ задумчивости, а Херея наблюдательнѣе за возбужденіями, кои раждались въ молодой ея ученицѣ, какъ и за тѣмъ, что происходило въ полѣ.

Она не сумнѣвалась въ томъ, что Флорино предразсужденїе будетъ ежедневно ослабѣвать. Она совѣтовала Стенору быть застѣнчивѣе, какъ въ поступкахъ своихъ, такъ и разговорахъ. Онъ напротивъ того открылъ ей намѣренїе, которое почиталъ дѣйствительнѣе, нежели лучшїя приготовленныя рѣчи и предосторожныя поступки.

Обѣ части въ продолженїе трехъ еще слѣдующихъ дней сходились въ мѣстѣ и имѣли предметомъ разговоры клонящїеся къ той же самой матерїи. Стенор̆ъ говорилъ о любви какъ человѣкъ, которой не требуетъ, чтобъ вѣрили его словамъ, а Флора имѣла великую охоту во всемъ ему противорѣчить и ни въ чемъ невѣрить.

Спустя два дни послѣ того, ходила она съ подругою своею на охоту. Время протекало, а Стенор̆ъ не являлся. Флора удив-

удивлялась тому въ самомъ дѣлѣ, а Херея притворилась равнымъ образомъ удивляющеюся. Молодая охотница была неутомима; она хотѣла возвратиться домой пожже обыкновеннаго. Наступала уже ночь; какъ онѣ достигли жилища; но Стенорѣ не являлся.

И на другой день онъ непоказывался. Флора устала скорѣе, нежели прошедшаго дни. Солнце не окончило еще своего теченія, а она оставила уже поля.

Чтобы такое повстрѣчалось съ нашимъ охотникомъ? сказала она Херѣ.— Я не могу того отгадать, отвѣчала сія. Я думаю, не вздумалосьли ему посмотрѣть не выгоднѣе ли будетъ охота въ другой сторонѣ; можетъ быть завтрѣ увидимъ его опять въ сей сторонѣ; можетъ быть тамъ ему непонравится.— А я, прервала Флора съ ревностію, я хочу завтре быть на охотѣ въ другомъ мѣстѣ;

я

я хочу также однажды посмотрѣть; не лучшели пощастливится въ другомъ мѣстѣ.

Херея не обманулась изъ сего отвѣта; она почти предчувствовала сїе рѣшенїе, и не меньше желала противорѣчить оному. Флора спала мало въ слѣдующую ночь. Чтобы значило безпокойствїе сїе, которое я чувствую? думала она, для чего занимаюсь я столь много отсутствїемъ незнакомца? я должна бы сама убѣгать его присутсвїя. Однако! для чего мнѣ убѣгать его? поступки его доказываютъ, что я погрѣшилабы бѣгая отъ него.

Не менѣе однако пребывала она въ своемъ намѣренїи. Правда, что она сдѣлавъ новой сторонѣ предъ прежнею преимущество, собственно ни чѣмъ непожертвовала. Нечаянное приключенїе могло доставить ей случай встрѣтиться со

Сте-

Стеноромъ, и Флора не помышляла о томъ, чтобъ предупредить дѣйствїе сей нечаянности. Херея вела ее, и попускала себя вести. Непримѣтно приближились онѣ къ одному весьма прїятному небольшому кустарнику. Ручей протекалъ по среди онаго, и распространялъ тамъ прїятнѣйшую прохладность. Природной водометъ, дѣлалъ тихое журчанїе; цвѣтами испещренная зеленость, украшала берега источника; другїе цвѣты, какъ бы нарочно разбросаны были между кустарникомъ, и искусно расположенные пригорки препятствовали глазамъ обозрѣвать всю окружность. Различныя птички представляли тамъ музыкальной споръ. Вдругъ голосъ флейты прервалъ ихъ молчанїе, съ коимъ соединился весьма прїятной и чистой голосъ. Оной воспѣвалъ восхищенїе любви и постоянства.

,,Любви достойный сынъ Венеры (та-

,,кїя

,,кія были слова оной пѣсни) ты распро-
,,страняешь свои благодѣянія на всѣхъ
,,смертныхъ; всѣ люди для тебя равны.
,,Изъ великолѣпныхъ палатъ преходишь
,,ты въ хижину, въ которой еще чаще
,,обитаешь, нежели въ чертогахъ. У
,,пастуховъ говорятъ другъ другу: Я
,,люблю тебя; и сіе составляетъ клят-
,,ву, отъ которой ничто неможетъ ихъ
,,разрѣшить. Единственная клятва, ко-
,,торую у нихъ отважились бы нару-
,,шить, была бы та, чтобъ никогда не
,,любить. Сіи слова тронули Флору чув-
ствительно. За мѣсяцъ предъ симъ,
вздумала бы она убѣгать, но теперь по-
мышляла только, приближиться. Этотъ
голосъ, сказала она Хереи, заслуживаетъ
внимая; Мы пойдемъ поближе и послу-
шаемъ, чтобъ ничего не пропустить, но
будемъ избѣгать того, чтобъ насъ не при-
мѣтили, и чтобъ не испугать пѣвицу.
Пѣвица продолжала въ слѣдующихъ сло-
вахъ:

вахъ: ,,Равнодушныя сердца! не хвали-
,,тесь болѣе спокойствіемъ, коимъ на-
,,слаждаетесь; оно есть сонъ; сей сонъ есть
,,смерть. Для васъ все мертво, и вы
,,мертвы для всего, что есть. А вамъ, ко-
,,торыхъ покоряетъ любовь подъ свои
,,законы! Вся природа покорена вамъ.
,,Однихъ васъ освѣщаетъ дневный свѣтъ;
,,вы одни знаете цѣну его благодѣяній.
,,Сколь прекрасенъ есть день для любя-
,,щихся! Любовь все умѣетъ украшать;
,,балсамической запахъ сихъ цвѣтовъ
,,дѣлается чрезъ то пріятнѣйшимъ, пе-
,,строта луговъ живѣе, кристаловидные
,,воды чище, пѣніе птицъ согласнѣе.
,,Сей, удаляющійся и поскату своему па-
,,дающій ручей, приглашаетъ любящихся
,,другъ къ другу приближиться; сей
,,ефей и сіе вязовое дерево даютъ имъ
,,предписаніе, быть неразлучными; все въ
,,природѣ говоритъ къ нимъ; они узна-
,,ютъ разговоръ любви,,.

Каж-

Каждой тонъ голоса, поражалъ душу Флоры; она забыла вооружиться противъ сего впечатлѣнія; она забыла матернее наставленіе и сказала къ Херѣ: я желала бы, чтобъ нашъ незнакомецъ услышалъ сей голосъ и сіи слова; я съ примѣчаніемъ наблюдала сти и дѣйствіе, которое бы въ немъ произошло.

Вы такъ о томъ судите! сказалъ онъ; вы видите сего незнакомца у ногъ вашихъ. Стенoръ находился подлинно въ такомъ положеніи. Флора отъ изумленія вскричала; но взоры ея не обнаруживали никакого гнѣва, и никакого желанія чтобъ убѣгать. Что вы дѣлаете? сказала она Стенору. Сіе положеніе не прилично для охотника, для врага любви. Я сама недолжна . . . Ахъ! прервалъ ея рѣчь Стенoръ, забудьте не справедливое и сверхъ естественное предразсужденіе. Для того ли вы столь прелестны, дабы скрыть пре-

прелести ваши отъ нашего удивленія? возможноли не чувствовать намъ цѣны оныхъ? можетъ ли похвала оныхъ быть для васъ обидна? Флора не нашла на сіи вопросы ни какого отвѣта, однако сказала на конецъ: вы знаете, сколько любовь причинила неща[illegible]й; меня всегда въ томъ увѣряли, и я невидала еще ни одного примѣра, которымъ бы сіи основанія могли быть опровергнуты. — Вы увидите оной, сказалъ Спенсоръ, цѣлуя ея руку; вы сами будете примѣромъ. Между тѣмъ представляетъ вамъ нечаянное сіе приключеніе другой примѣръ. Спросите у сей пары, которой голоса заслуживали вашего внимаія.

Сія пара непѣла уже болѣе, однако неудалялась. Прошу васъ, сказала Флора обратясь къ молодой особѣ, которая пѣла, выведите меня изъ сумнѣнія; вѣрители вы всему тому, что въ пѣсни своей выражали? — Любовь болѣе оказала намъ добра, отвѣчала молодая женщина,

нежели мы когда либо сказать можетъ.— Какъ! перервала Флора, вы говорите о томъ изъ собственнаго опыту?—Мы изображаемъ только то, что чувствуемъ. —А съ котораго времени чувствуете вы то?—съ того самаго, какъ начали другъ друга любить.—Учинилиль вы между собою чоюзъ? спросила Херея.—Навѣки, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Ежедневно просимъ мы любовь чтобъ соединила насъ еще крѣпче. Ежедневно умножается наше благополучїе, и, пока ничто насъ не разлучитъ, непрестанетъ умножаться.

Слышите ихъ, прекрасная Флора, сказалъ Стеноръ; они подлинно имѣютъ разговоръ щастїя и истинны. Флора начала тому вѣрить, и, что еще болѣе, она уже непритворялась въ томъ сумнѣвающеюся; но печальныя изображенїя, кои столь долгое время смущали ея взоры, занимали еще ея духъ. Вы будете о

томъ

томъ судить, сказала она Стенору, вы увидите, должна ли я буду тѣмъ тронуться. Стеноръ ничего столько нежелалъ, какъ быть судьею, чтобъ рѣшить сїе сумнѣнїе. Охота была прекращена; поѣхали въ домъ Флоры. Смотрите, сказала она къ Стенору, вводя его въ небольшую комнату, смотрите, не должны ли меня устрашать таковыя примѣры..... Но, о небо! что я вижу? какая нечаянная перемѣна! чтобы это значило? что картины сїи нето уже болѣе представляютъ, что прежде? отъ чего сїя перемѣна?

Пускай всякъ судитъ, недолжнали была Флора изумиться. Совсѣмъ новое зрѣлище представилось ея взоромъ. Вмѣсто тѣхъ ужасныхъ явленїй, кои до сего, устрашали ее, увидѣла она вдрудъ все нѣжныя и такїя представленїя, кои могли ее успокоить. Въ сихъ картинахъ все изображало спокойную и щастливую

любовь. Ничто не устрашало глазъ, но для души все было трогательно. Душа флоры была также живо тронута. Между тѣмъ, легко можно вообразить себѣ, что она сїю въ уединенїи ея произшедшую перемѣну неприписывала ни какой волшебной силѣ. Она не сумнѣвалась въ томъ, что способствовала въ томъ Херея; однако неочень жаловалась на то. Ты обманываешь меня, сказала она, голосомъ, которой коказывалъ, что ей нежаль было быть такимъ образомъ обманутой; ты обманываешь меня! Какое твое намѣренїе? — Сдѣлать васъ щастливыми, отвѣчала Херея, вывести душу вашу изъ безразсуднаго намѣренїя, и жалостнаго предразсужденїя. Вы видите Стенора; продолжала она, равнодушїе его было не что иное какъ одно притворство; нѣжность его къ вамъ была мнѣ извѣстна; я знаю его сама во всемъ, и во всемъ онъ васъ достоинъ,

Въ продолженіе сей рѣчи, лежалъ Стенорь у ногъ Флоры. Такъ, сказалъ онъ къ ней, я видѣлъ васъ, прежде нежели заключила васъ Цинтія въ сіе уединеніе; съ того времени, всегда я васъ горячо любилъ, даже и тогда, какъ лишился я всей надежды, когда нибудь видѣть васъ. Одна любовь вселила въ меня поведеніе, которое я наблюдалъ; она должна быть моимъ извиненіемъ. Въ прочемъ намѣренія мои столь правильны и столь чисты, сколько чиста сердечная моя любовь.

Можно было видѣть, какъ Флора мало по малу теряла свое противъ любви предразсужденіе. Перемѣна картинъ была почти излишняя. Однако она способствовала къ совершенному истребленію страха, которой произвела столь великая хитрость; но теперь не нужна была ни какая хитрость, къ побужденію Флоры для благопріятнаго въ пользу Стенора рѣше-

нія. Въ короткое время сдѣлался онъ ея супругомъ, и никогда не преставалъ быть любовникомъ. Ежедневно удивлялась она тому, что могла бояться любви. Она укрѣплялась въ своемъ мнѣніи, и понятія ея распространались всегда болѣе. Вы изрядно меня дурачили, говорила она Стенору и Хереѣ, однако я то заслуживала и охотно васъ въ томъ извиняю. Только жаль мнѣ, что поющая пара, представляла только настроенное благополучіе. Она играла роль свою довольно хорошо, дабы заслужить, чтобъ оное было ей сродно.—Въ этомъ небезпокойтесь, отвѣчалъ Стеноръ, сія роль играна не даромъ. Сіи молодые люди, кои были тамъ поставлены, выражали не взырая на то не менѣе свои собственныя чувствованія. Увѣряютъ, что они еще тѣже самые. Вы любезная моя Флора, сохраните на всегда ваши; Любовь, устрашавшая насъ, причинитъ вамъ и мнѣ благополучіе. Она не

не та бѣшеная, повелительная и ревнивая любовь, не та страсть, которая мучитъ душу; вмѣсто того, чтобъ оную утѣшать, она есть то восхитительное соединенїе сердецъ, которое удалено отъ нечувствительности, также и отъ неистовой ревности; которая наполняетъ все сердце, не дѣлая ни какого мученїя; которая ничего неупускаетъ, но и ни кого на сильно не принуждаетъ; однимъ словомъ, она не та любовь, какъ обыкновенно ее представляютъ, или болѣе обезображиваютъ; она есть любовь, такая, какъ она сама въ себѣ и какова быть должна.

КОНЕЦЪ.

9 7 1 9 7 9 1 1 1

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Павел

[illegible]

Александр

Степань Михайло

[illegible]